

18+

О. Виноградова
Якобинец

Ольга Виноградова

Якобинец

«Автор»

2017

Виноградова О. Ю.

Якобинец / О. Ю. Виноградова — «Автор», 2017

О французской революции конца 18 века. Трое молодых друзей-республиканцев в августе 1792 отправляются покорять Париж. О любви, возникшей вопреки всему: он - якобинец , "человек Робеспьера", она - дворянка из семьи роялистов, верных трону Бурбонов.

© Виноградова О. Ю., 2017

© Автор, 2017

Санлис июль 1780 года

«На этого знаменитого мученика во имя Равенства так много клеветали, что долг каждого честного патриота восстановить добрую память о нём.»

(Ф.Буонарроти (1761-1837) по поводу восстановления исторической справедливости в отношении М.Робеспьера)

По пыльной неровной дороге Санлиса на немыслимой скорости неслась карета, украшенная фамильным гербом маркизов де Белланже. Казалось, его сиятельству даже нравилось наблюдать, как худые, скверно одетые люди в деревянных сабо.. эта грязная чернь... буквально рассыпались с дороги, уворачиваясь от копыт его дорогих арабских лошадей.

Кучер гнал так, словно преследовал опасного врага... Это было не внове, у знатных людей имела привычка мчаться на бешеной скорости по узким улочкам, давя и калеча людей, которым некуда было даже отступить.. Это было обычным явлением. На жалобы пострадавших, даже если те имели дерзость их заявить, никто ровно не обращал внимания. Кто все они? Нищие, сброд!

Но вот на крутом повороте, карета, вылетев из-за угла, на что-то мягко наскочила колесом, раздалась безумные крики, горячие чистокровные лошади захрипели и встали на дыбы..

Кажется, если бы не это досадное обстоятельство, господин маркиз и не позволил бы кучеру остановиться. Чаше бывало иначе, карета не снижая скорости, покидала место происшествия, оставляя на земле искалеченную жертву..

– Что на этот раз?, – холодно поинтересовался маркиз, услышав страшный женский плач и крик, более похожий на звериный вой. Вой не прекращался, резал слух. Лишь тогда он счел нужным выглянуть в окно кареты. Женщина сидела прямо на земле, прижимая к груди окровавленное тельце..

– Так случилось, не извольте гневаться... ребёнок!, – робко кланяясь, подошел к карете худой человек, свою помятую шляпу он держал в руке.

– Убили!, – с диким криком поднялся из пыли другой человек, возможно отец ребенка, но маркизу это было вполне безразлично, он лишь невольно схватился за шпагу, смутно почувствовав угрозу. Но всё было спокойно.. как всегда. Маркиз молча оглядел толпу..Что ж, эти скоты ко всему привыкли...

Крик вырвался у них лишь в первую минуту, а теперь все стояли, молча, опустив глаза..

– Удивительное дело, отчего вы все время путаетесь под ногами.. Пьер, проверь, не испортили они мне лошадей. А тебе.. вот,– через окно кареты упала в пыль, небрежно брошенная женщине золотая монета, – ну что, бездельник, лошади в порядке, можем ехать! Мы и так потеряли массу времени!

Он уже небрежно откинулся на подушки, когда прямо в окно кареты пулей влетела золотая монета. Кровь бросилась Белланже в лицо:

– Кто посмел? Наглые собаки!

Перегнувшись из окна экипажа Белланже тяжелым цепким взглядом изучал серую, неизменно покорную толпу местных жителей.. В мыслях мельнуло: «Крысы.. повывлезали из своих нор..Кажется, не посмеют и в мыслях..Так кто же...»

Мертвого малыша и убитых горем родителей уже не было видно, но собралось некоторое количество мужчин.. Рука снова невольно потянулась к эфесу..

Они смотрели на карету опасливо и хмуро, если вообще позволяли себе поднять глаза..стояли, привычно согнув плечи..

Бросалась в глаза лишь подчеркнута высокая фигурка черноволосого подростка лет 14 с окаменевшим лицом, его темные сузившиеся глаза внимательно изучали Белланже безо всякой почтительности.. Дерзкий щенок.. достоинство маркиза было выше подобных мелочей.. Он задернул шторку и уверенно крикнул кучеру:

– Пошёл!

За руку подростка уцепилась бледная женщина с искаженным от горя лицом:
– Убийца...убийца... ему было всего шесть лет, Норбер.. а он.. монету.. это цена жизни моего ребенка?! Будет ли конец его преступлениям...

При этих словах все одновременно вспомнили о Мари, молоденькой служанке, изнасилованной веселящейся золотой молодежью во главе с самим Белланже... И что? Кто же рискнет обвинить высокогородного господина и ради чего? Ради маленькой простолюдинки?.. Да мало ли их таких,...что же будет, если все.. оборванцы начнут предъявлять претензии?

В таких случаях аристократы остряли: «Мы оказываем вам честь, добавляя немного голубой крови вашим детям...» Девушка сошла с ума...И вскоре умерла...

Эта девушка была старшей дочерью этой самой женщины, теперь потерявшей и второго ребенка, вдова Арман...

На несчастную женщину опасливо зашикали соседи, совсем обезумела от горя, потеряла всякий страх, а ведь стоит поберечься, надо как-то жить, у нее остался еще один сын, 12-летний Жак, товарищ Норбера...

Норбер с расширенными остановившимися зрачками повернулся к женщине:

– Скоро Судный день... Они за всё заплатят, поверьте, за всё, тётушка Жанетта... Не один маркиз... Все они... эти господа... Все...И у нас тоже не найдется ни капли жалости...

Но оставалось ждать ещё 9 лет...

Санлис май 1783 года

День, когда юный идеалист, опрометчиво решил отправиться в прокуратуру, Норбер запомнил хорошо. Счастье, что прямо в здании, его перехватил нотариус Дюбуа, отец друга Филиппа. Дюбуа пришел в ужас, узнав о намерении Норбера.

– Мальчик, ты ничем не сможешь помочь вдове Арман и своему товарищу, но себя погубишь.. нет, решительно, нет, ты туда не пойдешь..забудь!

– Но как же так, месье Дюбуа, неужели мы совсем бессильны?! Это отвратительно! Как же так?! Вы сами рассказывали мне про некоторых современных адвокатов, которые берутся защищать таких, как мы..и выигрывают! Месье Дюпати из Бордо или месье Робеспьер из Арраса.. Это настоящие люди, справедливые, бесстрашные и благородные...

– Не сходи с ума, Норбер, среди местных адвокатов подобных я не знаю, никто не выступит против дворянина в пользу изнасилованной служанки или случайно сбитого каретой мальчика...Это конечно крайне несправедливо, но такова жизнь...

А на ступенях Норбер столкнулся с виновником своего бессильного гнева. Маркиз смеялся подростка слегка удивленным, недоверчивым взглядом и подозрительно сузил глаза:

– Эй, парень, ты что же, на меня жаловаться ходил?, – тон вежливо-зловещий...

Норбер сжал кулаки и обжег его бешеным взглядом:

– На всех вас надо жаловаться, да некому!

Лишь ловкость позволила ему ускользнуть от сильного пинка.

Господин де Белланже, сверкая горящими глазами, схватился за шпагу. Дюбуа, озабоченный крутым поворотом событий, умоляюще выставил вперед руки:

– Господин маркиз, ради Бога... очень молод, совсем мальчишка, господин маркиз!

Белланже резко обернулся к нотариусу:

– Мальчишка?! Какой он к дьяволу мальчишка! Мелкий подстрекатель и нарушитель общественного порядка! Болтаться ему когда-нибудь на виселице, помяните мое слово, Дюбуа! Он еще заставит всех нас раскаться в нашем добросердечии и терпимости...

Годы между взятием Бастилии и штурмом Тюильри

Май 1789 года.

23-летний Норбер Куаньяр уже работал в нотариальной конторе. Сын сапожника, он учился не в студенческой аудитории, а самостоятельно под руководством господина Дюбуа,

отца своего давнего друга Филиппа, который в это самое время, учился на юридическом факультете в Париже.

Под впечатлением событий в Париже его старший брат Франсуа Куаньяр в ноябре 1789 стал председателем местного патриотического клуба.

Норбер и его товарищи Филипп Дюбуа, Пьер Жюсом и Жак Арман стали активными пропагандистами новых идей среди молодёжи Санлиса.

В первый год революции посетила Норбера и первая любовь. Ее объектом стала 19-летняя племянница графа де Бресси, год назад покинувшая стены пансиона. Луиза Мари Флоранс де Масийяк, изящное золотоволосое создание с большими грустными глазами. Девушка была для него сказочной мечтой, у которой нет никаких шансов стать явью.

Норбер наблюдал за ее прогулками на расстоянии, стоя у решетки сада, девушка тогда едва ли замечала его. К чему юной аристократке замечать плебея, хуже того, революционера, сколь бы он ни был умен, энергичен, неплохо образован и наконец, внешне привлекателен, в последнем пункте многие девушки Санлиса были единогласны, хотя и несколько обижены, ни одной из них он не отдавал явного предпочтения.

Санлис. Сентябрь 1789 года. Контора нотариуса Дюбуа.

–Ах, Норбер, зачем вы ввязались в эту безумную борьбу! И мой Филипп туда же... герой Бастилии, прости Господи,... третьего дня привез из Парижа газету... как же её название, и сколько их развелось, вот же, вспомнил, «Друг народа»...почитал я её, подумал, и говорю вам, бросьте всё это, добром это не кончится для вас! Мы с вами простые люди, что от нас может зависеть, что мы в состоянии требовать от власти? Все карты в руках людей сильных, знатных и богатых, что ты и твои друзья могут против того же маркиза Белланже? Поверь и не злись, но ровно ничего. Только погибнете напрасно! Всё может было бы иначе, будь твой отец банкиром или крупным фабрикантом,... но и тогда не факт...», – мэтр с сомнением покачал головой, – совсем не факт.

Подобные разговоры между Дюбуа, Филиппом и друзьями сына возникали уже не впервые, с тех пор, как оба они вступили в патриотический клуб Санлиса.

Норбер лишь беззаботно улыбался, слушая старика Дюбуа, он консервативен, осторожный и ворчливый скептик, как многие люди его лет. Его собственное положение скромно, но очень стабильно, уже поэтому он боится любых перемен, пусть плохо, но привычно, и всё же, у него доброе сердце.

Без его участия Куаньяра ждала бы незавидная жизнь малограмотного чернорабочего без будущего, без малейших перспектив.

Дюбуа встретил мягкий взгляд спокойных глаз юноши:

– Дело, которому мы посвятили себя, благородное, святое дело. Я избрал свой путь и не сверну с него никогда. Думаю и Филипп скажет вам тоже самое. Дорогой мэтр, наша судьба зависит сейчас оттого, будем мы все активными участниками великих событий или пассивно предоставим господам решить всё так, как удобно им, именно сейчас, у нас есть все шансы, и упустить их было бы чудовищным преступлением! Надо вырвать у них эти самые карты! Как? Неважно! Разве вы не понимаете, что свободу раб может добыть лишь с оружием в руках, её не вымаливают, как подачку, стоя на коленях, она не шуба, милостиво брошенная с барского плеча!

– Норбер, мальчик, ты и твои друзья ослеплены ненавистью к маркизу Белланже и его компании, пусть она сто раз справедлива, но вы не предвидите потоков человеческой крови, которая прольется по вашему слову! Грешно возмущать мирных и верноподданных людей против существующего порядка! Ищите иных путей!

– Иного пути не существует, месье. Не обманывайте себя. Повода же говорить о потоках крови, мэтр, я пока не вижу, но если привилегированные и дальше будут сопротивляться Национальному Собранию, как сейчас, всё вероятно, и мы не отступим перед соображениями фаль-

шивой сентиментальности! Аристократы сами первые объявили войну народу и веками обращались с нами, как завоеватели с побежденным племенем, и сейчас с самого созыва Собрания пытались уничтожить всякую его самостоятельность, и только решительность парижан 14 июля сорвала жестокие планы Двора!

Тёмные глаза молодого человека блестели искренней, дикой страстью, тем более удивительной на почти неподвижном, как маска лице:

– Дорогой мэтр, этот самый «порядок», судьба которого вас беспокоит, умерщвляет не только тела с помощью голода и рабского труда, но и разум, и душу народа подобными проповедями скотской безропотности и покорности! Нет власти еще не от Бога? Но клянусь, аристократов послала на наши головы скорее дьявольская канцелярия! Раб да повинуется господину своему?

Это ли не надругательство над человеческим достоинством! Месье Дюбуа!, – Норбер словно извиняясь за резкость, прижал руки к груди, – я уважаю ваш преклонный возраст, помню всё, что вы для меня сделали, и совсем не хотел обидеть...

Дюбуа по-отечески положил руки на плечи Куаньяра:

– Знаю, знаю, и все же мне кажется, вы увлечены, а стало быть, можете быть обмануты своекорыстными и высокопоставленными людьми, которые используют происходящее в своих узких интересах. По совести, все эти дворяне-либералы не вызывают никакого доверия, чего хотят на самом деле герцог Орлеанский, Лозен, Ларошфуко и прочие, кто их знает, но с народом им уж точно не по пути... Есть мнение, что это движение..., – он понизил голос, – масонский заговор против монархии.

Норбер смотрел на нотариуса внимательно и серьезно:

– Лично у меня они также не вызывают доверия. Вы знаете, я сын сапожника, мы с братом выросли в бедности, поэтому нужды и проблемы народа это мои личные нужды и проблемы. Масоны? Вас это удивляет?

Любой революции нужна организация, тем она радикально отличается от стихийных народных бунтов, обреченных на поражение... Но удержат ли они ситуацию под контролем? Вряд ли, люди учатся мыслить, осознавать собственные интересы, прямо по ходу возникают новые организации внутри прежней... Но хватит об этом.

Месье Дюбуа, я лишен роскоши наблюдать за жизнью народа со стороны, тем более, из положения сверху вниз, сидя в «башне из слоновой кости». С самого начала жизнь сложилась так, что в свои двадцать три года я чужд романтических иллюзий и наивной восторженности, которые отчего-то считают свойственными молодости.

Я вижу ситуацию масштабно и дело совсем не в личной вражде между мной и де Белланже, как вы думаете. Я принципиальный враг всем Белланже, как они сами враги всей французской нации.

Нотариус протестующе вскинул руки:

– Но, Норбер, ведь так можно договориться до самого немыслимого, до самого страшного! Расписавшись в ненависти к дворянству, как классу, ты не сможешь со временем не покуситься и на прерогативы Трона, ведь король есть первый дворянин Франции!

– У вас отлично развито логическое мышление, мэтр!, – сердце Норбера тревожно стукнуло и провалилось куда-то, нервно облизнул губы, ни он сам, ни его товарищи совершенно еще не думали о подобном, – так далеко не заходит никто из нас. Надеюсь все же, вы не склонны считать, что закон наследования власти, исходящий от умерших королей может быть священнее христианских заповедей, которые придворная знать и верные слуги короля нарушают с чувством права?

Дюбуа задумчиво выдержал небольшую паузу:

– Мы не можем знать своего будущего, но обязаны знать свой долг!

В ответ Норбер лишь торжественно наклонил черноволосую голову. Согласен, но всё же, к чему клонит мэтр?

А Дюбуа продолжал:

– Я не настолько консервативен, как ты думаешь. Скажу так, если призвав на помощь разум, действуя взвешенно и справедливо, не поддаваясь раздражению, злобе и ненависти, объединив усилия, депутаты от всех сословий сумеют достигнуть желаемых целей, избавить страну от злоупотреблений чиновников, поднять рухнувшую экономику, то стяжут себе неувядаемую славу. Но если насилиями, жестокостью и возбуждением народных страстей святое дело превратится в дело мести, то борьба за права человека окажется запятнана. Тогда и победа и поражение окажутся, одинаково печальны!

Норбер был крайне удивлен, но заставил себя воздержаться от резких замечаний, уже готовых сорваться с его губ. Не он сам, которому слегка за двадцать, а пожилой человек пятидесяти с лишним лет, сидящий перед ним, демонстрировал политическую наивность и даже в некотором роде идеализм!

Что мэтр себе представляет? Элизиум с молочными реками и кисельными берегами?! Братство хищников и травоядных? Чтобы такие феодальные монстры, как де Белланже, де Ласи, искренне подали ему руку? Казалось бы, умный человек, всё видит, но при этом ничего не понимает! И что хуже всего, таких людей немало. Как раз не мы, они идеалисты, далекие от реальной жизни! Эти добродушные, неглупые, но сентиментальные люди еще станут воздавать проблемы. Они, как и все, страдают от высокомерия и бесчеловечности дворянской власти, не хотят, чтобы их эксплуатировали и в дальнейшем, но при этом считают сопротивление грехом и жестокостью! И среди них бедный месье Дюбуа?! Отчего-то ему вдруг стало жаль человека, всегда относившегося к нему, как к сыну. Поздно ему переучиваться, и тут же невольно подумалось, что Марат ведь тоже не из молодёжи...

– Что же ты замолчал, Норбер или тебе нечего сказать?, – Дюбуа был доволен, ему казалось, что он сумел «открыть глаза» этому упрямому юноше. Но он ошибся. Куаньяр невозмутимо возразил:

– Не пойму, мэтр, о каких насилиях вы говорите, о каком возбуждении народных страстей? От людей, чьи убеждения схожи с вашими, я это слышу не впервые

– Как?! Разве в Париже люди не бунтовали, не захватили Арсенал, не брали штурмом Бастилию и не убили её коменданта? Разве все эти агитаторы, Марат, Демулен, Лустало и прочие, не преднамеренно мешают народу успокоиться? Что ты можешь мне ответить на это, дружок?!

Услышав эти немыслимо наивные доводы, Норбер добродушно усмехнулся:

– Месье Дюбуа, не обижайтесь, но сейчас вы повторяете излюбленные байки аристократов! Вы что же, действительно не знаете, хотя бы со слов Филиппа, участника событий, что столицу накануне 14 июля окружили верные королю полки, Парижу угрожала военная экзекуция, разгон Национального Собрания?

Именно поэтому люди захватили Арсенал, а комендант Бастилии первым отдал приказ стрелять в народ. Мэтр, наш народ, увы, невежествен, отличается доверчивостью и легковерием, таким был бы и я, и мой брат, если бы не ваша доброта и забота, я всегда помню об этом.

А те, кого вы с таким пренебрежением называли «агитаторы», о, эти люди дороже для нас сейчас, чем всё золото Перу, не дают нам «заснуть» и стать легкой жертвой партии Двора, бесстрашно разоблачают интриги аристократии. Но для чего я все это говорю, к чему мы спорим, все равно каждый из нас останется при своем мнении, впрочем, как всегда, – Куаньяр беззаботно пожал плечами.

– Кстати, недавно узнал, что ты, Жюсом и Арман зачастили к одному из наших соседей, старому солдату Брике... К чему тебе, будущему нотариусу, человеку мирной профессии, умение владеть саблей и метко стрелять? Что вы затеяли, ребята? Меня это очень беспокоит...

– Считаю, что любому мужчине, даже человеку мирной профессии необходимо иметь эти навыки. Это, во-первых. А во-вторых... кто знает, что всех нас ждет. Дворян с детства учат владеть шпагой, так и мы не должны быть беззащитны, как овцы.

Дюбуа слушал молодого человека недоверчиво и наконец, махнул рукой:

– Ты такой же упрямец, как мой сын и этот... третий ваш товарищ, этот бешеный Жако... сын покойной вдовы Арман, с ним вовсе говорить невозможно, по-моему, этот и сам кого угодно повесит на фонаре своими руками!, – при новой мысли губы нотариуса расплывались в усмешке, – знаешь ли, кого совершенно невозможно переспорить? Иезуитов и революционеров! А ты, парень, как раз из числа этих последних. Впрочем, как и мой Филипп – и, взглянув на часы, – ну-ну, дружок, довольно споров, время обеда! Выходи же, мы закрывается!

Норбер проводил долгим, задумчивым взглядом карету с гербом графа де Бресси, видимо, не сумев вовремя подавить выражение мечтательной грусти. Чем же можно привлечь внимание мадемуазель, заинтересовать девушку, не задев ее аристократической гордости, не вызвав пренебрежения, как отыскать такие слова, которые сумеют хоть немного тронуть сердце Луизы де Масийак?

Это не укрылось от внимательных глаз Этьена Дюбуа. Он бросил как-бы невзначай:

– Вчера Филипп снова застал тебя шляющимся около решёток сада господина де Бресси...

Смуглое лицо юноши вдруг покрылось красными пятнами:

– Я не шлялся, как вы изволили выразиться, я ждал Жюсома. Мы договорились встретиться именно там...

– Да, конечно..., – Дюбуа насмешливо кивнул, – но бойся примелькаться графу на своем «посту», он хоть и добрый человек, а все же до мозга костей дворянин...

Норбер нахмурился:

– Я не сделал ровно ничего дурного, мэтр, только стоял у решетки сада» и про себя с грустью: она всё равно не замечает меня.

Нотариус вздохнул:

– У господина графа может оказаться другое мнение, если он решит, что ты наблюдаешь за его благородной племянницей. Мне известен печальный прецедент времен моей молодости, когда отец девушки приказал своим слугам избить палками дерзкого простолоудина, осмелившегося поднять глаза на его дочь, слуги переусердствовали и несчастный юноша умер... И хотя де Бресси совсем не зверь, кто знает, как отреагирует его аристократическая гордость...

Чёрные глаза Норбера потускнели и потухли, но лишь на секунды, но когда его взгляд обратился к Дюбуа, мэтр снова увидел в нём огонёк дерзкой непокорности и понял, что предупреждение было напрасным.

Дюбуа решил изменить тему, обратившись к достопримечательностям древнего маленького Санлиса:

– Нам тоже есть чем гордиться, дружок! Ты же знаешь, наш город был первой столицей французских королей еще до Парижа!

Зря он это сказал. Темные глаза юноши задумчиво сузились, с губ коротко сорвалось:

– Да. А Париж станет столицей последнего короля Франции!

Старый Дюбуа побледнел и в ужасе взглянул на него.

А в марте 1792 года Франсуа Жозеф Куаньяр, председатель якобинцев Санлиса был жестоко убит роялистами в своем собственном доме вместе с 8-летним сыном и беременной женой. С их смертью Норбер остался совершенно один.

Юноша замкнулся в себе окончательно, только друзья детства Пьер и Филипп и отчасти сын вдовы Арман нарушали его суровое одиночество, и с головой ушел в политическую жизнь. Танцы, флирт с девушками, все свойственные возрасту увлечения подчёркнуто не интересовали его.

Так как его влияние в клубе и раньше почти не уступало влиянию старшего брата, вскоре он принимает должность председателя.

25 июня 1792 года...

Возбужденная толпа санкюлотов окружила карету, в которой направлялась в гости в имение маркиза де Белланже 22-летняя племянница графа де Бресси, рядом с ней сидела её подруга, кузина маркиза Жюстина де Габрийяк.

В помещение клуба рысью вбежал Дюбуа:

– Ты ждешь их на собрание, а они сейчас порвут в клочки и племянницу де Бресси и ее подружку! Что случилось? Их кучер ударил кнутом одного из нас.. Андрэ Лувэ, рабочего с мануфактуры.. который третьего дня стал членом клуба, ударил, заставляя убраться с дороги, других их карета обрызгала грязью, господа не любят тормозить... Жак Арман взбеленился сам и своей дикой страстью заразил других... всех прорвало.. и то верно, людям надоело терпеть скотское обращение! Но ведь аристократы опять станут трещать, что зверская чернь «беспричинно».. как всегда.. напала на них.. добрых, безвинных и благородных!

– Черт поberi!, – Норбер слегка побледнел, – что за африканский темперамент у Армана! Я иду, Филипп, тут главное не опоздать.. Что за люди! Разве девушки приказали кучеру ударить Лувэ? Уверен, что это не так.. Ловите Белланже или любого другого аристократа, тут я и слова не скажу, с места не сдвинусь!

– Африканский темперамент?, – Филипп рассмеялся, – а знаешь, что ты в глазах наших местных «умеренных» не менее фанатик Революции, чем Арман? Только по мне ты куда более интересный и редкий сплав души идеалиста, притаившейся за безупречной логикой и маской холодного бесстрастия. Большинство считают тебя личностью жестокой и неспособной на чувство в принципе! Знаешь об этом?

– И весь психологический этюд посвящен мне? Не пойму только, ты мне льстишь или пытаешься задеть за живое?», – губы Норбера дернулись в жёсткой усмешке, – но торопись же.. каждая минута дорога!

Девушек бледных от ужаса уже заставили выйти из кареты и окружили санкюлоты, ругаясь и угрожая, когда среди шумной толпы появились три лидера местного клуба.

Норберу противостоял возбужденный Жак, сын вдовы Арман, возглавивший кричащих, крайне раздраженных людей.

– Успокойся и отправляйся в клуб, есть серьезные новости из Парижа, остальных это тоже касается, граждане, настоятельно призываю вас к порядку! Что с вами, мы же не звери и не разбойники, граждане!», – четкая речь Куаньяра сопровождалась слабыми, но выразительными жестами, – Лувэ, брат, уверен, ты еще получишь компенсацию за моральный ущерб и очень скоро! Жак, не провоцируй наших врагов именно сейчас! Они всё еще представляют реальную власть и намерены закрыть клуб, после чего без сомнения начнутся аресты! Жак, остынь, я не допущу погромов или снимаю с себя полномочия председателя! Кто с этим согласен? Никто? Отлично! Что ты собирался с ними сделать? Убить?!

В глазах Армана плескалась ненависть, он бешено закричал:

– Хоть бы и убить! Сколько можно молиться на них?! Ты слышал, что произошло в Париже три дня назад? И это только начало!

– Знаю, у тебя не меньше причин лично ненавидеть всех их, чем у меня..и я не встану у тебя на пути, если это касается Белланже и прочих. Но забудь об этом, не смей касаться семьи де Бресси ни в каких обстоятельствах, никогда, на то есть причины, кто угодно, только не они, Жак, иначе я сам тебя убью! Если ты еще раз некстати взбеленишься, я решу, что ты провокатор!

Некоторое время они бешено мерили друг друга глазами, напрягшись и сжав кулаки, но всё же, хмурый и слегка растерянный Арман уступил, невольно подчинившись влиянию

товарища детства. Норбер со своей холодной рассудочностью всегда брал над ним верх, при этом не выругавшись в три этажа и не заорав ни разу.

Норбер был несравнимо более образован, чем Жак, но именно в нём это качество не бесило Армана, а заставляло уважать и прислушиваться, он был своим, человеком из народа, соседом и товарищем детских игр.

Удивительное дело, отвлечь остальных людей удалось сравнительно легко. Из Парижа Норбер привез подробности о событиях 20 июня.. Но рассказывать об этом в тот день пришлось Жюсому и Дюбуа..

Лихо сдвинув на бок красный шерстяной колпак с кокардой, он обернулся к девушкам белым от ужаса как мел:

– Вы можете вернуться в карету, – Куаньяр сам открыл дверцу, – но я тоже поеду с вами.. сами понимаете, требование вашей безопасности..Fiez-vous a moi» (фр. «доверьтесь мне»)

Это было преувеличением, люди потеряли всю агрессивность и переключились на парижские новости.

Но это был шанс, редкий шанс, хоть немного приблизиться к мадемуазель де Масийяк. Все трое большую часть пути молчали, несколько раз Норбер пытался осторожно заговаривать с девушками, но молодые аристократки пережили настоящий ужас от угрозы убийства, и теперь чувствовали сильнейшую скованность от самого факта близкого присутствия санкюлота, они молчали и бросали на него быстрые взгляды из-под полуопущенных ресниц. Он ясно видел сильное недоверие и страх в глазах племянницы де Бресси. Что ж, хорошо хоть ненависти не было в этих взглядах!

Жюли де Габрийяк сидела бледная, покусывая губы и сверкая зеленоватыми глазами, в которых сквозь страх и напряжение на секунды проглядывали злость и отвращение.

– Не бойтесь их, мадемуазель. Они задавлены нуждой, вечно унижены и голодны, грубы и безграмотны, но они тоже люди...

У самых ворот имения де Белланже Норбер откланялся со всей вежливостью, на которую только был способен и лишь скромно попросил позволения навестить её следующим утром, справиться о самочувствии мадемуазель.. Однако не отказала, отлично..

Только ее подруга, холодно выразив благодарность, заявила, что идея с визитом это уже лишнее, но ее мнение мало интересовало Норбера.

Тем же вечером он решил отправить в имение Белланже письмо на имя мадемуазель де Масийяк..

А вот следующее утро ему не забыть никогда. Его появление в гостиной маркиза Белланже вызвало целую бурю эмоций и все они были очень далеки от всякой благодарности.

Его встретили женская часть семейства, мать господина маркиза, надменно-игривая пожилая дама в духе двора Людовика ХУ, мрачная и настороженная кузина де Габрийяк, младшая сестра Каролина, красивая изящная девушка с холодными рысьими глазами, очень похожая на старшего брата, и его тётка Атенаис де Белланже, невзрачная особа с типичными манерами перезрелой девственницы, гордящейся этим фактом, как доказательством высочайшей нравственности. Любопытство и опасение были единственной основой их поведения.

– Присаживайтесь, любезный. Скажи, дорогая, – обратилась старшая дама к дочери, – ранее в эту гостиную и не ступала нога.. представителя народа. Что ж, мы отлично чувствуем дух нового времени.. Может вам предложить выпить? Кальвадос, сидр? А что обычно предлагают... в ваших кругах... мы не в курсе?..

Каролина де Белланже, сестра маркиза, обмахиваясь веером, искоса из под полуопущенных ресниц, изучала его, на ярких губах девушки змеилась насмешливая, полупрезрительная улыбка.

Смуглое лицо Куаньяра покрылось красными пятнами. Он медленно обвел взглядом всех присутствующих и чуть дольше ловил взгляд мадемуазель де Габрийяк, но девушка опустила глаза. Что еще? Какая тонкая форма унижения.. Он снова поднялся и взялся за шляпу.

– Я всего лишь хотел увидеть мадемуазель де Масийяк. Совсем ненадолго. Кажется, в этом нет ничего дурного?

Жюстина де Габрийяк наконец сочла необходимым вмешаться:

– Вы спасли нас от взбешенной толпы... граждан... мы благодарны вам, но... я еще вчера пыталась объяснить, что вам не стоит приходить сюда, уйдите... пока вас не застал здесь господин маркиз... Ну вот... поздно...

С появлением в гостиной самого маркиза обстановка совсем накалилась, Белланже и не собиравшись разыгрывать вежливость и терпимость, он резко опустился в кресло, закинув ногу на ногу и нервно постукивая стеклом по сапогу, срывающимся от раздражения голосом спросил у матери:

– Это что?, – резко вытянув руку со стеклом в сторону Куаньяра, – мадам, я хочу узнать, что это?! Как этот субъект оказался в нашей гостиной?! Кто его впустил?! Шарло!», – щелкнув пальцами, подозвал к себе пожилого человека в ливрее, – как ты мог впустить эту якобинскую змею в наш дом хотя бы на порог! Рабов в Вест-Индии за такие.. промахи порют кнутом!

Старик только почтительно кланялся и в страхе молчал. Похоже на то, что порядки Вест-Индии нередко практиковались маркизом и на французской земле...

Маркиз нервным жестом налил вина и снова поднял глаза:

– Вы еще здесь, гражданин санкюлот? Я поражён вашим невозмутимым нахальством!

– Я хочу увидеть мадемуазель де Масийяк!», – тихо, но твердо повторил Норбер, опустив руку со шляпой – в этом нет ничего чрезвычайного, тем более неприличного.

Бледное лицо Белланже передернуло от ненависти, и Норбер услышал лишь сдавленное змеиное шипение:

– Убирайтесь, наглец! Мадемуазель уехала домой еще вчера вечером.. Я отлично понял причину вашего дьявольского нахальства! Вот!, – он торжествующе потряс сложенным вдвое листком, уверен она не успела прочесть, но милейший де Бресси должен с этим ознакомиться! И принять меры!

Норбер слегка побледнел от стыда и отвращения, поняв, что за письмом трясет перед ним Белланже.

– Мапан, тетушка, Каро! Это же настоящее признание в любви.. Ромео-якобинец.. Рыцарь Красного Колпака! Это было бы смешно, если бы не было так возмутительно! Я уверен, что он сам и подбил дружков напасть на карету, дабы предстать перед знатной дамой благородным спасителем!

Тетушка Атенаис решила наконец нарушить молчание:

– Ты прав, дорогой! В какое ужасное время мы живем! Чернь совсем забыла своё место!

Побледнев от гнева и возмущения Норбер неподвижно замер.

И помедлив минуту, Белланже со злобой запустил в Куаньяра пустым бокалом, будто в надоевшую собаку:

– Пошел вон!!!

Молодой человек остался неподвижен, лишь слегка отклонил голову, но хрупкий бокал все же попал в цель и разбился, с рассеченного виска потекла тоненькая струйка крови.. Маркиза встретил взгляд остановившихся в холодном бешенстве зрачков.

Не произнеся ни слова, не утерев кровь, механическим жестом Куаньяр надел шляпу, развернулся на каблуках и не оглядываясь вышел...

– Что вы делаете?! Зачем так?!» – услышал он за спиной гневный возглас Жюстины де Габрийяк, – он действительно спас нас с Луизой от озверелой толпы и теперь ваша дикая оскор-

бительная выходка может дорого обойтись всей нашей семье! В другой раз он пройдет мимо, хоть бы нас рубили в куски!

Лишь старая маркиза опасливо зашептала сыну:

– Это безумие! Нас и так ненавидят здесь куда больше, чем прочих господ.. Он не обычный плебей, он председатель местных.. прости Господи.. патриотов.. они же теперь спалят имение и отрежут нам головы, как это происходило в Париже!

– Как вам не стыдно, маман! Ненавидят? Прекрасно! Плебеи и не должны нас любить. Ненависть к высшим сословиям это дань невольного преклонения низших. Разве мы, благородные люди уже не в состоянии защитить себя от этого дикого сброда?!

Роялисты и якобинцы Санлиса

Но чуть позднее, за столиком кафе «Селект» состоялась неофициальная встреча графа де Бресси, как представителя дворянства Санлиса и Куаньяра – председателя местных якобинцев. Местная аристократия была сильно озлоблена деятельностью товарищей Норбера, прошло меньше месяца после жестокого убийства его брата с семьей.

Де Бресси сам вызвался быть делегатом, он знал, что ни с кем иным из местных аристократов Куаньяр не станет встречаться. Злосчастное письмо незамедлительно было передано ему маркизом, убеждавшим родственника обратиться к своему другу, мэру, чтобы принять самые жестокие меры против «обнаглевших плебеев» Санлиса, а заодно уничтожить и этого «зловредного бунтовщика» и его товарищей...

Дворянин нового типа, скорее интеллигент, чем феодал, он не вызывал у Куаньяра тех эмоций, какие вызывали у него собратья графа по классу.

Первым делом Бресси счел необходимым выразить соболезнование по поводу смерти его родственников. Куаньяр метнул на графа холодно-недоверчивый взгляд и слегка наклонил голову:

– Разве не «сливки» местного общества к этому причастны? И первый подозреваемый ваш родственник Белланже.

Де Бресси выдержал этот жестокий упрек, не отводя глаз:

– Во всяком случае, моя совесть чиста. Я хочу поговорить с вами и не столько от имени пославших меня, но и просто как человек, месье Куаньяр.

Во-первых, примите мою искреннюю благодарность, моя Луиза жива благодаря вам и вашему влиянию на местных санкюлотов, сирота с детства, она мне, как дочь...» – де Бресси через столик протянул якобинцу руку. С трудом преодолев недоверие, Куаньяр осторожно сжал её.

– Но хватит о личном, к делу. Против вас в любой момент может быть выдвинуто обвинение в опасной агитации против существующего порядка и священной особы короля, надеюсь, вы осознаете, что это крайне тяжелое обвинение», – де Бресси поднял бокал вина и сделал глоток, не отрывая глаз от бледного напряженного лица молодого собеседника.

Республиканец сузил усталые темные глаза с покрасневшими белками:

– Обвиняют меня «заклятые друзья», маркиз де Белланже, виконт де Ласи и Ко, все «сливки» местного общества, – жесткий смех прервал его слова, – а впрочем на поверхности плавают не только сливки, но и дерьмо...

Граф невозмутимо поправил пышный кисейный галстук и принялся за бифштекс, по его лицу было сложно понять, что он думает:

– Знаете ли, из здешнего высшего общества я один обладаю способностью спокойно говорить с людьми подобными вам. Знаю, Белланже и другие сразу перешли бы к оскорблениям и угрозам, – Бресси прижал вилкой кусочек жареного мяса, – скажу честно, мне интересны вы и тот тип людей, который вы представляете.

Встретив вопросительный взгляд красных глаз, вытер губы салфеткой и пояснил:

– Я имел в виду якобинцев. К ним я испытываю болезненное, наверное, извращенное любопытство.

Куаньяр пожал плечами и убрал со лба отросшие черные волосы:

– Чем же мы отличаемся от других людей, господин граф, разве тем, что не желаем стоять перед вашим сословием на коленях, и четко знаем, чего хотим в этой жизни?

Бресси не нашелся, что ответить:

– Я процитирую слова Белланже: «Похоже на то, что вы решили изучать их, как энтомолог изучает повадки и образ жизни скорпионов», так сказал Белланже, – словно извиняясь, поправился он, – но далее он сказал следующее «вы еще убедитесь, Этьен, что они отнюдь не безобидные болтуны-идеалисты..», впрочем, я невольно отклонился от темы...

Администрация делает все возможное для пресечения печатного вздора. И что же? Благодаря усилиям ваших товарищей всё напрасно! Выслушайте меня, месье Куаньяр без замечаний, если нетрудно.

Я не против свободы печати, отнюдь, но то, что вы... они... пишут, это переходит разумные границы, за которыми... прямые оскорбления коронованных особ и опасные принципы, разрушающие самый институт монархии! Я не могу оставить эту деятельность без последствий... Это не угрозы... я не желаю вам зла, это честное предупреждение... Местное высшее общество и мэры настроены крайне серьезно...

– Что ж, благодарю за честное предупреждение... А что касается болтунов-идеалистов, то, как известно, «сначала было Слово», – бесцветно процитировал Библию Куаньяр, – но за ним следует и Дело, в этом Белланже прав, мы отнюдь не мечтатели-болтуны, но признаться, я думал, что у нас деловая встреча, а не частная беседа. Что касается семейства Белланже, то у меня о них чудесные воспоминания. Могу поделиться. Мне было 16 лет, когда Белланже с компанией «золотой молодежи» на улице Гренель загнали меня в тупик и стали забрасывать пустыми бутылками. От бутылок я еще мог уворачиваться какое-то время, но разлетающиеся о стену за моей спиной осколки посекали меня тогда сильно... молодые господа очень веселились, ... июль 1782 года...

Повисло неловкое молчание. Тонкое умное лицо де Бресси стало мрачным:

– И что же было дальше? – хотя и знал ответ собеседника наверняка.

– А что ему будет? Он же делал благое дело, учил дерзкого плебея подобающим существом низшей расы манерам, этим он занят и по сей день.. – Куаньяр мрачно и насмешливо улыбался в лицо сиятельному собеседнику: « Не выучили! Я оказался скверным учеником! За что недавно он меня осчастливил метанием бокала.. Так что, это происходит не первый раз.. это можно сказать уже традиция! – смех получился натянутым и жёстким.

Наткнувшись на удивленный взгляд графа, вынужден был коротко рассказать об инциденте в особняке Белланже, умолчав, впрочем, о своем письме племяннице де Бресси, из-за которого случился скандал.

Лицо де Бресси покрылось красными пятнами, он явно почувствовал стыд за выходку родственника.

– Честное слово.. у меня нет слов, настолько.. что хотелось бы извиниться вместо него. Отлично знаю его характер, высокомерен, груб и несдержан, но не до такой же степени...

И снова решил вернуться к теме, ради которой и состоялась эта встреча:

– В последнее время я перестал уже понимать, кто же у нас реальная власть? Администрация во главе с мэром Лекоком или ваш клуб во главе с вами, Куаньяр?!

Насмешливо улыбаясь, Норбер взглянул графу прямо в глаза:

– Лекок возглавляет местную администрацию, а я революцию в этом департаменте. Вы должны научиться считаться с нами, вам придется этому научиться, господин граф...

Некоторое время де Бресси молчал, откинувшись на спинку стула.

– До сих пор не понимаю, как вам удалось так надавить на Лекока, что он согласился на созыв милиции по принципу народного ополчения! Вооружить санкюлотов в текущих обстоятельствах, это настоящее безумие!

– Отчего же? Эти люди воспользуются оружием только ради устранения беспорядков, ради общественного спасения и ни в каких иных случаях...

– Вид длинноволосых парней с мрачными физиономиями, в красных колпаках с ружьями и пиками вряд ли способен успокоить, мало они напоминают стражей порядка...

– Ну, это смотря по тому, какого порядка, господин граф. Учитывая мое происхождение, я и сам стопроцентный санкюлот.

Де Бресси мрачно рассматривал Куаньяра и медленно произнес:

– Вы опасный и непонятный мне человек... удивительнее же то, что я не чувствую к вам ненависти и не желаю вам зла, что было бы естественно...

– Что ж, у меня к вам также нет ненависти и желания причинить зло, господин граф, если это вас успокоит, ... и тоже не знаю этому объяснения...

– Куаньяр, от лица администрации и.. других влиятельных людей города готов уверить вас... в неприкосновенности вашего клуба, вы можете не опасаться ни арестов, ни погромов... Вам нет необходимости держать людей «под ружьем»... Баррикад на улицах, как было в Париже мы не допустим. Именно ради общественного спокойствия я уполномочен предложить вам...

– Распустить милицию? Это невозможно. К тому же у нас нет ни малейших оснований доверять слову Лекока и представителей нашего бомонда... Вы, один из редких в своем обществе людей, которого я уважаю и чьему слову мог бы поверить. Но большинство из них не станут соблюдать слово данное простолюдинам, тем более ненавистным им якобинцам. Вспомните судьбу моего брата, как, активно, по-вашему, ищут убийц?! Или сказать по чести, вообще не ищут... А зачем? Чтобы найти одного из своих? А что касается баррикад, тут своя логика, она предельно проста, будет насилие в отношении патриотов, ... в отношении простых жителей Санлиса... будут и баррикады... Вам понятна моя мысль, господин граф? Я тоже не угрожаю вам и тем, кто вас послал, я тоже предупреждаю...

Де Бресси нервно передернуло.

– Молодой человек, не надо говорить со мной в тоне Марата..., – в голосе зазвучали властные, холодные нотки. Он отчего-то чувствовал себя задетым.

– Вы читаете его газету?», – тон самого Норбера против воли стал очень резким, – если нет, то почему говорите о том, чего не понимаете?

Де Бресси решил сделать последнюю попытку:

– Куаньяр... дворянам претит подобное положение в городе, и усиливающаяся власть вашего клуба вызывает у них страх и ненависть, потребность защищаться...

– Тем хуже для них, господин граф, пусть учатся считаться с нами. Мы не отбросы, мы не чернь, не быдло – мы представители народа Франции.

Они уже встали из-за стола, когда граф де Бресси опустил руку на плечо молодого человека:

– А теперь выслушайте меня молча. Это уже совсем личное... На днях моя племянница получила цветы и записку от... анонимного поклонника..., нет-нет, выслушайте меня молча. Я уважаю эту таинственную личность, но при случае попросил бы этого человека держаться на расстоянии от Луизы де Масийяк. Видите-ли, можно быть умным, интересным человеком, достойным уважения, но все же Луиза и .. этот господин Икс из разных миров, которым никогда не пересечься, ну в общем я сказал все, что хотел сказать. Глупо и жестоко наказывать за мечту, но мечта обречена оставаться фантазией и не надо пытаться ее реализовать, касается ли она мира чувств или общественных отношений. Двум мирам не пересечься, не стать единым целым

Куаньяр невольно отшатнулся от собеседника, и разом, потеряв голос, скорее прошептал холодеющими губами:

– Из разных миров? Мир он для всех один, господин граф, если при всем вашем уме это вам недоступно. Я не хочу, сударь, – добавил он резче, – чтобы нас видели вместе, это компрометирует обоих, всего доброго, господин граф.

Молодой человек развернулся на каблуках, и слегка пошатываясь, словно пьяный, направился к выходу.

А чуть позднее в самом конце июня 1792, Куаньяр стал свидетелем крайне интересного инцидента, Жак Арман ухитрился буквально выбросить из трактира нескольких молодых аристократов во главе с самим маркизом де Белланже...

Какие люди... практически местные «герои»... «любимцы публики»... молодой маркиз де Белланже, виконт де Ласи, граф де Вальмеранж и еще некоторые представители местной «золотой молодёжи», его обычные спутники, вся великосветская шайка в сборе.

Благородные насильники... безнаказанные убийцы в золоте и бархате... объект страха порядочных девушек и молодых женщин... объект затаённой, бессильной ненависти их отцов и матерей, мужей и братьев.

Изящные и грациозные, как крупные хищники, надменные и бессознательно жестокие, непоколебимо уверенные в своем праве и в своем «врожденном превосходстве». Увы, тип не из ряда вон в своем сословии, абсолютная власть и безнаказанность, как известно, и развращает абсолютно...

И с ними граф де Бресси, Норбер вздрогнул, хотя и помнил, что де Белланже его родственник, он всегда считал его очень порядочным человеком, которому совсем не место в такой компании...

Их появление на пороге было не совсем обычным, трактир дядюшки Жерома был скромным заведением для малоимущих бедняков.. но и местный «бомонд» иногда не избегал этих стен, ради попок, погромов и иных развлечений «золотой молодёжи».. кошмар для молоденьких служанок, замужних и незамужних.. Как же господа при этом острились? Ах, вот как: «Мы оказываем вам честь, добавляя голубой крови вашим детям!»

Шутки, смех, пьяные разговоры разом прекратились, длинноволосые, лохматые головы постоянных клиентов, как по команде повернулись в сторону аристократов. О чём все они думали в эту минуту? Догадаться совсем нетрудно. Настроения людей были написаны на хмурых лицах, ясно читались в недобро сузившихся глазах.

Явились, господа... Нас впустили бы в ваши дорогие рестораны разве с чёрного хода и то лишь в качестве прислуги! А мы должны покорно терпеть ваше присутствие здесь, уступать дорогу и ниже кланяться...

Но Белланже и его спутников это совершенно не смутило, он окинул быстрым презрительным взглядом бедно одетых, притихших людей и отвернулся к стойке.

А зря он был так невнимателен, здесь находились не только местные крестьяне, подённые рабочие и ремесленники, из тех забитых людей, которые еще не включились в общественную жизнь, но и члены местного революционного клуба, за дальними столиками сидела компания местных якобинцев, они внимательно наблюдали за незваными посетителями. Норбер и его товарищи уже чувствовали своё возросшее влияние, на их головах гордо красовались красные колпаки с национальными кокардами...

Молчание прервал резкий голос Жака Армана:

– Дядюшка Жером!..

– Что тебе, Жак? Еще вина?

– Нет, я не о том, у тебя скромное, но приличное заведение!, – он медленно поднялся из-за стола, – ты допустил досадный промах!

– Что же не так, Жак, – трактирщик почувствовал себя между молотом и наковальней, с одной стороны важные господа, с другой – представители революционной общественности – якобинцы, было видно, что люди настроены жёстко и решительно, ведь по их виду заметно, аристократы здесь также уместны, как скорпионы в тарелке с супом.

Лишь одно грубое замечание с той или иной стороны и взрыв ненависти неминуем. Ну и как ему при этом уберечь заведение от погрома?

– ..Господа.. граждане..!, – он чувствовал себя также уютно, как грешник на сковородке, – ради Бога!»

– Это что? Жером, что это?!, – Арман резко вскинул руку, указывая прямо на маркиза, – в следующий раз обязательно повесь над дверью табличку: «Только для санкюлотов, только для народа!»

Кроме ненавистного врага он не видел более ничего ..сейчас его звездный час, о чём несколько лет назад можно было только мечтать.

Услышав эту фразу, сидевший рядом Куаньяр вдруг передумал останавливать его. Норбер расслабился, пусть проклятый аристократ услышит в свой адрес всё то, что выслушал он сам в его гостеприимном доме... пусть впервые в жизни услышит такое в свой адрес..

– Кто твякает?! Какая собака подает здесь голос?!, – де Белланже резко развернулся к залу.

– Остановитесь, прошу вас!, – де Бресси резко повернулся к Белланже, но его не слушали обе стороны.

– С тобой разговаривает, а точнее оказывает тебе честь, член патриотического общества Санлиса, Жак Арман! – если можно было бы убивать взглядом, маркиз и его спутники были бы уже мертвы.

– Славное.. плебейское имечко!, – брезгливо фыркнул самый молодой из спутников маркиза. Вспомнив видимо о том, что умершая сестра Армана служила горничной в имении де Белланже, а мать была в этом доме посудомойкой... до того как молодой маркиз с гостями, «развлеклись» с её дочерью.

– Звери повывлезали из своих грязных нор и кажется, научились говорить и до чего нагло! Господа, мы просто обязаны наказать этих хамов!

– В моем роду, сударь.. по крайней мере, не было насильников и убийц, мы не укрывались от возмездия «происхождением предков», с меня этого довольно!,- низкое рычание Армана резало слух.. Неужели ненависть и жажда мести имеют особый запах?, все ощущали разлитое в воздухе нечто..этим был пропитан сам воздух..

Белланже сразу принял это на свой счет и не зря, совсем не зря...

Маркиз по-бычьи склонил голову и выдернул шпагу, его бледное лицо окаменело, во взгляде обычное высокомерие и презрение смешивались с желанием убивать.

Но просчитался, думая увидеть прежнее почтение, забитость и покорность... Встал весь зал, внешне спокойно.. но явно готовый защитить Армана.

Де Бресси замер у стойки.

– Оружие у самих найдется... – сузив глаза, заметил Клод Пикси, сосед Армана, демонстративно положив на ближайший стул ноги, обутое в сапоги, не поддающиеся от времени ни чистке, ни описанию, и выложив на стол перед собой два пистолета... Жест немного театральный, но зато от души.

Норбер слабо улыбался, оглядывая зал. Перемены были разительны, худые, скверно одетые люди стояли, гордо развернув плечи и не опуская в привычном страхе перед господами глаз, их взгляды теперь честно выражали всё то, что было скрыто и подавлено раньше, враждебность и жажду мести. У каждого к господам свои личные счета, пусть даже не к этим лично, так к другим точно.

Посеянная сверху классовая ненависть возвращается бумерангом, для аристократов простые, скверно одетые люди, санкюлоты были одной безликой массой «черни и отбросов», но для народа они тоже были все на одно лицо, «белая кость – голубая кровь», враги нации...

Всю жизнь страдавшие от издевательски ничтожной оплаты их тяжелого труда, от голода и бесправия, вчера еще презираемые, как полуживотные, привыкшие униженно бояться за свой завтрашний день, они впервые почувствовали себя полноценными людьми, которых нельзя больше безнаказанно оскорблять и сплевывать на макушку сверху вниз изо дня в день.

Мы не грязь, не обслуга, не низшая раса, мы – французская нация, вы же не сливки, вы накипь общества или что там еще может плавать на поверхности...и теперь мы намерены стряхнуть эту массу чванливых паразитов.

Призывы к уважению человеческого достоинства простых людей, к состраданию всегда встречались господами с презрительным смехом, что ж, тогда сила заставит их считаться с ними.

Пусть теперь они нас боятся и поймут на своей шкуре, что такое зависеть от чужой жалости или ее отсутствия.

И не надо теперь, задним числом, лить слезы, обвинять нас в дикости и жестокости и призывать к христианскому милосердию.. вы не этому научили нас!

– Гражданин Бресси.. господин граф!, – решительно окликнул Норбер, – я попросил бы вас задержаться! Давно хотел поговорить с вами! Не беспокойтесь, лично вам и вашей семье ничто не угрожает! Не угрожаю, прошу вас, уделите мне немного времени!

Де Бресси неуверенно остановился на пороге, но всё же подошел к столику, за которым сидели Куаньяр и его товарищи. Норбер счел необходимым отсесть за другой столик, подальше от Армана, который тяжелым мрачным взглядом наблюдал за графом, лишь уважение к Норберу с трудом сдерживало его бешенство, и пригласил графа присесть.

Спутники маркиза опасливо и удивленно переглянулись между собой, такого еще не бывало, и стали отступать от стойки к выходу...Маркиз ушел последним, метнув на якобинцев озлобленный взгляд. Он был намерен жестоко отомстить, его мелко трясло...

На пороге он обернулся и очень вовремя, прямо в голову ему летела пустая бутылка, со всем бешенством брошенная сильной рукой Армана. Маркиз ловко увернулся от опасного снаряда и лишь бросил, шипя через плечо:

– Твари,... проклятые твари.. Колесовать.. своими руками!

Но их больше никто не боялся.. люди провожали их саркастическими замечаниями, шутками и свистом!

– Эй, враги народа!, – насмешливо и вызывающе закричал им вслед Пикси, – где ваши хваленые манеры, вас не научили закрывать за собой дверь?! Или привыкли, что это делают лакеи?!

– Ты отомстил за мое унижение, брат..., – неволью вырвалось у Куаньяра, о чем он тут же пожалел.

– Ты о том, как он швырнул в тебя бокал, как в собаку?! Удивлен, что я знаю? Жюсом проболтался, он был очень зол и обижен за тебя... Ну и стоило тебе лаяться со мной и спасать этих ублюдочных аристократок? Ладно, я не злюсь на тебя. Хочешь, мы задержим их всех?!», – глаза Армана зловеще сверкнули, – всё закончится.. здесь и сейчас..Заодно и увидим, действительно ли их кровь голубая..или нас и тут обманули?

– Не надо.. скоро всё закончится и так, поверь.. Самоуверенные уроды так и не поняли, власть их закончилась. Им недолго еще корчить высшую расу.

– Дядюшка Жером! А вот теперь еще вина и сообрази что-нибудь пожрать! Мы отметим это событие!», – закричал повеселевший Арман, – «Ca ira! Les aristocrates a la lanterne!», – он окинул де Бресси выразительным бешеным взглядом, – что, не нравится наше общество, высокородный господин?!

Де Бресси старался не встречаться взглядом с Арманом, в окружении санкюлотов, по большей части нетрезвых и воинственно настроенных, он чувствовал себя в опасности, и повернулся к Норберу:

– Что вам от меня нужно... гражданин Куаньяр? Надеюсь, вы не заставите меня слишком долго выносить эти издевательства...

– И в мыслях не имел унижать вас... Давайте отсыдем за дальний столик. Буквально на пару слов.. господин граф... Потом я сам провожу вас до дома, в моем присутствии никто из них и не подумает напасть на вас.

Через месяц, в середине июля 1792 года, сдав дела Жаку Арману, бывший председатель Якобинского клуба Санлиса вместе с друзьями детства Филиппом Дюбуа и Пьером Жюсомом отправился покорять революционный Париж, чтобы никогда более не вернуться в отцовский дом.

И поэтому он не знал, что имения ненавистных народу графа де Белланже, де Ласи и де Вальмеранжа, санкюлоты спалили почти сразу после его отъезда, а семья графа де Бресси уехала в Париж немногим позже... в первых числах августа. Пикси не стал ему об этом писать, видимо не считал чем-то интересным и важным для прежнего председателя.

Сложилось так, что 10 августа 1792 года в качестве члена Парижской Коммуны Норбер участвовал в штурме Тюильри, где и столкнулся с давним и «любимым другом» маркизом де Белланже, он был одним из «рыцарей кинжала»...

Чуть позднее, намеренно оставил прежнюю должность и уже в сентябре был избран депутатом Конвента от Санлиса, не без самого активного дружеского содействия Огюстена Робеспьера, который в свою очередь баллотировался в Конвент под покровительством старшего брата.

Именно отношения с этим добрым и общительным молодым человеком позволили Норберу посещать дом на улице Сент-Онорэ, позволили приблизиться к его знаменитому старшему брату, давнему властителю своих дум...

В это же время Жюсом и Филипп Дюбуа любыми способами искали сближения с Другом Народа, поэтому в это время они общались не слишком часто.

В это время в Санлисе. 25 июля 1792 года.

Депутация от патриотического общества решительно явилась в особняк графа де Бресси. Имения его соседей и родственников де Белланже и де Ласи, высокомерных и жестоких, особенно ненавистных простому люду были уже сожжены, их обитатели сбежали, кто в Лондон, кто в Вену...

Верная графу прислуга испуганно шарахалась от вооруженных, настроенных властно и воинственно людей. Депутацию возглавлял уже знакомый графу Клод Пикси. Ему навстречу вышел сам хозяин.

Гражданин Пикси оглядывал графа вызывающе, вскинув длинноволосую голову, положив руку на кобуру, ожидая встретить грубый, высокомерный прием и попытку выставить вон.

Но де Бресси, подавленный обстоятельствами и превосходящей силой незваных гостей, сумел проявить дипломатический такт, и сдержанно поклонившись, сам проводил их в гостиную, жестом показал на стулья.

– Прошу вас, господа... извините, граждане! Чему обязан столь важным визитом? Присаживайтесь. Могу я предложить вам выпить?

Пикси мрачно сузив глаза, изучал лицо хозяина, неужели издевается паразит, чего еще ждать от господ? Он знал от Жака Армана, как родственник графа, маркиз де Белланже встретил Куаньяра.

Санкюлот слегка успокоился, не обнаружив на бледном лице графа ни тени высокомерия, издевательства или ненависти, поэтому сел, выразительно выложив на стол пару пистолетов. Неуверенно оглядывая непривычное великолепие обстановки гостиной сели и другие.

– Собственно, мы вот по какому делу.. наш бывший председатель Куаньяр собирался к вам сам, еще 14 числа, но сдав должность, уехал в Париж и оставил для вас письмо.. – Пикси вытащил из-за потёртого обшлага сюртука сложенную вдвое бумагу, – конечно, я мог бы придти и один..», – сделал неопределенный жест рукой, – но хотелось убедиться, что вы никуда не сбежали..

– Не было и в мыслях.. я не собираюсь эмигрировать.. Так что вам предложить, коньяк или бордо? Заметьте, граждане, я принимаю вас искренне и даже с некоторым удовольствием..

И тут же недовольно поморщился. Вот же вырвалось такое, подумалось с досадой. Но надо же думать о детях и племяннице.

– Можно и без удовольствия, господин хороший! Ты уже не смеешь приказывать слугам избить нас и выгнать вон, затравить собаками, как в ваши добрые старые времена!, – нервный озлобленный возглас вырвался у одного из товарищей Пикси.

– Я никогда никого не приказывал бить и травить собаками, ваш гнев не по адресу, любезный! – не сумел сдержаться де Бресси.

Пикси отозвался, сделав успокаивающий жест, он откинулся на спинку стула, деловито поправив шерстяной красный колпак с кокардой:

– Куаньяр советует вам уехать в другой город, в крайнем случае, если Арман станет особенно агрессивен, подумайте об этом. Но он же категорически предостерегает вас от эмиграции. Вам ясен смысл того, что произошло 20 июня? Жирному Луи крышка и это уже вопрос времени.. Мне коньяк.. гражданин..

– А водки нет?, – вдруг живо отозвался сидящий рядом с ним мрачный субъект. Пикси недовольно оглянулся на товарища, тот ничуть не смутился, расположившись в кресле уверенно и вальяжно.

Слуги переглядывались, ожидая взрыва благородного возмущения хозяина и боясь за себя и за его жизнь, но граф остался спокоен, по крайней мере, с виду.

– Кальвадос, – спокойно отозвался окруженный санкюлотами де Бресси, его самого было уже сложно смутить, – но отчего не пришел ваш новый председатель?

По губам Пикси скользнула свирепая усмешка, рука с рюмкой опустилась, пригнув голову, он зарычал:

– А вам хотелось бы увидеть Жака Армана?! Была бы воля Армана висеть бы всем вам на ближайших фонарях!

Прислуга в ужасе закатывала глаза и крестилась, когда незваные гости не могли этого увидеть.

– Вы такого же мнения?, – лишь с виду невозмутимый, граф нервным жестом поправил пышный галстук, который вдруг начал его душить.

Граф уже успел заметить, что подчеркнутая грубость и жестокость представителей революционной власти большей частью проявлялись лишь на публике и в рабочем кабинете, при встречах же в неофициальной обстановке многие из них держали себя вполне спокойно и даже вежливо.

Странно, думалось ему, они словно соблюдают какой-то таинственный ритуал или реализуют собственные фантастические представления о том, как надлежит себя вести «истинному республиканцу».

А может каждый опасается в глазах товарищей выглядеть слишком мягким и ненадежным? При этом способность к сочувствию явно считается у них нежелательной, опасной и подлежащей жесткому осуждению. Чудеса, да и только...

Пикси залпом проглотил коньяк и поднял на хозяина дома мрачные глаза, ответ его, однако, показался уклончивым.

– Так думает Жак Арман.. и некоторые другие товарищи, но многие настроены к вам вполне терпимо.. Мы слишком уважаем Куаньяра, он оставил мне некоторые инструкции, и.. вам с нашей стороны ничто не угрожает.. и особняк ваш останется цел, но.. только не вздумайте эмигрировать!

Де Бресси задумчиво покачал головой, да, он как раз собирался уехать, но в Париж, а не за границу, ведь «самое темное место – под фонарем»:

– Может это и разумный совет.. Но одну минуту.. гражданин Пикси, сейчас подадут обед.. надеюсь, граждане, вы не откажетесь разделить его с моей семьей?

Пикси слегка поперхнулся коньяком и бросил на графа недоверчивый хмурый взгляд, но, не обнаружив, ни тени насмешки или страха выразительно наклонил голову в знак согласия.. не каждый день его принимали в графском особняке и он не мог себе отказать..

Один из товарищей Пикси, заложив ногу на ногу, обувь не поддавалась ни чистке, ни описанию, бешеным взглядом мерил хозяина дома, и наконец, решил нарушить молчание:

– Что, аристократ... не нравится тебе наше присутствие.. в мыслях надо думать, перевешал бы всех нас.. вот досада, – в тоне послышалась злая ирония, – а терпеть придется.. неприлично, правда, господин граф?! А фонаря вы не боитесь, ваше сиятельство?!

Де Бресси напрягся, Бог знает, что придумают эти агрессивные и вооруженные, а теперь и подвыпившие люди, окружившие его со всех сторон?

Пикси нахмурился и бросил властно:

– Помолчи, Лувэ, по существу ты прав, но это явно не твой день...

Смех санкюлотов над грубияном Лувэ успокоил хозяина, значит, далеко не все были настроены так кровожадно, как хотели изобразить.

Многие из них рассеялись по гостиной, своим воинственным видом распугивая прислугу, разглядывая картины, дорогие безделушки и статуэтки, мрачность и подозрительность забавно сочеталась с детским любопытством и наивностью дикарей Руссо. Эти люди никогда не видели господский дом изнутри.

Компания перешла в столовую. Слуги подали обед. Из дальних комнат пришлось выйти молоденькой дочери и племяннице графа и мальчику-подростку, сыну де Бресси.

Несомненно, сам хозяин держался лучше всех, девушки были бледны от ужаса, за поведение сына де Бресси очень переживал, страх в глазах подростка сменялся открытым отвращением и ненавистью, это было совсем небезопасно.

Когда сытая и подвыпившая компания за столом занялась беззаботной болтовней, будто каждый день их приглашали на обеды в господский особняк, де Бресси, поймав злобный взгляд Лувэ, обратился вполголоса к Пикси:

– Гражданин.. этот человек считает мою племянницу и ее подругу.. виновными в том.. что с ним жестоко обошлись.. прошу вас поверить.. они не так воспитаны...

– Я сам был свидетелем этой поганой истории.. я знаю, девчонки не давали такого приказа, но сударь.. кучера знатных господ привыкли так действовать и без всяких особых указаний.., – и встретив протест в глазах де Бресси, вяло отмахнулся, – я и многие другие.. уважаем Куаньяра.. вас не тронут. Захочет ли принять извинения бедняга Лувэ, не знаю, я могу поговорить с ним, согласится ли Арман, с тем, что мы делаем для вашей семьи исключение?.. Думаю, никогда, с ним говорить очень трудно, почти невозможно, чуть что не так и весь кипит бешенством – и неожиданно поднял бокал и обратился к 19-летней племяннице де Бресси, – выпейте с нами, мадемуазель.. за здоровье нации! Кажется, отличный повод и ничего дурного в этом нет! Разве мы все не французы? Вы так не думаете, господин граф? – в тоне беззлобная насмешка.

Граф закусив губы, молча, кивнул, и бросил на девушек выразительный взгляд. Ради Бога, не покажите возмущения или враждебности...

– Конечно, мы не отказываемся!, – личико Луизы де Масийяк было очень бледно, голос еле слышен, тонкая дрожащая рука подняла бокал, – за здоровье нации, граждане!

Развеселившиеся гости ушли лишь через три часа. Девушки были в полубморочном состоянии, у сына де Бресси на глазах злые и бессильные слезы, сам граф, молча сел в глубокое кресло, расстегнув воротник и сняв галстук.. Верная прислуга наперебой выражала злость, возмущение и сочувствие...

– Всё, моему долготерпению конец, завтра мы все уезжаем.. и не в Лондон, не в Вену, а прямо в Париж! Заглянем в гости к Жюайезам! И возможно, я еще сумею пригодиться Его Величеству... если уже не поздно...

Рождение Французской Республики. Штурм Тюильри

Людовик XVI с Марией-Антуанеттой с виду уступчивые и миролюбивые, втайне забрасывали королей Великобритании, Испании, Пьемонта, Неаполя, императора Австрии письмами, в которых настаивали на скорейшей интервенции и признавали все свои уступки парламенту фальшивыми.

В 1792 году королева Франции пересылала своему родственнику императору Австрии планы французских военных кампаний, что привело к ряду поражений французской армии. Как это иначе квалифицировать, кроме как государственную измену?

Как уже было сказано, события 20 июня 1792 года инспирированы жирондистами, с помощью Антуана и Сантерра, поднимавшего рабочие предместья, это была демонстрация силы, призванная запугать слабовольного короля и вынудить его вернуть отправленных в отставку министров Жиронды. Именно поэтому мэр Петьон демонстративно явился так поздно.

Левые же, по совету Робеспьера от участия в акции уклонились. У них другая цель, им не нужно просто подчинить короля своему влиянию, им желательно устранить монархию в принципе.

Итак, говоря на языке санкюлотов и папаша Дюшена: «Австриячка – мать родная, а Бурбон – отец родной, на хрен нам родня такая, лучше буду сиротой!»

Штурм Тюильри и арест королевской семьи 10 августа 1792 года по сути новая революция, день рождения Французской Республики.

Но сколь многие конституционные монархисты, а также бриссотинцы, срочно становились республиканцами вдогонку событиям, дабы не утратить свою власть и влияние.

В этот очень сложный период Робеспьера также обвиняли в сомнениях и неуверенности, кто он, все еще конституционный роялист или уже республиканец?

Он сам объяснял свои сомнения тем, что считая Республику действительно более прогрессивной формой правления, сильно опасается возникновения республики вовсе не демократической, а олигархической, где место принцев и маркизов займут банкиры, фабриканты и коммерсанты, а основная часть нации по-прежнему окажется нищей и бесправной...

Прав он был в своих мрачных прогнозах или нет? Покажет время.

Но надо было решаться, невзирая на все сомнения либо силы Старого режима возьмут верх.

Прочитируем Робеспьера, это вполне уместно: «Спасать государство нужно каким-бы то ни было способом. Антиконтитуционно лишь то, что ведет к его гибели...»

Рано утром 10 августа начался штурм королевского дворца... Живейшее участие в подготовке и руководстве принадлежит Парижской Коммуне.

При штурме Тюильри защитниками дворца было убито более трёхсот санкюлотов...

Свое неприятие новой народной революции крупные собственники маскировали «умеренностью». Их фальшиво-слезливая сентиментальность неизменно распространялась лишь на явных врагов революции, маскируя этим подчеркнутым, избирательным «гуманизмом» скрытое сочувствие к роялистам.

Их новый идеал теперь уже Республика, но такая, где место дворянства заняла бы олигархия крупных буржуа, банкиры, коммерсанты и фабриканты стали бы новыми аристократами, нужды и интересы народа им также чужды, как прежним принцам и маркизам и эти лже-демократы и лже-либералы и есть партия Жиронды.

Через два года ряды жирондистов пополнятся термидорианцами, убийцами Робеспьера, Сен-Жюста и подлинной французской демократии...

В октябре 1792 они демонстративно вышли из Якобинского клуба, образовав отдельную партию. Их называли либо жирондистами по названию департамента, откуда были родом многие ее члены, либо бриссотинцами по фамилии видного члена партии Бриссо.

Членов Якобинского клуба, оставшихся таковыми после раскола и представленных в Национальном Конвенте, называли обычно монтаньярами от французского «монтань» (гора, вершина), так как в Конвенте их представители занимали самые верхние ряды.

Бриссотинцы, эти фальшивые «революционеры» не желали суда над Людовиком отнюдь не из «благородства и гуманизма», как они это неизменно писали в своих газетах и говорили с трибуны.

Следует правильно понимать, процесс Людовика Шестнадцатого акт чисто политический, он отсекал пути назад к сговору и компромиссу с династией Бурбонов, делает революцию необратимой, и аналогично, не из чьей-то личной жестокости и «жажды крови», а именно из этих же расчетов якобинцы и настаивали на высшей мере для Людовика. Это с одной стороны.

А с другой стороны, в руках обвинения были документы, свидетельствовавшие об антигосударственной деятельности королевской семьи, о которых было сказано в самом начале.

Осень 1792 года. Вдогонку событиям наблюдалось яростное противостояние буржуазных республиканцев Жиронды с народной партией якобинцев. Против них Жиронда рискнула выдвинуть обвинение в инспирировании так называемых «сентябрьских убийств».

Итак, что же имело место на самом деле?

2-5 сентября 1792 года толпы парижан из Сент-Антуана и Сен-Марсо, возбужденные слухами о наступлении пруссаков врываются в тюрьмы и убили примерно 1,5 тысяч заключенных.

В действительности не более 500 человек из них были аристократами-роялистами и священниками, а более 1000 обычные уголовные преступники, воры, убийцы, проститутки.

Женщины-аристократки и их дети из Ла-Форс, не менее 200 человек, были спасены комиссарами Парижской Коммуны, именно так спаслась воспитательница детей Марии-Антуанетты мадам де Турзель с дочерью Полиной 21 года и многие другие, жестокая расправа над принцессой Ламбаль стала скорее исключением.

Ошибкой либо политическим предубеждением будет считать, что все представители парижской Коммуны были сторонниками тюремной резни, это не так.

Также неверно и представление, что все аристократы поголовно подвергались аресту и заключению буквально за факт «происхождения». Многие из них пережили в Париже и 1793 и 1794 год, не особенно скрываясь.

Мадам де Турзель и её дочь всё это время, после штурма Тюильри, весь 1793-1794 год проживали в Париже, при этом Комитету Общественной Безопасности прекрасно было известно их местопребывание, якобинцев этот факт не беспокоил. Известно, что в июне 1795 года республиканцам понадобилось ее присутствие, вместе с доктором Пельтаном и некоторыми комиссарами, дежурившими в Тампле, она опознала тело мальчика умершего в Тампле, как сына Людовика Шестнадцатого.

Вдогонку событиям 10 августа жирондисты, как правящая партия, пытались распустить опасную для них самопровозглашенную Парижскую Коммуну и отдать под трибунал, то есть уничтожить ее руководителей, а через них добраться и до своих коллег по Конвенту, ненавистных им якобинцев.

Кровавые сентябрьские события могли быть явной демонстрацией силы этого самовольно возникшего органа власти, жирондистам пришлось отказаться от идеи роспуска Коммуны и от идеи арестов и казней ее руководителей. По крайней мере, так считал Куаньяр.

Лишь на поверхностный взгляд, кажется, что вооруженные санкюлоты собрались вокруг тюрем стихийно, движимые только внутренним импульсом.

Хотя, безусловно, и стихийность также имела место, и всё же внешне неуправляемые и агрессивные, они вполне слушались распоряжений делегатов Коммуны, при этом могли игнорировать официальную власть в лице депутатов.

Впоследствии это будет заметно, именно работа «низовых» парижских секций и Коммуны, имеющих связи с тайным комитетом внутри Якобинского клуба управляла массовыми выступлениями санкюлотов Сент-Антуана на протяжении всех этих лет.

Кажущийся уличный «хаос» 14 июля 1789 или поход на Версаль на самом деле были вполне управляемыми, тем революция и отличается от стихийного бунта, от тех народных мятежей, что так легко и так жестоко подавлялись властью веками. По крайней мере, все крупные и значимые выступления парижских санкюлотов были вполне управляемыми.

Произвольны могли быть лишь жестокие уличные эксцессы, когда ловили аристократов и пристраивали вчерашних «хозяев жизни» на старинные фонари.

Революционный трибунал был основан 17 августа, но, по общему мнению патриотов, работал крайне неэффективно, отправил на эшафот не более 3-4 роялистов, нередко оправдывая заведомо виновных, что в конце августа вызвало взрыв возмущения и бешенства у присутствующих на процессе парижан.

Люди ненавидели швейцарцев, стрелявших в народ 10 августа, и оправдание очередного аристократа вывело их из терпения. Судьям и присяжным угрожали, что если они не будут работать активно, парижане возьмут дело наказания этих преступников в свои руки и учинят самосуд, пройдясь по тюрьмам. К этим словам вовремя не прислушались...

Так что эксцессы вовсе не были задуманы Маратом, как станут говорить его враги, идея тюремных погромов носилась в воздухе, скорее можно сказать, что этой идеей лишь воспользовались.

Доминирующей партией в Конвенте в это время всё еще были жирондисты, а не якобинцы, как часто пишут. Лидеры обеих партий знали о том, что начнется 2 сентября, но не сделали ничего, чтобы предотвратить это.

Министр внутренних дел Ролан и военный министр Серван (жирондисты) накануне и вовсе уехали за город – устранились, «умыли руки». Устранился и Дантон (министр юстиции, якобинец). Появились они лишь тогда, когда всё было кончено...

В эти страшные дни, буквально за день-два до готовящейся резни, Робеспьер своим личным влиянием спас из тюрьмы Аббатства нескольких старых священников, бывших его учителями в коллеже Людовика Великого.

Дантон, бывший министром юстиции, в это время также выдал несколько заграничных паспортов ряду лиц, среди которых был Талейран, паспорта выдавались в том числе явным роялистам, позднее это заставит задуматься. Но более масштабного вмешательства не последовало...

Совет Парижской Коммуны пытался придать погромам некоторую управляемость, и даже видимость законности, направляя в тюрьмы своих делегатов.

Поначалу пресса Жиронды восхваляла эти убийства, как избавление от изменников в тылу, но увидев в них шанс обвинить своих политических оппонентов в беззаконии и жестокости, уцепились за этот факт уже через три недели, на заседании 25 сентября.

Эти крайне жесткие атаки Жиронды на якобинцев историки позднее назовут даже «несостоявшимся Термидором»... настолько высока была вероятность погибнуть у Робеспьера, Дантона и Марата одновременно.

Сторонники Бриссо и Верньо оказались хитрее, устранившись совсем.

Лидеры Жиронды Бриссо, Верньо, Гюаде, Жансоннэ крайне агрессивно нападали на якобинцев, пытаясь добиться ареста и логически последующей казни Марата, Дантона и Робеспьера одновременно, якобинцам удалось отбить атаки и отвести основные обвинения. Доля их вины в этом деле, безусловно, имела место, но жирондисты решили возложить на них ответственность решительно за всё...

Интересно иное, Якобинский клуб, в котором Неподкупный имел огромный моральный авторитет и вес, вопреки всему, не поддержал агрессивный выпад Робеспьера в сторону Жиронды и призвал к единению всех верных революции и Республике сил, независимо от оттенка окраса.

Даже импульсивный и резкий Марат вдруг заявил о «новом курсе» на примирение всех революционных сил и о своем неприятии анархии и раздора в опасный для Республики час. Его внезапному миролюбию немало способствовали люди из его ближайшего окружения, они буквально ходили за ним... Дантон готов был подать руку лидерам Жиронды...

Но те высокомерно и презрительно отвергли мирные предложения якобинцев, этих, как жирондисты их крестили «защитников нищей черни».

И так агрессивно вели себя именно те люди, которые в своих речах и сентиментальных мемуарах, написанных уже в тюрьме, всегда позиционировали себя как «благородных гуманистов и миротворцев»...

10 августа 1792. Норбер с друзьями в Тюильри..

Шумная кричащая толпа заполняла улицы, более всего было в ней бедно одетых людей, вооруженных ружьями и саблями, это парижане из рабочих кварталов Сент-Антуан и Сен-Марсо и смуглые как ирокезы энергичные южане из Прованса, федераты. Можно заметить, что двигались люди весьма организованно, совсем не стихийно.

Стройными рядами шли длинноволосые мускулистые парни в красных колпаках, вооруженные саблями, пистолеты за поясом, с пиками наперевес, многие были вооружены ножами, привязанными к длинным палкам.

Красавцы! На губах Куаньяра против воли возникла добродушная горделивая усмешка. Санкюлотов с интересом разглядывают девицы, некоторые женщины даже присоединяются к колонне, идут рядом со своими женихами, мужьями и братьями... Таким народ вы еще не видели, господа? Тряситесь, хозяева жизни, ваш час настал!

Марш задавал выразительный, энергичный и мрачный ритм «Ca ira»...

«Ah! Ca ira, ca ira, Ca ira!

«Аристократов на фонарь!

Их перевешать всех пора.

Мир деспотизма, умирай!

Не нужно нам дворян с попами

И Равенства наступит рай!

...

А вот финансист, заплывший жирком

Что нас обирает тайком.

Ах, будет так! Будет так! Будет так!

Мы разгоним свору мятежных вояк

Мы аллилуйю поём, что ни шаг

А на врага пусть находит столбняк

Ах, будет так! Будет так! Будет так!

Будем веселиться, Марго и Жак!

Нос если высунет аристократ

В рожу ему рассмеётся наш брат...»

«Са ира» тут же сменила «Карманьола»:

«Я – санкюлот!

Горжусь тем я, назло любимцам короля!»

«Мадам Вето могла грозить

Всех нас в Париже перебить,

Но дело сорвалось у ней –

Всё из-за наших пушкарей.

Отпляшем карманьолу! Славьте гром!

...

Мосье Вето мог обещать

Отчизне верность соблюдать

Нарушено – то слово им,

И мы пощады не дадим!»

Случайные прохожие по ходу движения колонны вливались в их ряды, кто сознательно, кто просто был увлечен толпой, но численность их увеличивалась.

Но в некоторых солидных особняках виднелись мрачные и испуганные лица, хозяева демонстративно закрывали ставни!

Неприятно надувшийся, щёгольски одетый юнец лет 20, опасливо и хмуро наблюдал за колонной и вдруг закричал в голос:

– Долой якобинцев, проклятых убийц!

От колонны отделился высокий мужчина в красном колпаке и карманьолке, и парень заработал сильный удар кулаком по макушке сверху вниз, и во весь рост растянулся на тротуаре. Научись отвечать за свои слова, «золотая молодежь»!

На королевский дворец, оцепленный швейцарскими гвардейцами, шли как на Бастилию в 1789-м! Са ира!

Подготовка восстания 10 августа.

В 11 ночи 9 августа секция Кенз-Вэн выдвинула предложение, чтобы каждая секция Парижа выделила по три делегата с целью принятия срочных мер по спасению государства и 28 секций ответили согласием, так образовалась новая повстанческая Коммуна. Карра и Шометт отправились в казармы марсельских федератов, Сантерр поднимал санкюлотов предместья Сент-Антуан, а Александр предместье Сен-Марсо.

С 12 ночи до 3 часов утра старая легальная и новая повстанческая Коммуна работали одновременно: новая организовывала нападение на Тюильри, а старая вызвала командующего обороной Тюильри в Рагушу, расстраивала оборону дворца.

Прокурором новой Коммуны был назначен Пьер Гаспар Шометт, заместителем Жак-Рене Эбер.

Только к семи утра фарс двоевластия был наконец прекращен, члены новой повстанческой Коммуны в краткой форме сообщили прежним коллегам, что они освобождены от своих обязанностей, при этом при исполнении они оставили мэра Петьюна, прокурора Манюэля и его заместителя Дантона, а уже через час началось наступление на Тюильри.

В отличие от Бастилии дворец Тюильри, был очень хорошо охраняем, и руководители восстания, кажется, должны были трижды подумать, прежде чем бросать своих необученных и недисциплинированных добровольцев на штурм.

Гарнизон защитников дворца был опытным и профессиональным, 950 ветеранов швейцарской гвардии, 930 жандармов, 2000 национальных гвардейцев и 200-300 кавалеров ордена Святого Людовика и прочих роялистов, защитников монархии, 5000 человек было достаточно для обороны дворца, хотя сейчас известно, что им не хватало боеприпасов. Сторонники короля вполне могли быть уверены в успехе.

Редерер, прокурор Парижа, убедившись, что нападение неизбежно уговорил Людовика Шестнадцатого «с целью предотвратить массовое кровопролитие» оставить дворец и отдаться под защиту депутатов Собрания, несмотря на возмущение Марии-Антуанетты, видевшей в депутатах своих врагов и считавшей, что нужно защищаться до конца.

Есть информация, что Редерер убеждал короля покинуть Тюильри под сильнейшим давлением Дантона.

Набат, не переставая, гудел всю ночь...

Маркиз де Манда де Грансей, командующий войсками, собранными для защиты Тюильри, также по настоянию Редерера, прокурора Парижа, подчинился приказу Коммуны явиться в Ратушу. Он ничего не знал, о новой сформированной за несколько часов повстанческой Коммуне, явился туда без сопровождения и был арестован, а вскоре и убит. Редерер, впоследствии утверждал, что это также было сделано по распоряжению Дантона, который и не думал отказываться от своей роли в этих событиях.

С момента ухода королевской семьи, повод удерживать дворец, казалось бы, исчез. Но это именно казалось...

Когда примерно в семь утра авангард повстанцев был замечен в задней части дворца, там не было никого, кто бы отдавал приказы. С криком: «Да здравствует нация!» жандармы покидали свои посты. Они отказывались стрелять в парижан, которых называли своими братьями.

На правом берегу Сены батальоны Сент-Антуанского предместья, на левом Сен-Марсельского, плюс южане федераты, везде санкюлоты продвигаются уверенно и спокойно, как на параде.

Штурм дворца начался в 8 утра. По приказу короля швейцарцы отошли вглубь помещений. Между тем марсельцы начинают брататься с артиллеристами и без боя достигают вестибюля дворца и уже поднимаются по парадной лестнице...

Обе стороны некоторое время напряженно наблюдают друг за другом... парижане призывают последних защитников дворца сложить оружие, тут то и началось сражение, никто теперь не скажет, с чьей стороны прогремел первый выстрел.

Швейцарцы, стреляя сверху, быстро очистили от санкюлотов вестибюль и двор. Они теперь уже не защищаются, а атакуют, но наиболее отважные из парижан уже подожгли прилегающие к дворцу строения.

В этот момент подходят батальоны Санterra из Сент-Антуанского предместья под командованием генерала Вестермана, и санкюлоты оттесняют швейцарцев назад во дворец.

Тут сопротивление делается совершенно отчаянным, большую лестницу отстаивают упорно, ступени забрызганы кровью, но натиск повстанцев стал таким бешеным, что через некоторое время сопротивление становится бессмысленным... впрочем, и швейцарцы, и кавалеры Святого Людовика ожесточенно стояли насмерть...

Среди санкюлотов Сент-Антуана находился и Куаньяр, он был в первых рядах тех, кто с оружием в руках проник на территорию королевского дворца. Вокруг шумела и кричала вооруженная толпа, какофония криков торжества или ужаса, гнева или боли, грохот выстрелов...

Швейцарцы стали особенно ненавистны парижанам, те были уверены, что они первыми стали стрелять в народ, при этом инсургенты получали ужасные раны, защитники дворца стреляли сплюсненным свинцом, осколками битого стекла и гвоздями.. В дело вступили пушки, нанося большие потери атакующим...

От ударов прикладов и пик, дворцовые ворота рухнули. Санкюлоты рассеялись по дворцу, вступив в жестокую схватку с его защитниками..

По улицам, отходящим от дворца, в ужасе, с проклятиями, метались, пытаясь скрыться, особенно ненавистные парижанам швейцарцы, пока их не сваливала пуля или сабельные удары!

Что ж, господа «голубой крови», судный день настал...

Филипп де Бланшланд, бывший губернатор Сен-Доминго сидел в кресле мёртвый, жестокий к белым простолюдинам не меньше, чем к чернокожим рабам, он не дожидаясь расправы восставших, застрелился.

Рядом с креслом стоял начальник полиции, его пистолет был разряжен, он успел произвести выстрел в толпу и теперь держал руку на эфесе шпаги, рядом с ним, трусовато прижимаясь к подоконнику, стоял богато одетый молодой человек, его сын.

И вдруг приятный сюрприз... Какая удача! Маркиз де Белланже! Да это Судьба! Он узнал Норбера и мерил его стеклянным от ненависти взглядом, рука выдернула из кобуры пистолет... На секунды обе стороны словно оцепенели.. Чья реакция окажется лучше?

Холодно улыбаясь, Куаньяр неуловимым змеиным броском вскинул руку и не без удовольствия спустил курок. Белланже пошатнулся и упал на ковер.

Стоявший рядом юноша в красном колпаке с ожесточением вонзил пикку в грудь молодого франта, светло-бежевый фрак окрасился кровью...

Секундная тишина сменилась диким криком. В помещение ворвались люди...

В горячке боя никогда не провести грань между необходимой самозащитой и неоправданной жестокостью... С остервенением нанося и отбивая сабельные удары, Норбер почувствовал сильнейшее возбуждение и ярость.

Победа будет за нами. Убивай или убьют тебя. Дикая первобытная энергия была через край, мысль работала достаточно ясно, но вот всякие чувства, кроме холодного управляемого бешенства куда-то испарились.

Вот его товарищ в таком же состоянии, занёс лезвие сабли над головой богато одетой дамы, на коленях, она в ужасе цепляется за полы его куртки, но что это... снова никаких эмоций! Он смутно сознавал, что всё это ненормально, но всё равно ничего не чувствовал и не стал удерживать руку товарища...

«Индеец на тропе войны» или просто «вождь краснокожих», так, в шутку прозвали Куаньяра патриоты из Марселя...

Дрался жестоко, вместе с другими патриотами преследовал последних защитников Тюильри.

Встретив взгляд остановившихся в холодном бешенстве зрачков, при виде сабли в его руке, с лезвия которой капала кровь, не одна аристократка нервно вжималась в стену, не одна упала в обморок...

Сад Тюильри... Куаньяр с группой товарищей преследовал отступающих роялистов и швейцарцев, вслед за которыми от них бежали, как могли, подобрав пышные юбки две дамы, которые быстро отстали от «своих».

Дамы с ужасом наблюдали бегущих к ним двоих вооруженных санкюлотов. Норбер резко оттолкнул возбужденного боем Жюсома в сторону, и указал ему вперед:

– Наши враги там!

Воспользовавшись секундной заминкой, одна из девушек снова бросилась бежать и скрылась из виду. Куаньяр медленно направился в сторону второй.

А она вдруг заплакала, упала на колени, пыталась хвататься руками за его руку, за сапоги, за окровавленное лезвие сабли, так, что пришлось оттолкнуть ее, затем закрыла лицо руками и только тихо шептала:

– Не убивайте меня!

Через минуту она снова подняла голову и увидела, что санкюлот всё еще стоит перед ней, но его правая рука с саблей медленно опустилась. Он нервно облизывал сухие губы, и, сузив тёмные глаза, разглядывал ее. Они встретились взглядом.

– Ты кто? – его голос показался ей низким и резковатым. Зачем это сказал, какое ему до этого дело, он и сам не знал.

– Валентина де Сейан, – прошелестела девушка бледными губами, не сводя с него расширенных глаз.

– Подойди ко мне, Валентина де Сейан, ближе... еще ближе, – он поманил ее к себе. Девушка не сводила с него глаз, словно под гипнозом.

Медленно он протянул к ней руку, провёл рукой по волосам, по щеке и вдруг приподняв голову за подбородок, поцеловал в губы, затем еще и еще раз. Она не сопротивлялась, стояла неподвижно, только нервно вздрагивала.

Вдруг, словно опомнившись, тряхнул головой, с усилием подавляя волной поднимавшееся возбуждение.

– Уходи. Убирайся.

Куаньяр сделал отстраняющий жест рукой, приказывая полуживой от ужаса, не верящей в свое спасение даме убираться прочь.

Нет, бестолковые тепличные розы, чтобы там не было, их он ни убивать, ни насиловать не станет, но мужчинам-роялистам, швейцарцам пощады не будет.

Что ж, теперь ваша очередь умолять, трепетать и бояться, господа...

Майяр постоянно напоминал о сдержанности, монотонно выкрикивая время от времени:

– Граждане! Не позорьте Революцию.. не пытайтесь ничего унести.. и оставьте в покое женщин!

Последнее увещание было не случайно, среди придворных дам также было несколько убитых, но еще куда как в большем количестве изнасилованных возбужденными победой санкюлотами прямо в королевских апартаментах.

Видимо, он тоже ничего не имел против тех, кто убивал мужчин – аристократов и швейцарцев и выбрасывал в окна дворцовую мебель, лишь бы не мародерствовали и не насиловали...

Покидая дворец, бросил на ступени иззубренный обломок сабли. Что за внезапный взрыв кровожадности? Не в состоянии объяснить, Норбер впоследствии постарается не вспоминать об этом...

Сзади слышались тихие осторожные шаги. Норбер рывком нагнулся, и, подобрав саблю убитого швейцарца, резко обернулся. Напуганная молодая дама застыла на месте, вскинув руки к лицу. Чертыхнувшись, Норбер разжал руку и бросил саблю.

– Что вам нужно? Почему вы идете за мной? Я же ясно вам сказал, уходите, убирайтесь, не трону.

– Я их боюсь..., – одними губами прошелестела она, но Норбер ее услышал, – они бешеные, они всех убивают...

– А меня вы не боитесь? Я такой же санкюлот, я один из них... я тоже убивал аристократов...

– Вы добрый человек... вы отпустили меня... Помогите мне выбраться отсюда..я почти не знаю Париж... я приехала из Марсея с дядей, но... он убит.. Куда мне идти...есть дальние родственники, знаю их адрес....но как примут они меня?...

– Чокнутая аристократка, разве я похож на службу спасения?! – от неловкости, против воли физиономия Норбера приняла злое выражение, – да чёрт с тобой, иди за мной и тебя никто не тронет...

– Зачем... зачем, вы хотите выглядеть хуже, чем есть на самом деле? – девушка осторожно коснулась его руки, – я скажу вам адрес моих родственников... но умоляю, проводите меня подальше отсюда...

– Держись рядом со мной, будешь жива...

Спокойно, с гордо поднятой головой возвращался он домой. Он думал вслух, с сомнением качая длинноволосой головой:

– Свобода! Республика! Отлично! Но вот вопрос, для кого? Не зря у Робеспьера столько поводов для колебаний и худших опасений. Без сомнения, у интриганов Бриссо, как всегда, свои планы. А Капет, хорош «отец народа», отдал себя и свою семейку под защиту Национального Собрания, а своих защитников бросил подыхать в Тюильри! И они умирали за это ничтожество?! Что скажешь, принцесса» – слова зло выплевывались сквозь зубы.

Девушка бросала на него нервные взгляды, но молчала и старалась не отставать.

На углу ресторана «У Монтесумы» Куаньяр был остановлен толпой взбешенных людей, они гнали перед собой молодого человека в богатой, но разорванной одежде, несомненный дворянин.

Окровавленный, лишившись последних сил, он упал прямо у его ног и бессознательно, в отчаянии уцепился за его сапоги. Подняв голову, он простонал:

– Ради Бога, спасите меня, спрячьте!

Они встретились взглядом и сразу узнали друг друга, молодой человек совершенно побледнел, в особенности увидев кровавые пятна на одежде инсургента, а Куаньяр жёстко расмеялся:

– Так это вы, месье де Ласи! Что, придворная должность вдруг стала невыгодной?

– Умоляю вас, гражданин Куаньяр, вы порядочный человек... спасите меня, требуйте от меня чего хотите, любую сумму, если она не превышает моих возможностей, я боюсь этих варваров... я слишком молод, чтобы умереть...

– Вот как! Теперь «гражданин», а еще недавно, в Санлисе, вспомните, как вы крестили меня? «Вожак паршивой черни» или «наглый плебей, которому нужен кнут и ошейник! Ненавижу вас всех... племя вырождков с голубой кровью, – Куаньяр с презрением ударил де Ласи, стоящего перед ним на коленях, сапогом в грудь, – трусливый пёс!

Тот покорно сжался, сел на бордюр и замер.

А топот приближался. Крики ненависти раздавались совсем близко. Их окружили люди с обнаженными саблями и пиками.

– А-а... чертова аристократка! – рычание в адрес спутницы Куаньяра. Девушка сжалась в комок от ужаса и почти прижималась к нему.

– Она со мной!, – Норбер сделал резкий отстраняющий жест, – отведу ее... куда следует...

Де Ласи снова приподнялся на колени, прижался лбом к бедру Куаньяра, и прерывисто дыша, горячо и часто-часто, как безумный, шептал одно и то же:

– Месье... гражданин... Пощадите, сжальтесь...

В толпе Куаньяра узнали и уважительно зашептались, красный колпак с кокардой, трехцветный национальный шарф, они знали, это он член Парижской Коммуны, участник штурма дворца, именно он стрелял в ненавистного бедноте жестокого маркиза Белланже. Норбер спокойно поднял руку:

– Братья! Я прошу у вас немного, оставьте мне этого человека, у меня с ним личные счета!

– Ваше право, гражданин! Но у вас нет оружия, я дам вам саблю, вы сами выпустите кишки любимчику австриячки! – раздался резкий голос из толпы.

– У меня есть это, – улыбаясь, Куаньяр достал из под плаща пистолет, – и если вы непротив, граждане, я уведу его и разберусь с ублюдком сам! Ну же, поднимайся, пособник тирана, твой час настал! – он грубо схватил де Ласи за воротник.

Толпа, одобрительно загудев, расступилась и пропустила их.

– Куда вы меня ведёте? – голос де Ласи от ужаса срывался, – неужели вы убьёте меня? Я не Белланже.. я лично не причинил вам никакого зла!»

– Заткнись и не скули, что же случилось с твоим надутым дворянским расовым «превосходством»? Оно преклонилось перед пикой санкюлота? Впрочем, ты всегда был труслив,

как шакал... Что они тебе обещали? Воткнуть череп на пикку или украсить тобой один из фонарей?, – в тоне Куаньяра не было ненависти, – я отведу тебя на безопасное расстояние от Тюильри, а дальше.. выбирай себе фонарь по вкусу в любом другом месте и без моего участия, – Куаньяр не выпускал из руки его воротник, хотя смертельно напуганный и весьма избитый де Ласи не думал вырваться. Присутствие рядом Куаньяра гарантировало его от расправы санкюлотов...

Норбер уже выпустил воротник де Ласи, когда вдруг вспомнил о том немаловажном, что беспокоило уже давно:

– Постой! Разве ты не был в особняке Белланже, когда насильовали Жаклин Арман.. дочь вдовы Арман, посудомойки? Сможешь поклясться своей хваленой дворянской честью, что не участвовал в этих барских забавах?

Де Ласи позеленел как незрелая оливка, глаза округлились от ужаса, он вскинул руки, словно защищаясь, и забормотал:

– Я её не.. нет.. нет!

И вдруг резко сорвавшись с места, бросился бежать. Куаньяр зло сплюнул себе под ноги, так верить ли этому трусу или он сейчас упустил одного из титулованных насильников?!

Обернулся на свою бледную спутницу, не сводившую с него широко раскрытых синих глаз.

– «Так куда тебя вести, принцесса? В первый раз у тебя в кавалерах санкюлот?» – в тоне звучала скорее насмешка, но не злоба.

Резко махнул рукой мрачному лохматому кучеру:

– Гражданин, не подбросите в Сен-Жермен? Мы возвращаемся из Тюильри...

Кучер медленно перевел взгляд с Куаньяра на его спутницу, это была очень странная пара, вооруженный саблей мужчина в красном колпаке санкюлота, в узких, потертых брюках и в старом сюртуке, обутый в стоптанные низкие сапоги и молодая дама, а в том, что девушка именно дама, сомневаться не приходилось. Усмехнулся, сплюнул на землю и спросил угрюмо:

– Что там?

– Всё кончено... для аристократов, езжай уже, брат...

У дверей особняка Куаньяр остановился.

– Ну, вот и всё, прощай, принцесса. Необычный способ знакомства, верно? Что опять не так?

Мадемуазель де Сейан осторожно коснулась его руки:

– Я никогда не смогу забыть, того, что вы сделали для меня... Может, будет лучше, если мы найдем вместе... чтобы они видели вас?

– Не совсем уверена, что они будут очень рады тебя видеть?... Ага, а увидев рядом вооруженного типа в красном колпаке, конечно же, растают от счастья? Нет уж, черта дикого, забудь об этом, принцесса... – он резко выдернул руку, но заметив, безнадежность и слезы, предательски блеснувшие в синих глазах, – если они выставят тебя за дверь... хотя лично я в это не верю, запоминай мой адрес, улица Сен-Жак, дом 24, третий подъезд, живу я в мансарде, под самой крышей, спросишь гражданина Куаньяра, меня там хорошо знают. Удачи тебе, принцесса.

Вечер 10 августа. В опустевший Тюильрийский дворец, с городских окраин стекались бледные заплаканные женщины, жены, дочери, сестры инсургентов искали тела своих близких... В Сент-Антуан и Сен-Марсо уходили скорбные телеги с трупами погибших санкюлотов.

Сентябрьские убийства 1792 год

Сентябрь 1792-го... 5-е число.. По личному поручению Робеспьера, но официально, от Совета Парижской Коммуны Куаньяр поздно ночью явился в мрачные стены Аббатства...

Некоторое время нервно оглядывался, сильных впечатлений с первых шагов было достаточно.

Во внутреннем дворе, где расположился импровизированный трибунал Майяра, превративший свою бурную деятельность на пару часов, булыжники были залиты кровью, сапоги скользили, с целью удалить кровь, всё пространство двора покрывали пучки соломы.

В свете фонарей он увидел тела, много десятков зарубленных, заколотых, забитых насмерть людей с разбитыми головами лежали один на другом, телеги за ними еще не приехали.

Перед ним, членом Парижской Коммуны, почтительно расступались исполнители приговоров, хмурые парни в заляпанной одежде, с закатанными по локоть рукавами, с их сабель и пик еще капала кровь.

К горлу подкатила предательская тошнота. Норбер хотел прислониться к стене, но резко отдернул руку, лишь коснувшись её.. и здесь брызги крови...Затошнило сильнее..

Немалым усилием воли он взял себя в руки.. Прямо мимо Куаньяра, не заметив его, прошел человек. Норбер сразу узнал Билло.. его поразила невозмутимость, изящно и ловко, как крупный кот, Билло перешагивал через кровавые лужи, чтобы не запачкать обувь. Что же это, огромное самообладание или внутренняя чёрствость?

Откуда взялось разом столько... исполнителей? Ведь все были уверены, даже Дантон говорил о том, что драть глотки об истреблении врагов революции могут многие, но мало кто согласится лично поднимать на штыки и рубить безоружных...

Так кто они, эти сомнительные «герои»? Не обычные ли они преступники...те, кого тот же Дантон грозился отослать в армию, на передовую, если им так хочется кого-то убивать, то пусть убивают иностранных интервентов и офицеров-дворян, изменников Родины из эмигрантских корпусов...А пока все они здесь...и кажется нашли себе занятие...

Но это верно лишь наполовину. Есть совсем другой тип исполнителей, готовых к роли палачей. Это люди, движимые личной мстью, унижение, боль и ярость которых столько лет подряд не могла иметь никакого выхода, долгие годы они были бессильны против привилегированных обидчиков, безнаказанных насильников, титулованных убийц... И как же их много не только в Париже, но и во Франции..

Впрочем, тот же Дантон хотел добиться того, чтобы парижскую молодежь, отправляющуюся на фронт и эмигрантов, стоящих на французской границе в составе войск герцога Брауншвейгского разделила «река крови», которая отрезала бы все пути назад, к сговору и компромиссу с представителями «старого режима».

Первый этаж, помещения, стены и ступени тоже не порадовали своим видом. Отчего же так тяжело сжимается сердце, ведь и в Тюильри 10 августа пол от крови не был сух. Сколько аристократов уже тогда оказались с нашей помощью в раю. Так в чем же дело?...

Уверенно прошелся по нескольким помещениям, охраняемым нетрезвыми и вооруженными людьми, ожидающими приказа к очередному этапу резни, а в ожидании продолжающими пить вино, смеющимися и распеваящими «*Ca ira*». Опьянение и сильнейшее нервное возбуждение от уже пролившейся крови делали свое черное дело.

В этих помещениях находились обезумевшие от страха заключенные, в основном аристократы обоего пола и священники, одни металась в истерике в поисках выхода, другие со слезами умоляли о пощаде, но на выходе из помещения всех их встречали сабли и пики охраны. Во внутренних помещениях заключенные забаррикадировались, пытались организовать сопротивление.

Всё это позднее хорошо опишет в своих мемуарах офицер из «бывших» Журнийак де Сен-Меар, находившийся там, сумевший сохранить жизнь благодаря редкостному самообладанию, честным ответам и достойному поведению, которое произвело на санкюлотов определенное впечатление...людей, способных вести себя так среди этих кровавых кошмаров оказались считанные единицы.

Многие дамы рыдали, некоторые заключенные впали в тяжелое оцепенение, другие пытались найти место, где можно спрятаться в этом замкнутом пространстве, кто-то даже нашел в

себе силы держаться спокойно, хотя бы внешне, но все они провожали его взглядами, полными нескрываемого отчаяния и ужаса.

В углу на матрасе лежал мужчина с полузакрытыми глазами и хрипло стонал, он был ранен, на боку расплывалось кровавое пятно. К нему склонилась молоденькая девушка, положила руку на лоб, ее бледное лицо приняло озабоченное выражение.

Она обернулась к своей соседке:

– Он не выживет без перевязки ...срочно нужна перевязка. Выбора нет.

– Значит, ты решилась? По-человечески от этих зверей ничего не дожидаться.

Обе замолчали, когда заметили, что один из санкюлотов всё слышит и наблюдает за ними.

Наконец Куаньяр (это был именно он), решил вмешаться, голос прозвучал отрывисто и резко:

– Что именно ему сейчас нужно?

Одна из девушек, худенькая в светло-зеленом платье, поднялась с матраса и подошла к нему:

– Нужна чистая вода, бинты, спирт, иначе он умрет...», – и понизив голос, опустив глаза, – у меня нет денег, но я сделаю всё, что вы хотите...всё...

Смутившись, Куаньяр на секунду замолчал.

– Я ничего не хочу...но будут у вас и бинты и спирт. Могу я узнать ваше имя? Кто вам этот человек, брат, муж, жених? Кто он?

– Моё имя Александрин дез Эшероль...Нет, он мне не родственник, не муж и не жених...

Он был среди защитников Тюильри 10 августа...

– Вам он никто и всё же вы были готовы ради него..., – он проглотил грубые слова, готовые сорваться с губ, – почему? Вы чем-то очень обязаны ему? Или кто-то раньше уже ставил перед вами такие условия?

Девушка ничего не ответила. Куаньяр хмуро разглядывал ее милостивое юное личико, бледное от пережитого и от ожидания готовящегося кошмара, большие слегка потухшие глаза.

– Ждите, принесут и бинты и прочее. Да, принесут еще немного продуктов, вы неважно выглядите. Гражданин Марни! Жером! Я тебя видел, выходи!

На окрик в дверях появился лохматый коренастый мужчина с саблей на боку и бутылкой вина в руке, сняв красный колпак, он утер им лицо и небрежно оперся о косяк.

– Какие люди! Индеец, зачем ты здесь? Заходи к нам, выпьем!

Норбер знал его, как участника штурма Тюильри. Вроде хороший парень, сосед из Сент-Антуана, малообразованный, грубый на язык, это факт, но кажется, не маньяк, не палач по призванию, так зачем он здесь?

– В другой раз, Жером. В другой раз...

Куаньяр подошел к нему близко, никто из окружающих не слышал, о чем говорили санкюлоты, кроме одной фразы:

– Жером, принеси им лекарства, какие потребуются, продукты и ...бутылку вина... Считай, что ты делаешь это не для них, а для меня! И еще... я был бы тебе благодарен, если бы... ты позаботился об этой девочке, спаси её, если она враг нации, то я китайский монах...

К горлу подошел комок. На одежде и даже на руках Жерома он увидел засохшие бурые пятна, вспомнилось 10 августа. Сдержит ли он слово, не захватит ли его с головой то дикарское возбуждение кровью, которое он сам испытал в Тюильри?

Жером глотнул вина прямо из горлышка бутылки и кивнул:

– Хорошо, брат. Сделаю всё, как ты хочешь, мне не трудно. Пусть только держится ближе ко мне. Когда её вызовут, я могу перед Майяром сослаться на твою просьбу?

И обернувшись к побледневшей девушке, не сводившей с них глаз, прикурил от свечи и бросил небрежно:

– Держись ближе ко мне. И будешь цела.

Но та вдруг указала на свою старшую спутницу и раненого мужчину:

– А как же они? Я спасусь, а их...

Но молодая женщина лишь грустно покачала головой и слегка обняла девушку за плечи:

– Не думай о нас, это твой шанс.

Норбер поймал ее остановившийся умоляющий взгляд, противоречащий только что произнесенным словам.

Жером растерянно почесал лохматую голову и перевел мрачный взгляд на Куаньяра:

– Это еще чего?

Норбер выразительно закатил глаза к потолку. Ну и что с ними делать? Не знаю.

– Моя просьба остается в силе, брат. Александрин, держитесь гражданина Марни.

Норбер внутренне сжался от отвращения и сострадания, резко развернувшись, он направился к выходу, тотчас захлопнул дверь и замер, тело напряглось, лицо превратилось в каменную маску. Ну, вот и всё.

Ну, вот и всё... Прощайте, Александрин дез Эшероль. Я не знаю, сдержит свое слово Жером или нет, переживете ли вы эту ночь... Но как же я хочу, чтобы вам повезло... Когда же закончится эта страшная ночь?...

Свернув по длинному коридору в соседнее помещение, Норбер вдруг резко остановился от нескрываемого ужаса, почувствовав слабость во всем теле.

В одном из близко стоящих к нему заключенных мужчин он сразу и безошибочно узнал графа де Бресси, по счастью, тот не видел его, точнее не отличил от окружающих его других санюлотов. Значит, две девушки и подросток рядом с Бресси, его дети и племянница?!

Дискомфорт от увиденного ранее, сразу отступил перед липким ужасом, ведь они... она сейчас буквально на волосок от смерти!

Исчезли из особняка Жюайеза после 10 августа, чтобы сейчас объявиться здесь, в стенах Аббатства.

Взять себя в руки. Все эмоции прочь, в мусорную корзину, нужно скорее на что-то решиться... ведь это короткое затишье перед новым этапом резни...

Майяра он нашел в одном из внутренних помещений за столом, заваленным с одного края бумагами, с другого грудой сабель, в центре красовалась медная лампа.

Бывший пристав суда в Шатлэ сразу узнал Куаньяра, оба были среди тех, кто 10 августа вместе с народом штурмом брал Тюильри. Майяру с порога бросилось в глаза, как сильно побледнел «вождь краснокожих». Куаньяр лишь казался невозмутимым, но блуждающий рассеянный взгляд выдавал тщетно скрываемое напряжение нервов.

Майяр жестом указал ему на бутылку бордо:

– Выпей и успокойся, с чего вдруг нервы? На ступенях Тюильри крови было не меньше. Так-то лучше, с чем пришел?

Норбер уже успел уяснить себе причину отвращения к происходящему, он не считал, что между штурмом дворца и резней безоружных, которая происходила в этих стенах есть что-то общее, но сдержался:

– Я, собственно, к тебе по поручению..., – понизив голос до шепота, называя имя, Норбер склонился к Майяру через стол, – это касается судьбы троих священников и... еще одной семьи.. я должен забрать их всех...

– Нет проблем, укажи мне их...

– Станислас... а если так..., чтобы решить это дело между нами.. без ваших присяжных.. особенно это касается той семьи...

Норбер не мог не понимать, в каком состоянии сейчас находились Луиза и ее еще более юная кузина, почти девочка, они слишком многое пережили здесь, чтобы выдержать до конца пытку неизвестностью... Да и что может в отчаянии отчудить сам де Бресси?

– Весьма обидное недоверие... их бы и так оправдали, но будет так. А вот священникам придется предстать перед Трибуналом, но всё же будь спокоен и за них... Встань рядом с нами, когда очередь дойдет до интересующих тебя людей, укажи на них...

– Есть деликатный момент, Станислас.. в отличие от священников, эти люди.. не должны видеть меня и знать, что именно я причастен к их освобождению...

Майяр выслушал его с легким удивлением, но вопросов задавать не стал:

– Встанешь под навесом в полумраке, тебя не увидят...

– Когда вы решили продолжить... работу? – последним словом Куаньяр всё же подавился.

– Менее чем через час, Норбер, ждать тебе недолго... Но с рассветом мы разойдемся по домам...

Поднявшийся было со стула, Куаньяр резко опустился обратно:

– Страшная смерть, но почему их рубят и забивают дубинками... а не расстреливают к примеру? Это было бы более... гуманно? В чем же дело, зачем так... мы же не звери, Станислас?

Майяр нахмурился:

– Тебе говорить легко.. А кто же выдаст им огнестрельное оружие? Кто официально подпишется под всем этим? Не сделают этого ни наши, ни бриссотинцы. Ролан и Серван, Дантон и Робеспьер.. все, все одинаково устранились.

Если бы трибунал работал более эффективно еще в августе, этого бы не случилось.. Всем желательно это самое «устранение изменников в тылу в момент вступления пруссаков в Верден», как трещат газеты. Все хотят поднести кулак к носу бриссотинцам... Но все понимают, как это будет выглядеть в реальности и никто, никто не желает быть обвиненным хотя-бы в косвенном соучастии или в попустительстве!. Мне досталась неблагодарная и грязная работа, Норбер!

– Рад, что ты это понимаешь. По примеру 89 года вы пытаетесь возглавить и направить в нужное русло то, что предотвратить всё равно невозможно. Но здесь это ошибка, и хуже всего то, что эта роковая ошибка бросит тень на Якобинский Клуб в целом.. А бриссотинцы, газеты которых 3 сентября находят это «разумной мерой», 23-го припишут всю ответственность исключительно нам.. Словно Ролан и Серван как-то пытались предотвратить это.

И Куаньяр счел нужным добавить:

– И всё же я благодарен тебе и все признают твою энергию и способности организатора, говорят, то, что творится у Эбера в Ла-Форс вовсе не поддается никакому описанию...

Он знал, Майяр за это время спас более сорока человек, у Эбера удалось вырвать не более шести..

– Спасибо на добром слове, Норбер. Но кажется ты прав, мне еще предстоит выслушать немало упреков и.. проклятий...

– Когда же это наконец закончится, Станислас?

– Сегодня и закончится.

Притаившись под навесом, незаметный для обвиняемых, Норбер наблюдал за работой импровизированного трибунала, суд был более чем кратким и выносил только два вида приговоров либо «помилован именем народа», либо... Майяр произносил коротко: « В Форс!». Обреченные думали, что речь идет о переводе в тюрьму Ла Форс, но это означало смерть.

Расправы начинались прямо во внутреннем дворе, иногда сразу за дверью, в отдельных случаях непосредственно в самом помещении, так, что брызги крови долетали до самих членов трибунала, пачкали документы... В таком виде эти документы и сохраняются для истории.

Норбер сделал выразительный жест, когда перед трибуналом появились один за другим трое пожилых людей в сутанах... После их оправдания он снова спрятался в сумрак под навес..

Граф де Бресси с семьей, даже не предстали перед Трибуналом, смертельно бледные, застывшие как статуи, прижавшиеся друг к другу, они были окружены вооруженными санкю-

лотами и выведены со двора тюрьмы еще до начала работы трибунала. И сейчас, оцепенев в глубоком ужасе, могли только гадать, куда их ведут и что именно намерены с ними сделать.

– Идите за мной, – обратился Куаньяр к священникам, – я буду сопровождать вас, для того, чтобы вас не убили по дороге или не вернули обратно.. Вам ничего более не угрожает, граждане...

Неожиданно самый старший из них подошел к нему ближе и в порыве нахлынувших эмоций вдруг перекрестил якобинца:

– Да благословит вас Господь! Мы будем молиться за вас, хотелось бы узнать ваше имя...

Отчего-то Норбер невольно вздрогнул:

– Норбер Мари Куаньяр. Но вам следует молиться не за меня.., – он подошел к священникам совсем близко и одними губами произнес это хорошо известное имя, – вы были его учителями в коллеже Луи Ле-Гран..Вы обязаны жизнью именно ему...

– Но, гражданин.. не могли бы вы оказать милость.. еще одному человеку..вы.. благородный человек.. умоляю.. не откажите...

Луиза была спасена и к Норберу вернулась уверенность и доброе расположение духа. Услышав мольбу старика, он тихо вздохнул, они живы, что им нужно еще, и всё же..

– Кто этот человек.. он тоже священник? Незаметно укажите мне на него..если ваша помощь ему еще нужна...

Молодой человек в сутане не попался на глаза членам трибунала, что ж, это хорошо, не придется снова объясняться с Майяром. Подойдя сзади, Куаньяр опустил руку ему на плечо:

– Вы с нами, гражданин, на выход...

– Нет... нет... как же так можно... меня даже не судили....

Ужас метнулся в широко раскрытых глазах, это было неприятно, Норбер резко обернулся к священникам:

– Выходим быстрее, не задерживаемся, объяснитесь с ним по дороге или вам так понравилось в этих гостеприимных стенах?! Ну же, живее!

Грубость проистекала прежде оттого, что сам Куаньяр уже буквально задыхался от желания выбраться из ада, где крики, мольбы о пощаде, стоны, рыдания, тяжелый запах крови. Он уже знал, эти воспоминания будут преследовать его достаточно долго... Ну и как это выносил часами сам Майяр?! Так вот за чью душу надо было помолиться...

– Эти свободны! – властным жестом отстранил он угрюмых вооруженных мужчин свирепого вида, уже приглядывавшихся к его подопечным.

За воротами Аббатства охране из санкюлотов пришлось перегруппироваться, сам Куаньяр шел на некотором расстоянии сзади, незамеченный освобожденными и вроде даже сам по себе.

Пройдя самые опасные, близкие к тюрьмам улицы, парни из Аббатства добросовестно отправились сопровождать священников и оставили без внимания де Бресси с семьей, всё выглядело так, словно забыли о них.

Группа растерялась, но совсем ненадолго, по знаку де Бресси все четверо резко ускорили шаг, чтобы свернуть в неосвещенный проулок.

Такой поворот дела совсем не понравился Куаньяру, наблюдавшему за ними с почтительного расстояния, он и так не слишком скрывался и его присутствие вскоре было замечено.

Он подошел к ним совсем близко и остановился. Де Бресси сделал в его сторону резкий отстраняющий жест, Куаньяр в опущенной на глаза шляпе, завернувшийся в темный плащ не был признан графом, но на его шляпе красовалась национальная трехцветная кокарда республиканца...

Норбер сначала не подумал, что обе стороны видели ситуацию совершенно по-разному. Он вышел из тени на освещенное место и поправил шляпу, намеренно давая возможность рассмотреть его.

Он хотел, чтобы де Бресси узнав его, понял, что бояться им больше нечего, но все вышло точно наоборот.

Лицо де Бресси чуть заметно изменилось, он отступил на шаг.

– Как.. это вы..

Зачем здесь этот тип? Вне сомнения он преследовал их, выследил, что же еще ему нужно? Конечно же, он хочет отомстить за все унижения, нанесенные ему кузеном Белланже, за то, что он мог счесть обидой со стороны самого графа де Бресси, за просьбу держаться на расстоянии от его племянницы... Не зря же он допрашивал об их местонахождении родственниц Белланже после 10 августа... едва не накрыл их в особняке Жюайеза.

Для чего же еще этот санкюлот возник здесь как чёрт из табакерки, в самый момент чудесного спасения?!

Убить его? Но де Бресси был совершенно безоружен, а из-за расходящегося на груди плаща Куаньяра он ясно увидел саблю и пару пистолетов.

– Эти улицы для вас также не вполне безопасны, – прервал молчание Куаньяр, – я намерен проводить... до самого порога дома...

– Могу я узнать.. гражданин.. с чего вдруг мы, едва не убитые в Аббатстве, заслужили такую трепетную заботу якобинца? – у де Бресси явно сдавали нервы.

Норбер почувствовал смутную обиду, а потому глухое раздражение:

– Вам предпочтительнее вернуться домой или в Аббатство, а может вам симпатичнее Ла-Форс и гостеприимство Эбера? У вас есть масса возможностей украсить собой вот один из этих старинных фонарей, как только вы попадетесь на глаза очередной группе волонтеров.. Я намерен дойти с вами до самого дома...

Но де Бресси увидел в этом предупреждении лишь прямую угрозу. И к чему этому упрямому санкюлоту так нужно узнать их новый адрес?

– Вы явились как расплата за случайность счастливого спасения.. Ведите нас, куда хотите, ведь знаю, стоит вам подать знак... я уверен, что вы не один... как появятся десятки ваших кровожадных дьяволов с пиками в красных колпаках!», – вырвалось со злобой и отчаянием – только имейте в виду, гражданин санкюлот, в кровавый ад Аббатства мы не вернемся иначе, как силой, зовите своих людей... а лучше прикажите убить нас прямо здесь!

Норбер задохнулся от гнева и острой несправедливости. До какой же крайности все они презирают нас... Сдержало лишь её присутствие.

– Может быть, вы окажетесь менее упрямы?, – Норбер с надеждой повернулся к Луизе де Массийяк и постарался придать своему холодному голосу максимально мягкий тон и чуть более эмоциональный окрас, – и поверьте, моё появление не угроза, а присутствие рядом защитит сейчас вас лучше любого охранного свидетельства... Не верите? Но разве я не пришел вам на помощь в Санлисе? Простите, что вынужден был напомнить об этом. Если вы поверите мне, я сделаю всё возможное для вашей безопасности...

– Мне кажется, что у нас нет выбора, – услышал он ее тихий слабый голос.

– Вы не раскаетесь в том, что доверились мне, – Норбер впервые позволил себе подойти к девушке совсем близко и осторожно взял ее за обе руки, что совсем не соответствовало простым нормам вежливости. Девушка немедленно отстранилась.

Страх и недоверие в ее глазах больно заделали его, заставив отступить на шаг и пригнуть голову, изобразив подобие легкого поклона.

– Вы сегодня пережили слишком много даже для мужчины, – тихо добавил он, словно за что-то или за кого-то извинившись, – для меня память об этой ночи также окажется чрезмерно тяжелой.

Де Бресси не выдержал, резко буркнул под нос:

– Вы один из них и вы говорите нам о чувствах!

Тёмные глаза Куаньяра загорелись яростью, граф считает его участником этой резни?! Вырвалось глухое рычание:

– Вы должны помнить, что я всегда относился к вам терпимо! Но сейчас, вы делаете всё для того, чтобы мне захотелось свернуть вам шею!

Де Бресси развернул плечи, словно принял боевую стойку:

– И что же сдерживает ваши страсти, гражданин санкюлот? Что же мешает вам отомстить разом всем нам за оскорбления маркиза Белланже? Уверен, вы и сейчас жаждете мести?

Но Куаньяр уже взял себя в руки и мерил его холодными глазами:

– Белланже мёртв. Хотите узнать, как это вышло? Мы встретились в Тюильри 10 августа. А теперь к делу, именно из-за вашего упрямства мы всё еще здесь. Все немедленно за мной, не желаете сообщать адрес и не надо, идём на улицу Сен-Жак. Я найду для вас квартиру на ночь, а завтра...

– Завтра, мы освободим вас от трогательной заботы о нашей судьбе.

Де Бресси остался непреклонен.

Приближающийся шум, топот множества сапог и деревянных сабо, нестройные звуки «Са ира», воспроизводимой нетрезвыми голосами заставили всю группу остановиться и прислушаться...

– Волонтёры, – сузив глаза, Норбер обернулся к графу, – мы их дождались в результате вашего недоверия и упрямства. Как думаете, куда направляется в два с четвертью ночи вся эта веселая толпа? В Аббатство, в Карм или в Ла-Форс? Настроены ребята более чем решительно...

Побледневшего де Бресси откровенно передернуло. Девушки в молчаливом ужасе прижались к нему, пятнадцатилетний сын де Бресси пытался изобразить смелость, но после пережитого кошмара в стенах Аббатства это у него не получалось.

– Стойте где стоите и не думайте бежать, я член Парижской Коммуны, моего присутствия рядом с вами достаточно для вашей защиты...

А вот и санкюлоты. Бедно одетые длинноволосые юноши и мужчины из рабочих предметов, вооруженные фантастически разнообразно, кто саблями, кто пиками, кто плотничьими топорами и кровельными ножницами, у многих в руках были ножи, привязанные к длинным палкам...

Их весьма много, настроены они крайне воинственно... Норбер невозмутимо наблюдал, не выпуская при этом из поля зрения графа и его семью...

Толпа поравнялась с ними. Действительно, трехцветный шарф, опоясывающий Куаньяра, оказывал определенное действие. Их оглядывали мельком, но не проявляли ни малейшей враждебности, скорее явное почтение.

Неожиданно от толпы отделился худощавый, но мускулистый молодой человек в шерстяном красном колпаке, с пикой в руке, он пригляделся к Куаньяру:

– Норбер, брат?!.. Вот так встреча!

Норбер сразу узнал его. Жак Арман, сосед и товарищ детства, земляк!

– Ты же остался у нас за председателя! Ты давно в Париже? Зачем ты здесь?

Арман мрачно нахмурился:

– Тут такие дела.. сам как-будто не понимаешь.. Я участвовал в штурме дворца.. мне повезло.. Ты помнишь... я поклялся добраться до Белланже.. убудочный аристократ... я найду его и убью.. Он здесь, в Париже!», – бледное лицо молодого человека стало сосредоточенно свирепым, – он уничтожил всю мою семью, а я.. разберусь теперь с ними со всеми.. прежде чем уйду на фронт...

И сколько собралось подобных ему мстителей в Париже, а по всей Франции? Знает только один Бог! Дворянство пожинаяет то, что веками и годами сеяло само, своей надменностью и черствостью, презрением и жестокостью к «низшему классу»...

Де Бресси вздрогнул и надвинул шляпу на глаза, подросток и девушки отвернулись, словно по команде. Они родственники искомого де Белланже и Арман легко узнает их...

Куаньяр слабо улыбнулся:

– Есть для тебя отличная новость, я тоже участвовал в штурме, правда, тебя не видел...

Белланже убит, я сам застрелил его в Тюильри 10 августа! Что ты теперь намерен делать?

Арман тряхнул шапкой длинных сальных волос, тон его был по обыкновению резок:

– Я же сказал, скоро нас отправляют на фронт. Но до того... надо избавить патриотов от изменников в тылу... мало ли еще аристократов, кроме Белланже.. от меня не уйдет ни один! Ни один не уйдет живым! Я ненавижу их всем сердцем.. ты должен понять меня... Мы с товарищами идем в Форс.. или еще куда, какая разница! Всё идёт как следует, Норбер! Но... ты же понимаешь меня, брат? *Ca ira!*», – худая, но очень сильная рука судорожно сжала пику, – где ты живешь? Хочешь, я принесу тебе под окно голову нашего общего «друга» де Ласи, говорят, он тоже сидит в Форс?

Его жёсткий смех ужасом отозвался в душе замерших в неподвижности спутников Куаньяра. Значит де Ласи угодил в Ла-Форс..

Норбер глухо рассмеялся в ответ, отметив про себя, что спасенному им от фонаря 10 августа де Ласи катастрофически не повезло:

– Не нужно, что мне с ней делать, засушить и поставить на шкаф?, – и секунду помолчав, – Жак, мне кажется, тебе не следует туда идти.. там.. Ты, наверное, просто не очень представляешь себе, что там сейчас... Не марайся в этой грязи, сразу отправляйся на фронт.

– Нет, Норбер.. А кто говорил нам, нищим подросткам в Санлисе про Судный день еще задолго до взятия Бастилии, разве не ты?! Мы организуем этим гадам с голубой кровью персональный конец света! Всех нас в течение всей жизни лишали самого необходимого, унижали, морили голодом, безнаказанно убивали и насиловали ради развлечения, безнаказанно сбивали насмерть своими дорогими экипажами, что ж, пусть узнают нашу жизнь на своей шкуре! Не отговаривай меня, пустое! Я буду убивать их своими руками!», – он уже кричал, низкий рычащий голос Армана срывался от бешенства, – у них никогда не было жалости к нам, мы же для них не люди, чернь, отбросы, отчего нам, теперь жалеть их! Ты чрезмерно добр, Норбер.. слишком добр, это совсем нехорошо, будь осторожен!

Куаньяр смотрел на него спокойно, даже с долей сожаления.

– На ступенях Тюильри я тоже без жалости убивал их. Но там.. всё будет по-другому, перед тобой будут уже не те, высокомерные и вооруженные до зубов, эти будут беззащитны перед тобой и измучены ужасом. Что ж, иди, ты сделал свой выбор!

Но Арман уже успокоился:

– Я сделал свой выбор много лет назад, как впрочем, и ты.., – и вдруг резко повернулся в сторону замершего у стены де Бресси и остальных, – а это еще кто тут у нас? Видно, что бояться, просто чувствую липкий запах страха!

Опустив пику, неторопливо он подошел к ним.

– А ну-ка.. подними шляпу с глаз, любезный! Честному человеку бояться нечего..

Норбер, видя опасное возбуждение Армана, решил вмешаться:

– Оставь их, они со мной!

Но Арман тихо присвистнул:

– Какие люди.. милейший граф,.. какая встреча.. моё почтение, мадемуазель и вам.. молодой господин!, – насмешливо улыбаясь, он снял красный колпак. В остановившихся зрачках таилась угроза убийства.

Девушки в ужасе прижались к де Бресси.

Норбер понял, что обе они очень недалеко от обморока. Он решительно встал между семьей де Бресси и пикой Армана.

– Я же ясно тебе сказал, эти люди со мной. Я отвечаю за них перед... (чтобы срочно придумать).. Советом Коммуны!, – тон стал очень властным и холодным, – клянусь, одно резкое движение в их сторону и....Революция потеряет одного из своих защитников! Ничего личного, Жак!

Рука сама дернулась к эфесу.

– Да ладно! Я что, понимаю..., – Арман слегка отступил и опустил конец пики, – добрый улов.. Ну что, Бресси, пока не посчастливилось тебе украсить фонарь? Жаль, ты бы смотрелся на нем великолепно!, – глаза его зло блестели, ноздри нервно раздувались, – а твои цыпочки могли бы доставить немало удовольствия добрым санкюлотам, такое случалось с аристократами в Тюильри 10 августа... а потом и их..., – сделал характерный жест, ударив себя ребром ладони по шее и даже не заметил, как при его последних словах Норбер брезгливо поморщился.

Было странно видеть, как свирепая физиономия Армана изменила обычное выражение, на ней вдруг появилась растерянность и даже грусть. Даже низкий грубый голос стал гораздо мягче.

–Норбер.. мы выросли вместе, твой отец и брат поддерживали нашу семью в самые трудные дни, я всегда считал тебя товарищем.. братом...я всегда уважал тебя, ты читал нам Рейналя, Руссо.. Но уже дважды ты угрожаешь мне и почему? Из-за проклятых аристократов! Тех же самых, что и в прошлый раз в Санлисе! Разве их родственничек, Белланже не причастен к убийству твоего брата с семьей?! Ты один из самых искренних, честных патриотов, каких я знал... Я всегда доверял тебе, но, ни тогда, ни сейчас не могу понять. В чем дело, Норбер?

Куаньяр подошел ближе и опустил руку на плечо Армана.

– Жак, я ничего не имею против тебя и сейчас. У нас много общего, наш маленький Санлис, наше детство, общие друзья. У тебя есть все причины для такой ненависти. А у меня есть свои и крайне веские причины поступить так, а не иначе. Но не спрашивай меня ни о чем, это касается только меня одного, мое дело сопроводить их.. куда следует, и никто в этом мне не помешает!

– Ладно. Я понял тебя и не держу зла. Что ж, был рад встрече, Норбер, я, кажется, отстал от ребят, надо спешить, может, когда еще и встретимся!

Отсалютовав пикой, он бросился догонять санкюлотов.

Лица всех участников сцены, кроме Куаньяра были бледны до зелени, девушки едва держались на ногах.

– Вы обязаны этой встрече своим упрямым недоверием, Бресси и сурово наказали себя и своих близких. А теперь извольте следовать за мной без разговоров. Я сниму для вас комнату на улице Сен-Жак, а завтра решу, что с вами делать дальше..Постарайтесь не устраивать мне сюрпризов...

– Что за чудовище! – вырвалось у 16-летней Жюли, дочери графа.

Норбер не понял, в чей адрес это прозвучало, в адрес Армана или его самого и потому откликнулся очень жёстко:

– Народ все эти века жил в аду, так что легкие изменения температуры мы уже не чувствуем.. Мадемуазель, ваши братья по классу столько веков подряд были уверены, что над дверью в АД

висит надпись: « Только для черни!!!», что мы рады вас разочаровать: «Вход для всех!!! Демократия!

Упрямится граф более не собирался. На фоне Жака Армана Куаньяр предстал перед ним в ином, чуть более мягком и выгодном свете.

Однако следующим ранним утром квартира, снятая для них оказалась уже пуста..

От отчаяния он зло швырнул старый облезлый стул, попавшийся на пути. Старуха консержка опасно уставилась на него.

– Но, гражданин, вы не говорили, что за ними надо следить... – и осеклась, встретившись с тяжелым мрачным взглядом, замерла, увидев, как молодой человек в трехцветном шарфе медленно съехал по стене и сел на пол, подтянув колени к подбородку и закрыв голову руками..

(Я идиот! Надо было всё предусмотреть! Бресси, спасибо, любезный! Ну, и где теперь она?! С ней может случиться всё, что угодно, может их уже снова поймали, вернули в Аббатство или в Ла-Форс, может её уже убили?!)

В одном из кабинетов Тюильри у окна Куаньяр нашел Робеспьера и Сен-Жюста. Молодой друг Неподкупного мерил его прохладным взглядом, Норбер не был обижен, он понимал причину, юноша относился отстраненно к большинству людей из окружения Робеспьера, это касалось даже Демулена, исключением были только интеллектуал итальянец Буонарроти и общительный, добрый Леба. Сам он воспринимался в большей степени, как близкий друг Огюстена. Ясно, что не без их поддержки Куаньяр вскоре окажется одним из депутатов Национального Конвента.

– Гражданин Куаньяр, у вас есть, что сказать мне? – это было брошено вполоборота, но Норбер успел отметить, что Неподкупный выглядит неважно, бледнее обычного, лишь скользнул по нему взглядом и отвернулся снова к окну..

– Да. Интересующие вас люди живы и в безопасности.

– Я знаю, вы сопровождали не троих, а восемь человек, – снова тот же скользящий, боковой взгляд.

– Да.. всё так. Эти люди не враги, я за это отвечаю лично и потому счел своим долгом...

– Хорошо.., – легкий, отстраняющий жест рукой, – каждый из нас на своем месте и делает всё, что в его силах..., – и помолчал с минуту, – вы были в Аббатстве... что там? – и снова боковой взгляд.

– Страшно, – честно и коротко ответил Норбер, также, не встречаясь с ним глазами, – думаю, в эту ночь мне трудно будет заснуть, как, впрочем, и в предыдущую..

– Не только вам, гражданин...

– К чему лишние эмоции? Это был необходимый акт, и мы все это прекрасно понимаем, – Сен-Жюст холодно сузил глаза.

Норбер хмуро и выразительно склонил голову. Неподкупный ничего не ответил другу и отвернулся к окну.

Вечер 10 августа 1792 после штурма Тюильри

Норбер успел переодеться, вишнёвый сюртук красиво облегал сильное стройное тело, брюки такого же цвета и на ногах высокие до колен сапоги. На голове гордо красовался красный колпак патриота с национальной кокардой.

Он решил навеститься в особняк маркиза де Белланже на улице Рая в секции Бонди. Маркиз состоял в секретных отношениях с Веной, на что указала молодая девушка из его прислуги, добрая республиканка.

Не стоит хлестко и презрительно называть это доносом, заявление оказалось справедливым и обоснованным, а сам маркиз де Белланже отнюдь не безвинная жертва клеветы и классовой ненависти.

После смерти маркиза секретная переписка с Австрией без сомнения, оказалась в руках его родственников, остается надеяться, что они еще не сбежали. Несколько молодых санкюлотов отправились с ним, но Куаньяр оставил своих людей на улице, с задачей окружить дом и охранять парадный и чёрные выходы.

Испуганный лакей попятился, увидев человека опоясанного трехцветным шарфом, выдававшим чиновника-якобинца. Дома оказалась лишь 45-летняя мадемуазель де Белланже, его кузина, сестра и мать, вот-вот должны вернуться.

Обычная надменность и презрение исчезли с лица мадемуазель совершенно. Неловкий и скромный «плебей», над которым они так весело насмеялись в Санлисе, предмет ненависти

и злобных сплетен местной знати, теперь выглядел совсем иначе, он стал для них смертельно опасен.

Но испытать страх мадемуазель де Белланже заставило то, что с грубо-красивого лица Куаньяра исчезло выражение скромной почтительности, этой привычной защитной маски простолюдинов, она наткнулась на холодную свирепость остановившихся зрачков. Момент истины, мадемуазель?

Вот что таили в себе покорность и униженные поклоны ваших слуг и безответных крестьян... В руке он держал пистолет.

– Вместе мы дождемся ваших родственников!, – его бархатистый голос приятно завораживал, чудовищно не соответствуя выражению глаз.

Куаньяр медленно подошёл к мадемуазель де Белланже и, приподняв её голову за подбородок, заглянув в расширенные глаза, их губы оказались совсем близко, она сразу же сделала из этого свои выводы, уперлась ладонями в его грудь, в ужас косясь на пистолет:

– Нет, ради Бога, нет, возьмите что хотите, вот хотя бы мои золотые украшения, возьмите деньги, месье, только не делайте этого!

– Как же изменился твой тон, милая.. вот уже и «вы», и «месье», а то всё «плебей и негодай .., – губы Куаньяра против воли расплылись в презрительной усмешке, – я не насильник, так что успокойся, может я груб сейчас, не слишком галантен, непохож на ваших кавалеров, как в известной песне «я санкюлот, горжусь тем я, назло любимцам короля», но не бойся, при твоих внешних данных ты умрешь девственницей... не стесняйтесь, мадемуазель, откройте вот этот шкаф... нет, я не грабитель, мне не нужны ваши деньги, а вот документы, пожалуйста, доставайте быстрее... пока не случилось беды, а то я человек очень нервный, очень устал... и очень ненавижу аристократов. Мне надо торопиться, а вдруг господина Монморанси, бывшего министра Капета, повесят без меня? Никогда себе этого не прощу..., – последнее было сказано, скорее, с насмешкой, чем со злобой.

Его немного развлекал испуг этой еще недавно надменной и властной особы, разом потерявшей всю привычную барскую спесь.

С четверть часа он, молча, переключивал бумаги, бросая на женщину хмурые взгляды. Всё это очень интересно и всё же не совсем то, что нужно.

– И где же старуха Белланже, где сестра маркиза? Где кухня? – заложив руки за трёхцветный пояс и сузив глаза, обратился Куаньяр к мадемуазель де Белланже, – ну же, я должен знать правду! Сбежали? Бросили вас? Не удивлюсь ничему, семейка моральных уродов...

– Они пошли к председателю нашей секции, узнать, сможем ли все мы получить пропуск и выехать из Парижа...

Норбер спокойно пожал плечами:

– Значит, они уже арестованы. Представляю себе бессильную ярость мамыши Белланже, приятно было бы повидать её... кухня менее достойный противник, но даже она не лепетала бы сейчас, как вы... что вы знаете о переписке маркиза?

Мадемуазель де Белланже слабо вздохнула:

– Достоверно, ничего. Как понимаете, всё это слишком серьезно, чтобы кузен стал посвящать в это семью, особенно женщин..., – встретившись с его невозмутимым, жёстким взглядом, она обреченно сникла.

Но реакцию Куаньяра просчитать слишком сложно, внешнее отсутствие эмоций обманчиво.

– Уходите! – резко бросил он, не оборачиваясь, через плечо.

– Что?! – мадемуазель де Белланже боялась поверить тому, что услышала.

– Ты еще и глухая, аристократка?! Убирайся, исчезни! – грубость Норбера проистекала от его собственных сомнений в правильности того, что он делает.

Перепуганная и жалкая, старая дева, она не вызывала в нем злобы, скорее пренебрежение.

– Ваша кузина, которой не отказать в сословном высокомерии и ненависти к санкюлотам держала бы себя совсем не так, верно?

Она нерешительно подошла и слегка коснулась его плеча.

– Но месье... я хотела сказать, гражданин... Помогите мне получить пропуск, чтобы выехать из Парижа... без пропуска мне далеко не уйти...

– Я сказал лишь, что дам вам шанс уйти, но помогать вам я не намерен, убирайтесь! Это мое последнее слово! – он бросил эти слова вполоборота, не сводя с куста цветущей акации за окном остановившихся, широко открытых глаз. Обернувшись на секунды и облизнув сухие губы, смерил ее взглядом, от которого женщина убрала руку с его плеча и слегка попятилась.

После Куаньяр повернулся спиной к мадемуазель де Белланже и скрестил руки на груди, давая понять, что ничего другого она от него не услышит.

Шорох из соседней комнаты заставил его резко обернуться. Он только что обошёл все комнаты, не поленился заглянуть даже в шкафы, не обнаружил никого. Хозяйка слегка сжалась под тяжелым взглядом республиканца.

– Жюстина! Ради всего святого, зачем ты вышла?! Ты же погубила себя!

А вот и кузина. Высокая, зеленоглазая девушка лет двадцати трех, с длинными и вьющимися кольцами рыжеватыми волосами.

В Санлисе Норбер постоянно видел её гуляющей с племянницей графа де Бресси...

– Гражданка Габрийяк? Рад вас видеть. Давно вы в Париже? С графом де Бресси и его семьей всё в порядке?

Жюстина де Габрийяк отреагировала более чем холодно:

– К чему эта формальная вежливость, гражданин санкюлот? Я слышала, как вы только что грубо отказали тётке Атенаис в получении пропуска...

– Гражданочка, я лишь сказал, что не стану содействовать в получении пропуска, но не стану и мешать, у нее есть шанс. Она вполне свободна, чтобы... убраться отсюда!

И повернувшись в сторону Атенаис де Белланже, бросил резко:

– Вы слышали меня, гражданка? Сейчас сюда зайдут мои люди, и начнется настоящий обыск, затем этот дом будет опечатан. Уходите. Останетесь, будете арестованы со всеми вытекающими последствиями.

Атенаис де Белланже растерянно смотрела на молодую родственницу.

Жюстина де Габрийяк взглянула на республиканца жёстко и сумрачно:

– Я тоже могу быть свободна, гражданин санкюлот?

Куаньяр сузив глаза, разглядывал ее, затем как-то неуверенно подошел ближе:

– Вы тоже свободны, но только после того, как ответите мне на вопрос, который только что проигнорировали. С семьей де Бресси всё нормально? В Санлисе после моего отъезда не было крупных беспорядков?

Девушка холодно и недоверчиво смотрела на него:

– Беспорядки были, их имение не тронули, зато сожгли наше и наших соседей де Ласи. Они уехали из Санлиса 1 августа, за три дня до нас.

Куаньяр слегка изменился в лице:

– Вы хотите сказать, что они эмигрировали?! Потрудитесь ответить правду: да или нет. Будете молчать, наше общение, столь малоприятное для вас, затянется надолго, ответите, вы обе свободны. Неужели я так много прошу?!

Атенаис де Белланже не выдержала первой:

– Боже, Жюстина, скажи этому упрямому санкюлоту всё, что ему нужно, и мы уходим! Никуда они не эмигрировали, здесь они, в Париже!

Мадемуазель де Габрийяк нехотя разжала губы:

– Вы всё услышали, что хотели, гражданин? Мы свободны? Или вы отказываетесь от своего слова?

– Вы думаете, что слово способен держать только дворянин? – резко ответил Норбер, – и будто вспомнил о чем-то – у графа де Бресси в Париже ведь проживает сестра с мужем... герцогиня... как там её?

К нему медленно и вальяжно подошел Жюсом:

– Ну что, начинать, наконец, обыск? С дамочками что делать?

– Лучше напомни мне, Пьер, как по мужу фамилия сестры графа де Бресси? Знаю, что они давно обосновались в Париже, еще до 89 года. Только не скажи сейчас, что тоже этого не помнишь. «Бывшие» они или нет, но они наши земляки.

– Почему не помню, – Жюсом снял фригийский колпак и утер им влажный лоб, – отлично помню, Жюайез, по мужу она герцогиня де Жюайез. Они были даже представлены ко Двору, но ясно, что теперь со всем этим дерьмом покончено.

Увидев, как сильно побледнели и изменились лица обеих женщин, Куаньяр понял, что попал в точку.

Разумеется, не факт, что эти родственники не погибли сегодня утром в Тюильри или не скрылись куда еще, владельцы крупных особняков в Сен-Жерменском предместье нередко стремились теперь замаскироваться под рядовых парижан, но всё-таки это крепкая нить.

Вот где с высокой долей вероятности мог находиться де Бресси с семьей. А вот это важно.

Между тем, Луиза была бы очень рада, что ее подруга жива и на свободе...

Куаньяр подошел к мадемуазель де Габрийяк совсем близко и очень тихо, одними губами прошептал:

– Лично я посоветовал бы вам найти семью де Бресси и остаться с ними. Тем более я уверен, что вы знаете их местонахождение. Но...если вы действительно хотели вы получить в вашей секции пропуск для выезда из Парижа... Хотели бы вернуться в Санлис? Не прямо сейчас, но через несколько дней это было бы вполне возможно...я мог бы вам в этом помочь... запишите мой адрес.

Девушка вдруг резко выпрямилась и с возмущением отшатнулась от него:

– Гражданин санкюлот, я не нуждаюсь в ваших ценных предложениях. Либо вы нас отпускаете, как обещали, либо мы обе арестованы.

Только сейчас Норбер понял, как она поняла его предложение содействия, она приняла его за предложение половой близости в обмен на помощь. Кидаться подобными предложениями было совсем не в его правилах, хотя... многие другие, безусловно, этим приемом пользовались.

Предложение оскорбительное для молодой аристократки не столь само по себе, через постель нужного чиновника дамы «пробивали» необходимые им решения даже при Дворе при старом режиме, сколь отвратительное потому, что исходило (как ей казалось, исходило) со стороны одного из ненавистных и презираемых ее классом санкюлотов и республиканцев.

Неловкость быстро сменилась сильнейшим раздражением:

– Катитесь обе...вы свободны. Граждане, заходим, живо, начинаем тщательный обыск! Переписка должна была остаться в доме, ищите тайник!

Когда за женщинами закрылась дверь, Куаньяр отдал распоряжение Жюсому:

– Отправь кого-нибудь проследить за ними, но очень осторожно и ненавязчиво, не спугните. Эти родственницы Белланже меня крайне мало интересуют, но меня крайне интересует местожительство семьи де Бресси

Жюсом жестом подозвал троих молодых санкюлотов:

– Ребята, слышали, что сказал гражданин Куаньяр? Но аккуратно, дамочки не должны вас заметить. По возвращении доложить. Отправляйтесь, живо.

Пьер хитро сощурил глаза, его насмешливая улыбка выводила Норбера из равновесия:

– Тебя интересует всего один член семьи де Бресси! Это я понял уже давно, еще в Санлисе!

– Заткнись, пожалуйста! И сделай, что тебя просит друг! Я очень переживаю, знаю, что уже скоро на аристократов начнется настоящая охота, хотелось бы уберечь де Бресси... уберечь её... от этой травли.

– Ладно, Норбер, я выясню всё, что возможно. Думаю, нам смогут помочь люди из секции, на территории которой находится особняк Жюайеза. Кто, как не они обязаны точно знать максимум о местных обитателях, кто уехал и куда, кто приехал и откуда.

Немногим позднее Норбер узнал, что старуха де Белланже и сестра маркиза были схвачены на заставе, при попытке под чужими именами покинуть Париж, и отправлены под трибунал ровно через неделю, 17 августа.

Было ли Норберу жаль их? Пожалуй, что нет. Он не безжалостен, скорее не сентиментален и скуп на лишние эмоции. Ничего не поделаться... Это их судьба... это общая судьба всех аристократов, всех вчерашних «хозяев жизни»...

Эти люди никогда не отпустили бы его самого, если бы им суждено было поменяться местами, он это знал, и к чему тогда зря точить слезы?

Менее чем через час...

– Ну, что нового, Пьер? Что случилось?! Они исчезли?!

Жюсом хмуро кивнул:

– Так и есть. Видишь ли в чем дело... ты не ставил задачи арестовать их, только осторожно выяснить, по-прежнему обитаем ли особняк Жюайеза, на месте ли хозяева, нет ли у них гостей, родственников из провинции. Всё так и было. Но... Атенаис Белланже с кухней, покружив по городу для вида, стучались именно в двери особняка герцога Жюайеза. По-видимому, их красочный рассказ о том, как особняк Белланже был опечатан, а их почему-то отпустили, спугнул обитателей. Думаю, они рассказали и о том, что по их души явился земляк из Санлиса гражданин Куаньяр и расспрашивал о семье де Бресси... Сейчас сен-жерменский особняк герцога пуст, нет ни хозяев, ни их гостей...

Противостояние якобинцев и Жиронды в 1793 году, Марат и Шарлотта Кордэ

... Лишь тот достоин жизни и свободы,

Кто каждый день готов за них на бой...»

(Гёте «Фауст»)

Жирондисты, обвиняя своих коллег-соперников в дезорганизации и анархизме, не прекращали своих агрессивных выходов, инсинуаций и противодействия во всём. Стоит строго заметить, их деятельность в этот период свелась к интригам и инсинуациям против якобинцев, к красивым речам, расточаемым с трибуны Конвента и громогласной защите интересов крупных собственников, что не добавляло им симпатий малоимущего большинства французов...

29 октября 1792 года жирондист Лувэ произнес агрессивную обвинительную речь, прямым текстом требовал эшафотов для Робеспьера, Марата и Дантона одновременно, обвинения были размыты, противоречивы и часто абсурдны, но озлобление совершенно искренне и направленно.

Их агрессия против якобинцев не прекращались месяцами: нападения на Марата в октябре 1792 и в апреле 1793, а 24 мая добрались до Эбера, Варлэ, Марино и других, решившись снова поднять дело о событиях сентября. Показательны в этом отношении анти-якобинские памфлеты Бриссо, обращенные к своим избирателям от 24 октября 1792, от 23 мая 1793 года.

По призыву жирондиста Барбару в октябре 1792 город Марсель выслал отряды федератов, состоящих из богатой молодежи «для защиты от санкюлотов», они вели себя агрессивно, орали песенки, в которых требовали кровавых расправ и казней якобинцев:

«От Парижа к берегам Ривьеры

Докатился звон набата -
Вот и мы пришли на голос звона.
Мы казним сегодня Робеспьера,
Завтра снимем голову Марата,
Послезавтра – голову Дантона!»

Вот так «гуманисты и миротворцы», вот так «умеренная» оппозиция... Но в этом вся суть подобных «миротворцев» всех времен и народов...

Интереснее будет другое, федераты, призванные, чтобы защитить депутатов крупной буржуазии от санкюлотов, чуть позднее и вместе с последними, будут штурмом брать Тюильри...

Видимо, активность и профессионализм якобинских агитаторов Сантерра, Шометта и прочих, посещавших казармы федератов нельзя сбрасывать со счетов.

Современники характеризуют жирондистов, как «партию людей ловких, тонких интриганов и крайне честолюбивых». По словам Кутона: «Они хотят Республики, но хотят также аристократию».

Они презирали народ и боялись его, стоит прочесть их мемуары. Например, послушаем Бюзо: «Париж – это сентябрьские убийцы», «чтобы нравиться парижскому народу – надо обладать его пороками» и т.п. Стоит послушать и Робеспьера: «Они обнаруживали большую чувствительность, но такую, которая плачет почти исключительно над врагами Свободы».

И то верно, агрессивные к коллегам по Конвенту, они расточали свое показное миролюбие исключительно в отношении роялистов.

В январе 1793 роялистом Пари был убит депутат Конвента Лепелетье, за то, что он голосовал за казнь бывшего короля...

Процесс Людовика это главным образом процесс политический и показательный, именно поэтому его исход был предреши́т без лишних эмоций. Личный интерес в смерти Людовика мог иметь только Филипп Орлеанский и его сын, герцог Шартрский...

Обвинения в государственной измене подтверждали сотни писем и документов, извлеченных из сейфа бывшего короля после штурма Тюильри.

Стоит сказать сразу, Людовик не невинная жертва и пострадал отнюдь не «за грехи предков», как любят писать роялисты и сочувствующие им авторы, а за свои собственные грехи. Во всех странах мира, в это время, во всяком случае, государственная измена автоматически означала высшую меру.

С другой стороны, жизнь или смерть Людовика это жизнь или смерть самой Революции и Демократии. Жить или погибнуть молодой Республике во Франции, вот в чем вопрос. Этот человек опасен не только сам по себе, он личность весьма незначительная, а как коронованная фигура и ненавистный символ монархии.

Пока он жив, это поддерживает агрессивный боевой дух роялистов, они не прекратят устраивать заговоры ради его освобождения, высланный же за границу, он станет живым знаменем для эмигрантских корпусов, стоящих на французской границе и готовящихся к вторжению, его присутствие поднимет боевой дух роялистов.

Его казнь сделает революцию необратимой, а Республику окончательной ормой французского государства. Как верно заметил Робеспьер, штурмом Тюильри, народ уже вынес смертный приговор Людовику, ведь ранее, простые люди считали личность монарха священной неприкосновенной, таким образом, всё остальное по существу формализм. Это с одной стороны всё так...

Но эти рассуждения доступны лишь уму образованных революционеров, способных к глобальному и абстрактному мышлению, свободных от благоговения перед коронованными и титулованными особами...

С другой стороны, поразительно, с этой логикой не согласился Марат, буркнувший под нос после аналогичной речи Сен-Жюста:

–Этой доктриной нам причинят больше зла, чем все тираны мира вместе взятые!

Тем удивительнее, что все эти соображения вовсе не исключали сочувствия к Людовику, как к человеку. Это было заметно даже в поведении Марата, которого противники рисовали типом с садистскими наклонностями, слёзы Эбера тоже выглядели вполне искренними.

Марат был сторонником открытого процесса, пусть даже он будет чисто политическим и уже потому предрешенным.. Он считал, что в ином случае, в глазах простых малограмотных людей, приученных рабски почитать коронованных особ эта казнь, будет выглядеть как обычное убийство...

Удивительно, но каждый по-своему прав.

А что же жирондисты, эти лже-республиканцы? Они откровенно пытались выгородить Людовика, апеллируя к чисто роялистской логике, диктующей формулу, согласно которой личность королевской крови является особой «священной» и не подлежащей никакому суду в принципе!

Но разве это рассуждения революционеров и республиканцев? Что же будет дальше? *Qui vivra vegea...* («поживём, увидим...»)

Вся правда в том, что значительная часть этих людей, не была искренними республиканцами и их тайные симпатии всегда склонялись к конституционному роялизму.

В их планы входило сначала подчинить Людовика своей воле и при формальном сохранении монархии стать фактически правящей силой, событий 10 августа они не хотели и приняли Республику задним числом, имея в виду, что она должна стать сугубо олигархической, буржуазной, но не подлинно демократической, к чему так стремились якобинцы.

Поэтому на разных этапах 1791-1792 года их политика существенно менялась, успешно шли тайные переговоры с королем и, они становились защитниками трона и крестили сторонников Республики анархистами и экстремистами, но если Людовик не шел на уступки, бриссотинцы стуча в грудь, изображали из себя пламенных республиканцев, да еще «отцов-основателей Республики», и это те, кто был против штурма дворца 10 августа...

Спасение короля оставляло последнюю лазейку к сговору с династией Бурбонов на выгодных условиях. Их избирательный «гуманизм» неизменно распространялся только на тайных и явных врагов Республики, но никогда не распространялся на коллег по Конвенту, якобинцев, что характерно и станет видно позднее.

В схватке вокруг бывшего короля кипели политические страсти, но не личные чувства, это борьба социальных интересов, но не чьей-то личной жестокости или милосердия...

В новом 1793 году противостояние жирондистов и якобинцев продолжалось в ускоренном темпе.

А далее? По порядку: в марте 1793 года с фронта пришло известие об измене генерала Дюмурье, ставленника Жиронды, пытавшегося повернуть войска на Париж, разогнать Конвент и усадить на восстановленный трон герцога Шартрского, сына Филиппа Орлеанского, родственника казненного короля, изображавшего из себя якобинца.

Не поддержанный ни офицерами, ни солдатами генерал Дюмурье сбежал в Англию вместе с герцогом Шартрским, отец которого, герцог Орлеанский был казнен, как сообщник.

Апрель 1793 года. Жиронда обезумела от ненависти к якобинцам, они придумали повод и рискнули отдать под трибунал Марата.

Обвинения были построены на том, что из циркуляра, написанного Маратом крайне эмоционально, впрочем, как всегда, они произвольно выдергивали фразы, вне основного текста звучавшие агрессивно и жестоко, якобинцы настояли на том, чтобы злосчастный документ был

зачитан полностью. Впрочем, есть мнение, что Друг Народа всего лишь подписался под этим документом, будучи в тот день председателем Клуба.

Это был тот самый злосчастный циркуляр, из которого враги Друга Народа с 1793 года и по сей день выдёргивали цитату о «100 тысячах голов, которые следует отсечь ради победы французской Республики..» Эта цифра произвольно повышалась вместе с накалом эмоций от 600 голов до 500 тысяч...

Но в общем тексте смысл этих слов был иным, он, как и всегда предостерегал нацию и её представителей от беззаботности перед лицом врага.

Марат считал, что неуместная сентиментальность впоследствии будет стоить народу миллионов жизней, которых роялисты и их иностранные союзники не пощадят, когда снова почувствуют себя хозяевами страны...

Итак, пусть погибнут эти опасные и совершенно бесполезные как паразиты «золотые» 100 тысяч привилегированных, графов и маркизов, чем миллионы людей из народа. Эти слова продиктованы чувством республиканского самосохранения, а не личной «жажды крови».

К тому же, количество «100 тысяч» было «снято с потолка» для эффекта, что позднее признал и сам Друг Народа, и таким образом не представляла собой никакого «чудовищного продуманного плана истребления»...

Таким образом, стало понятно, что обвинения строились на грубых инсинуациях, в общем тексте смысл этих фраз имел несколько иное значение.

Якобинцы, сотни людей разом в один голос решительно заявили со своих мест, что все подпишутся под злополучным циркуляром, не видят в нём никакого «бешенства» и призывов к анархии, жирондисты были растеряны и взбешены провалом обдуманного процесса. Усилия жирондистов были напрасны. Друг Народа был оправдан с триумфом.

Но этот процесс лишил жирондистов последних симпатий парижан.

Май 1793 года. Жиронда не унимается, вопреки закону они хватают якобинцев, бросают в тюрьмы, на основании смехотворных несерьезных обвинений, запрещают их собрания.

Ослепленные ненавистью, они рискнули создать Комиссию 12-и, состоявшую из одних жирондистов, то есть людей заранее предубежденных, чтобы снова поднять тему «сентября»...

Жирондистов не пугал устроенный ими раскол Конвента... И это делают люди, всё время выставлявшие якобинцев «анархистами и дезорганизаторами», что они и напишут в своих мемуарах, полных восхваления своей политики, как единственно разумной, и яростных проклятий в адрес оппонентов.

Не примирения, а подавления якобинцев и казней их руководителей добивались эти люди, называвшие себя «умеренными» и «сторонниками нестрогих мер», интриговали и проявляли агрессию с самого сентября 1792 по май 1793 года, пока у тех не истощились остатки терпения...

Восстание, во главе которого стоял Марат, более других пострадавший от их нападков, разразилось в Париже 31 мая- 2 июня. Здание Конвента было окружено национальной гвардией под командованием генерала Анрио, лидеры Жиронды, 22 человека были отданы под нестрогий домашний арест и лишены депутатского иммунитета.

Однако, «кроваждые» якобинцы отнюдь не репрессировали своих оппонентов как партию в целом, а лишь арестовали руководивших ими подстрекателей, 22 человека, занявших контрреволюционные позиции, в лице Антуана Сен-Жюста выразив остальным сожаление и надежду на их благоразумие, сумев отделить людей заблуждавшихся от изменников. Эти жирондисты оставались в Конvente до октября 1793 года.

Из переписки некоторых жирондистских депутатов, можно привести в пример Дюбо и Шассе, с друзьями из провинции видно, они сами задумали переворот, устранение якобинцев и казни их крупнейших руководителей, письма датированы 15 мая, 24 мая..стали создаваться отряды для «крестового похода» на Париж.

Так кто же реально развязал гражданскую войну летом 1793? Разве якобинцы?

Так, Марсель, руководимый жирондистской администрацией, взбунтовался еще до 31 мая, а отнюдь не в следствии, как станут утверждать они сами и их защитники...

Жирондисты Бордо еще 8 мая отправили в Париж открытое письмо с угрозами в адрес якобинцев... А 12 мая взбунтовалась жирондистская администрация Лиона...

Выходит, якобинцы Парижа 31 мая всего лишь опередили их...

Это июнь 1793 года... После перечисленных фактов становится ясно, что «агрессивность» якобинцев и «гуманизм» жирондистов это политический миф, созданный самими жирондистами.

И эти люди еще восхваляли себя как «отцов основателей» Республики и «подлинных» революционеров. Они, которые были против штурма дворца и стали «республиканцами» задним числом! По крайней мере, это касается этих знаменитостей...

Высокое самомнение у этих буржуазных «граждан-господ», не сумевших ни открыто признать себя умеренными роялистами, к которым всегда склонялись, ни стать настоящими республиканцами, для этого они слишком чурались народа и брезгливо презирали его, всех этих грубых, необразованных, плохо одетых людей...

«Подлинные революционеры», «отцы-основатели Республики»? Разве что в собственных глазах...

Во имя Разума! «Отцы-основатели»?!

Они были против штурма Тюильри перед 10 августа и вообще не принимали в нём участия!

Они защищали Людовика и открыто одобряли преступление фанатичной роялистки Кордэ, что характерно, также воображавшей себя республиканкой, да еще и «подлинной», это уже диагноз.

Последнее есть отнюдь не христианские чувства, а выражение политической позиции, ибо эти же самые люди рукоплескали массовым убийствам рядовых якобинцев в Лионе, Марселе и Тулоне...

В марте 1793 года именно жирондист Ланжюинэ предложил проект закона о расстреле за ношение белой (монархической) кокарды в мятежной Вандее.

В то время как Марат, оклеветанный противниками как «кровавый монстр» резко осудил этот проект, справедливо заметив, что такой закон противоречил бы совести и здравому смыслу, карать следует не невежественных крестьян, а их подстрекателей – дворян и неприсягнувших конституции священников, убеждавших паству, что убийства и даже пытки пленных республиканцев «угодны Богу...».

Тем временем Верньо, Бриссо, Петьон, Жансонэ, Барбару, Гюаде без труда сбежали из Парижа в течение первых же дней, настолько нестрогим был их «домашний арест». И занялись разжиганием гражданской войны в родных департаментах, сея у населения страх и ненависть к якобинцам, особенно к Марату, активнее других способствовавшему их свержению с политического Олимпа.

В целях пропаганды все средства хороши и они лгали, не стесняясь, расписывая мнимые «ужасы и зверства» творящиеся будто-бы в Париже, «улицы залитые кровью, изуродованные трупы на тротуарах...»

Они нашли благодарных слушателей, именно бежавшие в Канн жирондисты – вдохновители фанатичной дворянки Шарлотты Кордэ д'Армон.

Следует, наконец, развенчать и миф о мнимом «героизме» мадемуазель Кордэ раз и навсегда. Замкнутая, высокомерная и тщеславная молодая особа, она с юности считала себя умственно и духовно выше окружающих и мечтала чем-нибудь выделиться и прославиться.

Впрочем, стоит по справедливости отметить, девушка была очень вдумчивой, читала только серьезную литературу, увлекалась историей, презрительно игнорируя легкие «дамские» романы.

Мечтала об общественной деятельности на пользу Франции, её совершенно не привлекала типичная для ее времени женская судьба, роль соблазнительной любовницы или домохозяйки, матери семейства.

Напрасно тетка пыталась знакомить ее с кавалерами, Шарлотта оставалась вежливо-холодной, ее интерес к мужчинам ограничивался дружескими чувствами к некоторым из них. Девушка оставалась одинокой и независимой, никому не жена, не невеста и не любовница.

Сентиментальную историю, возникшую сразу «по горячим следам», о том, что совершенное ею громкое убийство это месть за казнь своего жениха или любовника следует считать бездоказательным домыслом.

Дело в том, что общество конца 18 столетия считало, что у женщины не может быть никаких политических убеждений (раз она существо сугубо домашнее, все интересы которого сосредоточены на мужчине и ребенке), тем более, считалось, что эти убеждения не могут быть самостоятельными, а не внушенными каким-либо мужчиной, отцом, братом или мужем.

Люди обоего пола тогда были уверены, что единственным побуждающим к действию мотивом для женщин могут быть только эмоции, нечто сугубо личное, в первую очередь любовная страсть или материнский инстинкт, но никогда интеллект и какие-либо абстрактные идеи.

Мадемуазель Кордэ ярко продемонстрировала своей речью и поведением, что это не так, она держала себя не хуже, чем мужчина в ее положении, и уже этим сильно раздражала публику, именно поэтому некоторые журналисты называли ее «мужеподобной», неженственной особой.

В известном смысле, Шарлотту пытались унижить, приписывая ей любовника и объясняя убийство личной мстостью. Убийство по личным мотивам, бытовой криминал, для такой личности как она слишком мелко.

Она холодный фанатик контрреволюции, это так, но она не экзальтированная дамочка, действующая в запале личных страстей. Можно даже сказать, что она противник достойный уважения.

Всё ее «мужеподобие» заключалось не только в факте совершенного убийства, но в четко выраженных политических убеждениях, которых женщинам иметь не полагалось, сильном характере, хорошо развитом интеллекте и слабой эмоциональности, в то время, как у традиционно «женственной» женщины эмоциональность «должна» была зашкаливать, подавляя всякую умственную активность.

Провинциальная дворянская семья Кордэ жила очень бедно, по крайней мере, по меркам своего класса. Тем не менее, и родственники и всё окружение мадемуазель Кордэ принадлежали к «правоверным» роялистам, её брат в начале революции эмигрировал.

Сама Шарлотта гордо считала себя республиканкой, так, однажды за столом она решительно отказалась пить за здоровье короля, чем возмутила отца и шокировала остальных присутствующих.

Свой вызывающий поступок она объясняла тем, что Людовик, как правитель, слаб, а слабый король не сможет принести счастье и процветание своей стране.

Кажется, ее представления о Республике носят скорее отвлеченно-идеализированный характер, замешанный на фантазиях об античном Риме, и к реальности имеют мало отношения.

Зато вполне очевидна ненависть баронессы Кордэ д'Армон к якобинцам и страх, отвращение к живому реальному народу, к санкюлотам.

Желание героического поступка в духе Древнего Рима, известности любой ценой, вера в свою исключительную судьбу, это Герострат в юбке, убийство Марата дало этой особе шанс «сохранить свое имя в истории».

Она взяла с собой «на дело» свидетельство о рождении. Зачем? Ответ очевиден, если взбешённая толпа убьёт её на месте, она умрёт безымянной и не попадет на страницы Истории...

Почему жертвой был избран именно тяжелобольной 50-летний Марат, а не молодые и здоровые Робеспьер, Дантон или Эбер, которые (чисто теоретически) проживут еще очень долго или кто-либо еще из видных якобинцев?

Понять нетрудно, Марат активнее других способствовал падению Жиронды и их ораторы, чьи выступления в Канне она посещала, проклинали главным образом именно его, не сдерживаясь в выражениях: « Свирепый зверь, кровожадный монстр, маньяк», фанатичка Кордэ узрела в этом шанс и воображала себя «девой мстительницей», едва ли не Жанной д'Арк.

Прибыв в Париж, она не обнаружила на улицах ни крови, ни трупов, как то расписали предатели, бежавшие в Канн, да и сами парижане отнюдь не выглядели запуганными и не шаркались как тени вдоль стен домов, казалось бы, задумайся... Но нет, минуя громкое убийство, она никогда не прославится, о ней не напишут в газетах!

На суде девица Кордэ, по свидетельствам современников, вела себя холодно и отстраненно, словно презирая всех окружающих, этих ненавистных якобинцев и народ, санкюлотов, эту «грязную чернь в красных колпаках».

Ответы поражали четкостью, скорее всего даже, что они были заготовлены заранее, замкнутая и честолюбивая, Кордэ «спала и видела» свое имя на скрижалях истории. По дороге на эшафот её сопровождали крики возмущения, гнева и ненависти, хотя нельзя не отметить, что раздавались и приветственные крики...

Незначительная сама по себе, Кордэ своего добилась, ее имя осталось в истории Франции, но ее помнят именно как убийцу Друга Народа...

На родине Шарлотты Кордэ в нормандском городе Кане по улицам маршировали отряды, состоявшие из бывших членов местной Национальной гвардии, которых аристократы презрительно обозвали «каработами», то есть «бандитами, злоумышленниками».

Девизом отрядов каработов стал прозрачный ребус «Законы или...», а далее, вместо слов, мертвая голова. Они носили на рукавах черные повязки, где серебром поблескивал пиратский череп со скрещенными костями.

Противники Марата и якобинцев, летом 1793 каработы присоединились к жирондистам, вошли в состав армии роялистского генерала барона Вимпфена, готовившейся для похода на революционный Париж и были разбиты при Верноне. В августе 1793 якобинцы законодательным путем распустили отряды каработов...

В день казни Шарлотты Кордэ 17 июля 1793 года в Лионе был убит, притом с особой жестокостью, председатель Якобинского клуба Жозеф Шалье, тупое лезвие гильотины превратило его казнь в жуткую пытку, трижды опускался тупой нож, дробя позвонки, но не отсекая головы осужденного, нервы сдали даже у палача, добившего несчастного милосердным ударом сабли..

Это был прямой вызов Парижу и новой власти. И Париж на него ответит...

Что характерно, до убийства якобинца Шалье, гильотина в Лионе стояла без употребления, если бы её активно использовали, лезвие было бы наточено, и смерть Шалье не была бы так ужасна.

Как раз до убийства Марата о многочисленных казнях говорить в действительности не приходилось. Предательство жирондистов и цепь политических убийств спровоцировали Париж на агрессивные меры.

И всё же, прав Альбер Матъез, когда пишет, что даже убийство Марата не сделало парижский трибунал более активным, что и вызвало возмущение Робеспьера в августе 93...

Реки крови после 10 августа? Очередная сентиментальная чушь роялистов и Жиронды.

Почти не бывало в истории примера, чтобы в стране ведущей одновременно и внешнюю и гражданскую войну, правительство не ввело сокращенного и ускоренного судопроизводства для предотвращения любых сношений с врагом, подавления заговоров и измены, которые отнюдь не являлись измышлениями...

Французский революционный трибунал был основан 17 августа 1792 года, через неделю после штурма Тюильри. Он произнес буквально несколько смертных приговоров и был упразднен по настоянию жирондистов (а их позиции в реальности были еще очень сильны в Конвенте) уже 29 ноября 1792 года.

В августе 92 Робеспьеру предлагалась должность председателя трибунала, однако Неподкупный отказался в открытом письме. В чем тут дело? Сам он пишет, что среди арестованных у него слишком много врагов, и он не сможет соблюсти беспристрастность. Можно сказать, что это не аргумент.

Возможно, он не хотел взваливать на себя прямую ответственность, возможно, думал о предстоящих выборах в Конвент, это более важно, возможно, наконец, отказ от должности был ответом на обвинения в честолюбивых устремлениях, уже тогда, сыпавшихся на него со стороны бриссотинцев.. Любили они перекладывать собственные умыслы на других...

Революция лишилась политического судопроизводства. Обвиняемые в заговорах против безопасности государства приказчики королевских имуществ Сен-Фуа и Дюфрен-Сен-Лион, мадам де Роган-Рошфор, обвиненная в отношениях с эмигрантом Бертраном де Мольвиль, бывший страсбургский мэр Дитрих, соучастник мятежа Лафайетта в этот период привлекались к суду обычных уголовных трибуналов, которые по большей части, их оправдывали.

Только 10 марта 1793 года был вновь создан и заработал реорганизованный политический трибунал.

Действия жирондистов поначалу противившихся учреждению трибунала и даже обозвавших это политическое судопроизводство учреждением «инквизиционным» тут же назначили комиссию 6-и, но только из своих, которые одни и имели право привлекать людей в этот трибунал, практически парализовали его работу и на этом этапе.

Как уже было сказано, письма депутатов Жиронды к коллегам в провинции от 15, 24 мая показывают, что они сами готовили переворот, устранение якобинцев из Конвента и казни их руководителей.

Якобинцы восстанием 31 мая всего лишь упредили их намерения. Бриссотинцы станут утверждать, что именно якобинцы «развязали агрессию» и единственно виновны в гражданской войне лета 1793 года.

Невзирая на восстание 31 мая, федералистский мятеж лета 1793 года и убийство Марата трибунал отнюдь не ускорил своей деятельности, вопреки распространенным представлениям о «массовых казнях» этого периода.

С марта по сентябрь 1793 года предстали перед трибуналом всего 266 человек и только 66 из них были казнены. Стоит учесть, что по понятиям восемнадцатого столетия это отнюдь не «море крови».

А сочувствовавший жирондистам председатель трибунала Монтанэ даже явно пытался выгородить убийцу Марата, представив ее действия как помешательство или обычное уголовное преступление.

При этом подсудимая возмутилась подобной формой защиты и заявила, что действовала в здравом уме, не имея ничего личного против убитого, но только под влиянием убеждений.

И это не случайность, еще ранее, когда судили убийц депутата Конвента, Монтанэ убрал из текста приговора формулировку о том, что имущества осужденных поступают в казну Рес-

публики, таким образом, конфискация не могла произойти, а среди обвиняемых был миллионер. И это не единственный раз, когда Монтанэ «забывает» именно эту формулу, чуть позднее ему жёстко напомнят об этом.

Андрэ Шенье, при жизни известный как крайне агрессивный контрреволюционный публицист, призывавший к расправам над якобинцами, но не как поэт, прославлял убийцу Марата, как «героиню», в крайне грубой форме напал на Комитет Общественного Спасения, на Робеспьера и Колло персонально, затем более полугодом скрывался, и был в итоге арестован и заключен в Сен-Лазар.

Но в сентябре 1793 года ультра-радикальное течение эбертистов возобладало в Конвенте и прозвучало грозное: «Поставим Террор на повестку дня!» Трибунал был реорганизован еще раз, его состав расширен.

И только с октября 1793 года начались крупные политические процессы: 14-16 число, процесс Марии-Антуанетты, 28-30 октября процесс 22-х жирондистов.

С октября по декабрь 1793 года в Париже были казнены 177 человек. И всё же и это не «реки крови» по меркам эпохи.

Репрессии в провинциях напрямую зависели от того, была ли их территория захвачена мятежом, какова была степень его опасности, какова близость к границе, где шли бои с интервентами.

Существует статистика, что 90% известных нам крайностей революционного террора происходили именно в западных и южных департаментах Франции, но не растекались равномерно по всей стране, как обычно все думают. По меркам этого сурового времени, как раз в Париже было вполне спокойно, чиновники находились под жестким контролем правительственных Комитетов.

Хороший пример, за все время Террора в нормандском округе Кальвадос, к слову, откуда родом Шарлотта Кордэ, не произошло вообще ни одной казни! Чаше комиссары ограничивались снятием с должности провинившихся чиновников и тюремным заключением, при необходимости вмешивались в дела местной администрации, на фронтах наблюдали за политической благонадежностью генералов.

Но мятежи в Лионе, в Бордо, в Нанте, в Тулоне и Марселе приняли крайний, чрезвычайный характер. Там жирондисты, открыто объединившись с роялистами, в отдельных случаях даже с интервентами, массово убивали якобинцев, нередко с исключительной жестокостью.

Федералистский мятеж лета 1793-го, охвативший 60 департаментов Франции из 83, это вовсе не «народное восстание», а бунт буржуазной, т.е. жирондистской администрации запада и юга Франции против решений якобинского Парижа.

Жирондистский мятеж – это прежде всего бунт потесненных от власти крупных собственников, уже видевших себя новой «аристократией», новой «элитой», рвущихся на смену дворянству.

В дикой ненависти к якобинцам, эти вчерашние революционеры приняли в свои ряды открытых врагов молодой Республики, аристократов-монархистов, чем и поставили сами себя «вне закона», показавшись открытыми контрреволюционерами.

Летом 1793 они объединили свои силы с роялистами, граф де Пюизе, барон де Вимпфен должны были возглавить совместное наступление на Париж...

Настало раздолье для многочисленных преступных шайк, бандиты пользовались тем, что власти временно стало не до них.

В 1793 году бандиты и грабители, насильники и убийцы часто напяливали на головы красные колпаки и переодевались в мундиры жандармов, снятые с убитых республиканцев и терроризировали население, предъявляя даже поддельные документы, грабили под видом реквизиций, безнаказанно убивали и насиловали, запуганные люди уже не понимали, с кем

действительно они имеют дело, вследствие чего некоторые поверили, что грабежи и насилия дело рук революционеров...

Впрочем, по справедливости нельзя не отметить и того, что некоторое количество контрреволюционных партизан, шуанов также имели темное уголовное прошлое. Возможно, что особые зверства с обеих сторон совершались именно подобными личностями, а не собственно идейными "синими" и "белыми". Возможно...

Существование Королевской Католической Армии Вандеи в каком-то смысле миф, созданный самими сторонниками старого режима.

В западных департаментах Франции действовали разрозненные вооруженные формирования.

Полевые командиры «белых» соперничали между собой за влияние, иногда они объединялись, посланцы от принцев-эмигрантов могли на некоторое время добиться этого. Но принцы далеко за границей... и внутренние раздоры и склоки продолжались... Для них это был минус, но для защитников молодой Республики плюс.

Самые известные полевые командиры роялистов это Ларош-Жаклен, де Боншан, д'Эльбэ, Пюизэ, Лескюр, Шаретт.

Одних можно назвать вполне честными противниками, другие, среди них граф Шаретт добивали раненых республиканских солдат, бросали людей в колодцы и забивали камнями, сотнями расстреливали пленных, разрешали своим шуанам развлекаться пытками якобинцев, насиловали их жён и убивали детей.

Эта информация может не нравиться сторонникам роялистов и шуанов, но эти многочисленные зверства «белой» партии имели место.

В ряде департаментов власть захватили тёмные личности анархистского толка вроде самозваного «комиссара» Шнейдера в Эльзасе, арестованного позднее Сен-Жюстом и отданного под трибунал.

Контрреволюционно настроенные обыватели, однако, с готовностью поверили, что эти бесчинства творят якобинцы.

Отряды шуанов Бретани и Вандеи тоже нередко перемещались по департаментам, передетые для безопасности под солдат-республиканцев, их главари использовали подлинные бланки пропусков, щедро выдаваемые им изменниками-жирондистами.

А пока что, аресту и казни подлежали 22 лидера Жиронды и т.н. «федералисты», участники мятежа, а вовсе не все члены этой партии.

Часть жирондистов согласилась на сотрудничество с якобинцами во имя общих целей и победы революции, но часть высокомерно отвергла мирную инициативу и превратилась в глубоко враждебную силу.

«Мирные» бриссотинцы оставались в Конвенте и далее, по крайней мере, до октября 1793 года. Позднее именно Робеспьер личным вмешательством не раз спасал жизни этих 73 человек, отбивая атаки ультра-радикалов Эбера:

– Пусть не будет новых и напрасных жертв гильотины!

Он имел огромное моральное влияние, но не был правителем, поэтому не имел возможности освободить их, учитывая жесткое сопротивление коллег по Комитету. Но, по крайней мере, благодаря этому вмешательству они остались живы и даже вернулись в Конвент после Термидора, чтобы в общем хоре осыпать проклятиями имена казненных якобинских лидеров, проклиная среди них и человека, который по существу спас им жизнь.

Летом-осенью 1793 года в департаментах Запада и Юга Франции (в Бордо, в Нанте, в Лионе, в Марселе, в Тулоне и др.) образовалась смешанная жирондистско-монархическая администрация, начались репрессии и казни якобинцев. Эти области отказывались подчиниться Парижу!

Характерно, что Марсель восстал и сдался врагу еще до событий 31 мая... из чего видно, что Жиронда имела собственный план уничтожения якобинцев, и эти последние лишь опередили их намерения...

Именно эта смешанная власть сдала английским интервентам Марсель и Тулон в мае 1793 года и подняла там белый флаг Бурбонов.

И этой чёрной измене тоже нашли оправдание, штамп, ставший широко известным в литературе – «несчастные искали спасения у иностранцев от якобинских зверств»! В то время, как именно якобинцев и убивали в этот момент в Марселе и в Тулоне...

В маленьком городке Юга в том же июле был убит председатель Якобинского клуба. С ним безжалостно расправились прямо во дворе собственного дома.

– Как там у вас говорится «если враги не сочтут меня достойным казни, значит, мои заслуги перед революцией недостаточны?» Или еще лучше, «ненависть врагов лучшее украшение патриота?» Ты своего добился! Твои заслуги, любезный, в таком случае даже чрезмерны! Ты достоин и пули, и веревки, и ножа гильотины разом!

– Едва ли это возможно одновременно... Остановитесь на чём-нибудь одном... – ирония слышалась в голосе председателя. Обреченный на смерть держался удивительно спокойно.

– А мы попробуем совершить чудо, тебе достанется всего понемногу! Держите же его!

Сначала его повесили, следя при этом, чтобы он не умер. Быстро перерезали веревку и затем в корчащееся полузадушенное тело несколько раз стреляли, но так, чтобы причиняя мучительную боль не убить при этом. Роль «гильотины» выполнила сабля в руках одного из убийц якобинца...

Летом 1793 подобное происходило повсеместно там, где власть захватывали роялисты и их новые союзники бриссотинцы.

Всё это не оставляло повода для благодушия и дальнейшей игры в терпимость. Враг вспомнит еще о милосердии, тогда, когда оно понадобится ему самому, завопит о «ужасах революции и варварстве санкюлотов», но будет слишком поздно.

Лион 14 июля 1793 года

Жак Ранси с трудом пробирался сквозь возбужденную шумную толпу к зданию администрации Лиона. Озабоченные, испуганные обыватели толпились вокруг агитатора-бриссотинца. О чем же возбужденно кричит этот тип, отчаянно жестикулируя и срывая голос? Ранси прислушался.

– Надо остановить этот буйный поток, влекущий нас к варварству! Сейчас пытаются внушить, что Республика погибнет, если на все должности не будут назначены кровожадные люди!! Нас спасет только крестовый поход на Париж и истребление якобинских выродков, поправших своей жестокостью все человеческие нормы!! И самый страшный... гнусный из этих звероподобных существ, Марат, пока он жив, жизни сотен тысяч честных мирных людей в опасности! Вспомним ужасные события 31 мая в Париже, насилие над принципом парламентаризма... молчание запуганного народа... окровавленные трупы на улицах города!! Только созыв ополчения во всех преданных истинным республиканцам городах спасет Францию от этих чудовищ!!

Онемевший от наглой лжи и чудовищных инсинуаций Ранси живо протолкался сквозь толпу и приблизившись к импровизированной трибуне крикнул:

– Дайте мне слово, гражданин! Я только утром приехал из Парижа!

Заняв место на возвышении Ранси с нарастающей страстью начал речь:

– Граждане Лиона! Я сам был в Париже 31 мая... Со всей ответственностью заявляю, никаких ужасов, о которых говорил этот человек там не происходило, никакого моря крови и гор трупов... Отстранены от власти только 22 человека, чьи интриги мешали работе Конвента больше полугода и ничего более не изменилось... другие жирондисты, не поддержавшие вождей-изменников остались в составе Конвента...

Граждане! Не откликайтесь опрометчиво на безумную идею ополчения и похода на Париж, своекорыстные политики, из тех, что были отстранены от власти, сознательно толкают вас к гражданской войне!! Люди, опомнитесь! Причем здесь 31 мая?! Ваша администрация взбунтовалась еще 12 мая, в это же самое время жирондистская администрация Тулона сдала город англичанам и роялистам!! Граждане...

Далее ему не дали произнести ни слова. Поднялся страшный крик, ругательства и проклятия, одни были напуганы прежними ораторами и сбиты с толку, другие хотели услышать совсем другое. Ранси стащили с трибуны, крепко держа за руки и за воротник.

– А-а...проклятый якобинец!! Смерть ему!! Смерть всем им!!

– Что, мерзавец, са іга?!, – грубый хохот, – обновим песенку...якобинцев на фонарь!!
Что, хороша идея?!

Задыхаясь, он бился в сильных руках державших его людей. Один из них резким движением приставил острое сабли к горлу Ранси, брызнула кровь.

– Убей... но сначала выслушай...Люди должны знать правду... иначе..в городе начнется братоубийственная резня...пусть меня выслушают...

– В аду тебя выслушают!

Спасение пришло в последнюю секунду.

– Этих мерзавцев нельзя пускать даже в ад... они и там устроят революцию!

Замечание вызвало хохот в толпе. Несостоявшийся убийца опустил саблю.

– Так это же Ранси!, – человек узнал нового председателя лионских якобинцев, временно заменившего арестованного Шалье.

– Прошу вас, молчите, не продолжайте!, – Ранси умоляюще поднял руки, – я не так наивен, чтобы рассчитывать на ваше сочувствие, но, проводите меня в мэрию, у меня крайне серьезное дело к Дюбо...Вы окажете этим услугу не лично мне, а Республике...

Неожиданный спаситель резко поднял руку и закричал:

– Оставьте же этого негодяя! Его нужно срочно доставить в мэрию!

– Благодарю вас, гражданин..., – Ранси вытер рукой влажный лоб.

Человек резко обернулся и зарычал:

– Ты что думаешь, я тебя вытащил из жалости, якобинец?!

– Нет, господа жирондисты лишь на трибуне кричат о миротворчестве и умеренности...

Неизвестный ткнул Ранси в спину пистолетом.

– Заткнись и иди, молча, без замечаний, поклонник Марата...

Кабинет мэра города, жирондиста Дюбо...

– Не думал, гражданин Ранси, что у вас хватит ума явиться ко мне...В вашем положении нужно думать о своей шкуре, а не кидаться заявлениями протеста! А если мы припомним всем вам 31 мая? Ваш шеф... Шалье уже два месяца в тюрьме...

– Да, вы жирондисты первыми начали террор задолго до 31 мая, а теперь пытаетесь убедить французов и весь мир, будто вследствие наших действий...

Мэр тяжело откинулся на спинку кресла и смерил Ранси умными холодными глазами.

– Чего же ты хочешь, лионский «друг народа»?

– Можно сесть и стакан воды? Так лучше. Мира, я хочу мира. Вы не понимаете, что делаете. Ополчение? Поход на Париж?! Вы толкаете всю Францию к гражданской войне, вы убиваете нас, крича во всё горло, что защищаетесь... Не перебивайте меня, Дюбо. Выслушайте. Если вы считаете себя патриотом и республиканцем, то мы естественные союзники, а не враги! Я слышал, что в Марселе и в Тулоне местные жирондисты объединились с аристократами, с врагами Республики, надеюсь, у вас до этого не дойдет, опомнитесь, мы вместе начинали Революцию, мы были братьями! Забудем об обидах и претензиях, будем помнить лишь о том, что мы должны спасти Республику!

Холодно улыбаясь и сверля якобинца тяжелым ненавидящим взглядом, слушал его Дюбо.

Их прервал стук в дверь и голос секретаря:

– Гражданин мэр, к вам месье де Прэси...

Онемевший от удивления и ужаса Ранси увидел, как в кабинет уверенно зашел высокий, подтянутый мужчина с белой кокардой на шляпе... Месье де Прэси?! Не один ли из тех, кто защищал Тюильри 10 августа?! Зашел уверенно, и не таясь...

Мэр почтительно поднялся при его появлении.

– Господин граф, я ждал вас. Муниципальный совет утвердил ваше назначение. С сегодняшнего дня лионские ополченцы под вашим командованием. Ваш профессионализм и опыт помогут нам раздавить этих кровожадных выродков в Париже и по всей стране!

Де Прэси сдержанно кивнул:

– С Божьей помощью, гражданин мэр... Кто этот человек? – опасливо скосил глаза в сторону замершего от возмущения и гнева Ранси.

– А, это, господин граф, из наших местных... «неподкупных»... «друзей народа», но не беспокойтесь, пригласив его в кабинет, я заблаговременно вызвал охрану, стоит лишь позвать...

Физиономия Дюбо осветилась двусмысленной зловещей улыбкой:

– Что ж, революция против Революции началась! Курьер еще утром доставил важнейшую новость из Парижа... Что сверкаешь на меня глазами, Ранси, ты не мог ничего знать, был в дороге в это время... Марат убит!! Убийца, женщина, дворянка, приехала из Кана, а там также работают наши агитаторы...

Побледневший Ранси в ужасе вскочил, прижав руки к груди.

Граф де Прэси слабо улыбнулся:

– Есть в мире справедливость, господин мэр!

– Я тоже так думаю!, – слегка поклонился Дюбо, – но это только начало! Вчера было принято решение, что и наш местный Марат – Шалье должен последовать за своим идолом. Мы опробуем на нём гильотину, а чего же она зря простояла полгода в сарае..., – крикнул в приоткрытую дверь, – сержант Мало, ребята, отведите эту якобинскую тварь в тюрьму

И обращаясь к графу:

– Мы сами им устроим террор... так, мало не покажется... Всё уже решено, суд над Шалье начнется на днях... Когда они надумали с почестями хоронить Марата? Ну вот, написано же, 17 числа. Отлично, Шалье умрёт именно 17-го!

– Вызов Парижу?

– Не только, это высшая справедливость!

Де Прэси ничего не ответил жирондисту, лишь счищал мнимые пылинки со своего безупречного сиреневого фрака...

Роялистское подполье и якобинцы летом 1793 года

Утром 16 июля Норбер занял свое привычное место в кафе, выходящем окнами на площадь Революции. Делая вид, что ждет друга, он находился здесь с целью наблюдения, федералистский мятеж, убийство Друга Народа три дня назад, союз жирондистов и аристократов не давал более никаких поводов для терпимости и благодушия.

Шпионская сеть «центра» – Парижа – во главе с аббатом Бротье, англо-французская роялистская сеть Аткинс-Кормье, известная роялистская подпольная сеть «Корреспонданс». Швейцарская шпионская сеть под покровительством лорда Уикхэма, бельгийская сеть и снова во главе с англичанином лордом Элджином.

Вожаки Вандеи, аристократы, главари шуанов работали на британский Форин Оффис, неприсягнувшие священники распространяли фальшивые ассигнаты, призывали жителей западных департаментов к «священной войне» против Революции за Трон и Алтарь до полного физического истребления якобинцев...

Граф д'Антрэг, резидент лорда Грэнвилла, британского министра иностранных дел, видимо, имел осведомителей среди ряда самих депутатов Конвента и похоже на то, что даже среди членов правительственного Комитета... Утечка информации была налицо, но кто... Эро де Сешель был осужден и казнен напрасно, утечка информации продолжалась и после его смерти...

И после этого считают, что у якобинцев мания везде видеть врагов?!...

Стереотипное изображение событий Французской Революции можно сравнить с картиной гигантского сражения, где солдаты с правой стороны намеренно стертые, полностью или частично, из-за чего люди слева выглядят не бойцами, а маньяками, машущими саблями перед безоружными фигурами или вообще в пустоту...

В событиях подобных Революции не бывает, чтобы одна сторона была исключительно агрессивной, а другая сохраняла позицию миролюбивых страдальцев.

А что мы видим здесь, скверный театр: якобинец и санкюлот грубы, жестоки и чрезвычайно активны, жирондист – буржуазный интеллигент и либерал, не сумевший организовать достойное сопротивление «хаму», а дворянин-роялист и вовсе женоподобная изнеженная «душка», при этом лишенный всякого инстинкта самозащиты.

Заметим, авторы из правых обычно изображают роялистов не противниками республиканцев в гражданской войне, как оно было в реальности, а скорее безвольными жертвами, безропотно отправляющимися в тюрьму и на эшафот. Думается, такое освещение событий изрядно оскорбило бы самих французских роялистов.

И что характерно, жертвы эти, конечно же, исключительно «безвинные». А как же, зачем «кровавым маньякам» якобинцам, ловить виновных, роялистское подполье, британских шпионов, шуанов, обычных бандитов, зачем, когда по черной легенде им нужны именно «безвинные» жертвы, и никак иначе...

Отчего так? Как всегда «ищи, кому это нужно, кому выгодно», думай... Кому нужно было заставить общество забыть жестокости к народу «старого режима», о силе, размахе и агрессии контрреволюции, кому нужно было раздуть до крайности агрессию другой стороны...

В шаблонном изложении психологические типы размещаются строго в соответствии с классовым происхождением или исповедуемой идеологией.

Это перетекло из исторических сочинений ультра-правых авторов даже в низкосортную художественную литературу, где действие происходит на фоне Французской Революции.

В таком изложении «порядочный человек», умный, способный и честный это всегда богатый и сверх-богатый, дворянин или иной крупный собственник, люди из малоимущих классов, санкюлоты, всегда изображены как никчемные скотоподобные людишки без всякого ума и талантов, вся «революционность» которых состоит из одной лишь тупой зависти к барской роскоши и непременно с садистскими наклонностями.

В таком изложении достаточно взглянуть на цвет кокарды, чтобы делать выводы о человеческом существе, носящем её. У авторов в этом вопросе нет исключений и это их принципиальная позиция.

Белые лилии – девиз «За Трон и алтарь!», желательное дворянское происхождение (хоть и не принципиально) и персонаж сразу считается личностью честной и достойной, но кокарда трехцветная или... «Не дай Бог» красный фригийский колпак – человек непременно «кровавый фанатик, наслаждающийся казнями безвинных аристократов» или «уличный хам, потенциальный убийца и насильник».

Как же у вас все примитивно просто, господа, взглянул на цвет кокарды – «не белая», справился о социальном происхождении – «не дворянин и даже не банкир», и вы уверены, что знаете, кто перед вами, достойный человек или ничтожество, каких он внутренних качеств и чего он стоит...

И главное, разве не аналогичное отношение слева вы возмущенно крестили «революционной нетерпимостью»?

Столики у окон пользовались особенным спросом, посетители брали их «с боем», когда казнили роялистов. В этот день, Норбер сидел один, поджидая Жюсома.. но он, удивительное дело, на этот раз где-то задержался и Куаньяр охотно уступил это место молодой девушке, но та отчего-то стала показывать ясные признаки беспокойства и застенчиво попросила его поменяться с ней местами.

– Прошу вас.. Но отчего вы отказываетесь.. поверьте, завтра на это место вам будет не пробиться...

Она некоторое время молчала, затем с побледневших губ вдруг нервно сорвалось:

– Зрелище казни человека не может вызвать у меня аппетита! И отчего все эти люди подходят так близко к эшафоту? Это ужасно, что им всем там нужно?! Мочить платки в крови казненных?! Зачем?!

Куаньяр на секунду задумался, он понял ее по-своему:

– Вы правы, я тоже думаю, что нужно всегда выставлять сильное оцепление, как в день казни Капета. Кто может предсказать поведение неуправляемой массы возбужденных людей? Вы были на площади 21 января, когда Капет «чихнул в мешок»?

Тонкое лицо девушки совершенно побледнело:

– Я... – она запнулась, – болела в тот день...

– Много потеряли, гражданка, это исторический день для Франции. Тогда приходите завтра, повезут фанатичку, убившую Марата, это стоит увидеть каждому доброму патриоту Республики. И я со своей стороны буду очень рад снова увидеть вас, гражданка... могу я узнать ваше имя? Я не слишком навязчив?

По укоренившейся уже привычке Куаньяр окинул девушку быстрым оценивающим взглядом. Не аристократка, но и не из санкюлотов, скорее буржуазка, но и не из самых богатых...

– Элиза Луантэн, сударь, – испуганно блеснув глазами, тут же поспешно поправилась, – то есть гражданин. Вы, конечно, понимаете... это всего лишь оговорка, и совсем ничего дурного не значит?

Куаньяр решил успокоить несчастную миролюбивым жестом.

– Я это понимаю, могут не понять другие, впредь будьте внимательнее. При известном сочетании недоброжелательства и недобросовестности из этой невинной оговорки можно сделать скверные выводы.

– Да чего тут понимать, аристократка она! Ручаюсь, голову даю, гражданин, зовите полицию, я ее задержу!», – зарычал вдруг коренастый мужчина, оборачиваясь рывком из-за соседнего столика, – я вижу ее здесь часто, никогда в окно не выглянет, как все, всё отворачивается, словно «бывшие» ей братья родные, а вчера, жаловалась моей жене, как, оказывается, стали жестоки и кровожадны все вокруг!

– Вы очень разговорчивы, гражданин... – тон Куаньяра был спокойным, но зловещим, – даете голову за то, что правы? Я ведь могу и принять залог..., – он вынул бумагу, и закончил фразу крайне резко – Общественная Безопасность... хотите поговорить еще или предоставите мне решить, кто здесь враг нации, а кто нет.

– Да, гражданин... – округлив глаза, отозвался оторопевший неизвестный и отвернулся, разом потеряв всю энергию и патриотический пыл, а заодно и интерес к гражданке Луантэн.

Девушка сильно побледнела и как-то сжалась, прижав руки к груди, казалось, еще немного и она заплачет. Норберу вдруг стало искренне жаль её.

– Вы испугались? – мягко произнес он, слегка касаясь тонкой руки, – это иллюстрация к тому, что я сказал о недоброжелательстве и недобросовестности, или излишнем патриотическом усердии иных граждан. Честное слово, вы неосторожны, как ребенок. Так, что такого

вы наговорили, что привлекли к себе внимание? На что жаловались? Скажите правду, не надо бояться меня, я пойму, итак, на что вы жаловались?

Не без удивления он выслушал прерывающийся и сбивчивый эмоциональный монолог. Наконец, потеряв терпение, решительно прервал её:

– Подумайте, отбросив всякие чувства, если сумеете. Против Франции воюет вся Европа, бриссотинцы изменили и вместе с аристократами объявили войну правительству Республики, нас режут и в Вандее, и в городах мятежного юга, изменники сдали англичанам Тулон, а вы, наивная душа, жалуетесь на суровость порядков. Роялисты честно заработали право стать украшением уличных фонарей! Никому больше никогда не говорите того, что я выслушал сейчас! Погибнете от собственной сентиментальности. Я бы предпочел, чтобы вы прожили долгую и счастливую жизнь.

Девушка подняла на него большие глаза с расширенными зрачками:

– Вы очень добры, гражданин, означает ли это, что вы не станете вызывать полицию?

– Я сам имею право производить аресты. Но вы свободны, вам нечего бояться, если вы добрая республиканка, со временем вы научитесь жить рассудком, не поддаваясь минутным эмоциям, научитесь отвечать за каждое свое слово. Впрочем, принято считать, что женщины должны жить именно чувством, а не рассудком и именно в этом вся прелесть женственности...

Внимательно осмотрел зал, все подчиненные на местах. Сделал неуловимый жест, один из агентов подошел к столику и с долей удивления выслушал указания шефа. Норбер производил их одними губами, чтобы девушка не услышала их...

Через четверть часа перед глазами Элизы Луантэн предстало потрясающее зрелище, молодой санкюлот в красном шерстяном колпаке, лихо сдвинутом набок, в карманьолке и длинных полосатых брюках с букетом в руках... В растерянности она перевела взгляд на Куаньяра.

Он мягко улыбнулся:

– Примите, прошу вас как компенсацию за моральный ущерб!

– Это немного неожиданно, но очень приятно...

Внезапно смуглое лицо Куаньяра слегка изменило выражение, оно стало невозмутимым и жестким, мягкая улыбка исчезла, добрые темные глаза сузились и стали острыми, как лезвия, он увидел троих мужчин, усевшихся за дальним столиком. Какие люди, мы вас ждали так долго.. Жан Пико? Да неужели сам герцог де Симез собственной персоной? Пьер Моро? Или всё-таки граф де Кассаньяк? Агенты принцев-эмигрантов... А вот этот.. – Норбер даже побледнел от сильного волнения, – не очень верили, что вы придете.. их союзник, агент Турина.. виконт д, Алессио... и всё же вы здесь...

– Простите меня, гражданка Луантэн... я оставляю вас ненадолго... только умоляю вас, не уходите, ... дождитесь меня...

Девушка грустно улыбнулась:

– Но вы можете просто распорядиться.. и меня из кафе не выпустят...

Искренне обиженный Норбер нахмурился:

– Вы заранее плохо думаете обо мне. Я очень прошу вас дождаться, но никогда не стану удерживать силой

– Я буду ждать...

– Благодарю вас...

Люди Норбера были хорошо обучены, без его знака они не тронутся с мест. Он поднялся и направился прямо к нужному столику. Ему стоило лишь подать знак и агенты Комитета разом окружили бы их, но слишком хотелось получить удовольствие от ситуации, хотя разум и подавал тревожный сигнал о мерах предосторожности, через десяток минут он и сам поймет свою ошибку.

– Я могу присесть?

Три пары глаз недоверчиво смотрели на него.

– Что вам угодно?

– Вы оказались в неприятной ситуации, месье... – он обратился к «Пико».

Тот нахмурился:

– Я не понимаю вас.. тем более, обращаясь ко мне, следует говорить «гражданин», вы крайне неосторожны»...

– И всё же я присяду, – Норбер улыбался, испытывая моральное удовлетворение охотника, загнавшего крупного зверя, – можно я буду называть вас настоящими именами.. герцог де Симез и граф де Кассаньяк звучит лучше, чем какие-то Пико и Моро? Вам не кажется?

Итальянец напрягся, но оба француза быстро взяли себя в руки. Они поняли ситуацию по-своему:

– Сколько вы хотите за своё молчание? – резко отозвался де Симез.

– Вы меня неправильно поняли... – Норбер поднялся из-за стола и громко произнес, опустив руку на его плечо, – гражданин Симез.. граждане.. именем Республики вы арестованы.

Люди Куаньяра поднялись из-за своих столов, где старательно изображали обычных посетителей и окружили их, но итальянец всё же отреагировал быстрее, змеиным броском он приставил столовый нож к горлу Норбера. Его люди замерли...

Рука д Алессио дрожала от ненависти, кипельно-белый пышный галстук якобинца окрасился кровью. На секунды лицо Куаньяра исказилось от боли, порез был не опасным, но весьма чувствительным.

– Раньше умрешь ты, якобинская тварь, если не прикажешь своим людям пропустить нас!

Обхватив Куаньяра за шею и прижимая нож к его горлу, д Алессио подталкивал его к выходу.

– Господа..., вам... отсюда не выйти..., бросайте оружие! – голос Норбера звучал придушенно, но вполне уверенно, только обозначившиеся скулы и блеск глаз выдавали нервное напряжение.

Посетители кафе замерли, одни с живым любопытством, другие с ужасом...

И всё же кто-то из агентов Комитета оказался за спиной роялистов.

В следующую секунду прогремел выстрел, нож, звеня, упал на плитки пола, д Алессио тяжело рухнул на стол лицом вниз, на белой скатерти медленно расплывалось кровавое пятно...

Двое других, перепрыгивая через столики и расталкивая посетителей, рванулись к выходу из кафе.

Схватившись за горло и вытянув вперед руку, Куаньяр зло прохрипел:

– Идиоты! Он был нужен живым! Поймите этих ублюдков! Живее!! Венсан, Жакоб, останьтесь!

Куаньяр мерил обоих бешеным взглядом, резко контрастирующим с его ледяным тоном:

– Какая сука застрелила д, Алессио?!

С минуту оба неуверенно молчали, затем Венсан сделал шаг вперед:

– Стрелял я, гражданин Куаньяр. Я подумал, еще секунда и он зарежет вас...

Неловкость удалось подавить и злоба, наконец, нашла выход:

– Гуманист, мать твою... Жан-Жак Руссо... думать моё дело и если они уйдут от трибунала я тебя... как последнюю ..., я тебе... выпишу билет в один конец до этой самой площади... пошли вон!!

Выплеснув гнев, он успокоился за одну секунду, лицо приняло обычное неподвижное выражение.

Неблагодарный мерзавец? Да, вышло неловко. Не надо было красоваться, экспромт мне никогда не удался. Но теперь пусть думают, что хотят. Всю жизнь упрекали, что идол бесстрастный и бессердечный, а вот же как пробило! Неизвестно, что решит теперь Комитет.. уж

очень они хотели пообщаться с сардинцем.. потрепал он нам нервы...попил он нашей крови за эти полгода...

Пошатываясь, Норбер вернулся к столику. Гражданка Луантэн онемела от ужаса. Ему было очень неловко оттого, что девушка стала свидетельницей этого неожиданного взрыва бешенства. Не испортила ли эта хамская реплика общего впечатления? Возможно...

– Простите, это мой служебный долг. Вы, думаю, уже собирались домой? Позвольте мне проводить вас?

Девушка была очень бледна.

– Хорошо, гражданин.. Этот человек мог убить вас...Очень больно? – жестом сочувствия она слегка коснулась измазанного кровью галстука.

– Не очень.. Меня зовут Норбер Куаньяр... можно просто Норбер...

– Да... гражданин.

Тогда он объяснил себе её состояние нервным стрессом.

– Я пропустил всё самое интересное? – деловито поинтересовался Жюсом, возникнув на пороге кафе, приметив свирепое выражение физиономии товарища.

– Отойдём на минуту. Извините.., – Норбер мягко склонил голову в сторону Элизы Луантэн.

– Один из моих... пидор-гуманист... застрелил д Алессио. Надо от Венсана избавляться, ему не место в моей «похоронной команде», дураков учить, только портить...

Жюсом хитро блеснул зелеными, как у кошки глазами в сторону гражданки Луантэн:

– У тебя появилась девушка? Не познакомишь?

Норбер неуверенно улыбнулся:

– Мы познакомились только сегодня утром, не торопи события, Пьеро. Но я весьма надеюсь...

Увы, радужные надежды Норбера оказались напрасными. Пришлось подключить все резервы терпения, чуткости и такта, какие только обнаружились, но и это, вместе с эрудицией и некоторой долей личного обаяния помогало мало...

Очевидно было лишь то, что девушка определенно боится его, самое присутствие Куаньяра рядом держало её в напряжении.. Даже прямые вопросы не помогли прояснить ситуацию. Это было очень обидно и непонятно... Так что же она скрывает?

Отправил Жюсома к председателю секции, на территории которой проживала семья Луантэн...

Лишь через пару дней, очень осторожно и ловко ему удалось вызвать у девушки некоторое подобие откровенности...

– Ночью...уже третий раз приходили с обыском члены нашей секции...Мы уже боимся ночи...

По воспоминаниям современников, впрочем, из числа аполитичных обывателей Парижа или роялистов, домовые обыски, происходившие все чаще и чаще, нарушали покой рядовых граждан в любое время суток.

Ночь, еще больше благоприятствующая мероприятиям террора, удваивая его силу, чаще всего избиралась для этих страшных посещений.

Мрак усиливал страх и увеличивал ощущение опасности. Раздавался учащенный стук в дверь, малейшее промедление вызывало гнев и нетерпение, голоса комиссаров слышались сквозь крики солдат.

Обыватель пребывал в неизвестности, в крайнем напряжении нервов, касательно того, чем закончится неожиданный визит, перевернут всё вверх дном и уйдут или уведут с собой. Хозяева недоумевали, остаться ли в постели или встать, чтобы встретить комиссаров, промедление или поспешность могли быть восприняты одинаково подозрительно.

Куаньяр воспринимал эти события совсем иначе, он находился «по другую сторону». Он знал уже многое, но хотел услышать правду от неё самой.

– Они ищут определенно что-то или кого-то? Не могут же они приходить среди ночи ради чистого удовольствия нарушать сон мирных граждан и издеваться, верно? Скажите мне, не бойтесь и ничего не утаивайте, может я смогу быть вам полезен. Если же их визиты произвол, я сумею сделать так, чтобы вас больше не беспокоили.

Тонкое лицо девушки совсем побелело, в светлых глазах металось отчаяние, надежда и недоверие. Она явно пожалела о своей минутной откровенности.

– Вы проживаете вместе с матерью, с ней я уже имел честь познакомиться. У вас есть брат, совсем недавно избранный присяжным трибунала, добрый республиканец, Эли Луантэн... Дальше расскажите о своей семье сами...

– Добрый?! Узколобый фанатик! – на секунды девушка словно онемела и вдруг нервным движением прижала ладони к губам – О, Боже!

Норбер смотрел на нее мягко и спокойно, но с каким-то новым интересом:

– Фанатик? Отчего же вы так о брате? Если это скелеты в семейном шкафу, мне это неинтересно, но я думаю, дело в другом. Элиза, как же я могу вам помочь, если вы молчите о главном? – Норбер мягко сжал ее ладонь, но девушка снова бросила на него недоверчивый взгляд и осторожно отняла руку.

– Хорошо. Я всё скажу за вас. Люди гражданина Дюбайе, ведь так зовут председателя вашей секции, верно?, – Норбер говорил подчеркнуто мягко и медленно, словно с ребенком, – искали письма вашей старшей сестры-эмигрантки, а может быть даже надеялись найти её вместе с её любовником-аристократом, маркизом де Меревиль, считали, что они скрываются на вашей квартире?

Перемена в поведении девушки была поразительной. Немедленный арест, трибунал и гильотина, вот, что обычно завершало обвинения в связях с аристократами-эмигрантами.

Из глаз градом покатились крупные слезы, теперь она сама схватила его руки и наконец, с глухими рыданиями присела на пол, прижавшись к его коленям.

– Гражданин... пощадите... сжальтесь!

Норбер быстрым движением поднял девушку и усадил рядом с собой.

– Зачем вы так? Я же сказал, что хочу вам помочь... Я не зверь, мне больно видеть ваши слёзы, вот, держите платок, Элиза...

– Это он... он донёс на родную сестру, изверг! – слезы катились по бледному лицу Элизы Луантэн, она никак не могла успокоиться.

– Вы снова о вашем брате? Ну да, всё верно, в том смысле, что сигнал поступил от него, но он сообщил о том, что некий роялист, маркиз де Меревиль, втёрся в доверие сестры, с ловкостью придворного бездельника соблазнил её и хитрыми уловками уговорил эмигрировать. То есть она здесь пострадавшая по неосторожности, а не обвиняемая сторона. Обвинение выдвинуто против одного Меревилья. Вы несправедливы к брату.

Девушка даже перестала рыдать, в покрасневших глазах вспыхнул гнев и возмущение:

– Так и есть, узколобый фанатик! Он никак не мог смириться, что маркиз ее не обманывал, не насиловал, не соблазнял. Они по-настоящему любят друг друга и в Лондоне они официально поженились!

Норбер резким движением поднял ладонь:

– Т-сс! Спокойно, Элиза. Ваш брат умный человек, он правильно подал информацию, а вот вы дали мне лишнюю. Если вы в курсе, что они поженились в Лондоне, значит, существует переписка? Мой добрый совет, уничтожьте ее немедленно. Неужели люди из секции ее не нашли? Ну, всё, получит у меня гражданин Дюбайе за отменную бдительность. Лучше сделайте так, вы лично мне вручите всю переписку. И вот еще. Выслушайте меня спокойно, я

не просто узнал многое, я знаю всё. Супруги де Меревиль тайно вернулись в Париж, больше того, вы виделись, нам известно, где они проживают...

Бледная до синевы, Элиза Луантэн подняла на республиканца потухшие глаза и произнесла медленно, запинаясь:

– Вы позволите мне в последний раз увидеться с матерью? Или... её тоже ждёт гильотина?!

Искренне задетый в своих чувствах, Норбер едва не задохнулся от возмущения:

– Ну что вы, в самом деле?! ... Но выслушайте меня до конца. Маркиз де Меревиль арестован два дня назад... я не имею отношения к его аресту... говорю это специально для вас... завтра состоится вызов в трибунал. Таким образом, эта тема закрыта и больше не обсуждается.

Но... о вас, вашей матери и даже о вашей сестре речь не идет, эту тему, ни люди из секции, ни трибунал поднимать не будут, это я обещаю вам. Вы слышите меня, Элиза?! Вам плохо? Выпейте воды...

– Братец патриот! Убийца! Ненавижу! Женевьева ведь любила Меревилья! Она не захочет жить без него!

Норбер придвинулся совсем близко и взял девушку за руки:

– Замолчите! Никогда не произносите таких слов. Если вы будете осторожны, с вашей семьей всё будет хорошо. Завтра гражданин Жюсом проводит вас к сестре, поговорите с ней, заберите ее домой. Я отдал распоряжение временно... поместить ее отдельно и охранять, именно потому, чтобы не вздумала покончить с собой после ареста маркиза. По-моему ваш брат ювелирно решил эту семейную проблему...

Услышав его последнюю фразу, Элиза Луантэн бросила на него такой выразительный взгляд, что Норберу стало не по себе. И всё же он не смог не сказать:

– Элиза, я сделал для вас всё, что мог. Если вы будете осмотрительны, вашей семье ничто не угрожает. Но «бывших» следует предоставить их судьбе.

Нужно ли говорить, что расстроенный и мрачный, Норбер перестал с того дня посещать улицу Сен-Никез. Но ему было о чем думать и за что переживать. Он готовился к командировке в Майенн...

Вечером того же дня он позвал к себе Венсана. Парень держался скованно, мям в руках красный колпак и озабоченно сверкал глазами. Но Куаньяр уже давно успокоился.

– Роялисты схвачены? – вскинув голову, Норбер мерил Венсана умными, холодными глазами.

– Да, гражданин.

– Хорошо... Я делаю тебе предупреждение уже второй раз..., третьего не будет, – и, наткнувшись на расширенные от ужаса зрачки, мрачно усмехнулся, – не смотри на меня, как на зверя, я имею в виду, что тебе придется искать другую работу...

Гражданин Лапьер и Общественная Безопасность

Жанна Ланж была хорошенькой 20-летней девушкой, юная начинающая актриса уже пользовалась известностью среди парижских любителей театра.

Ни война, ни суровые будни революции отнюдь не уничтожили культурную жизнь французской столицы. Девушка уже переделалась в свое обычное платье и расчесывала перед овальным зеркалом густые длинные волосы, когда в дверь гримерной постучали.

Она не успела произнести ни звука, когда ручка двери повернулась, и на пороге возник интересный мужчина лет 35-36 в строгом, изящном темном костюме.

Фрак красиво облегал его стройное тело, пышный, под самый подбородок белоснежный кисейный галстук оттенял тёмные длинные волосы, спадавшие ниже плеч, в бледном лице с высокими скулами не было ничего неприятного, но Жанна испытала смутное беспокойство, интуиция редко подводила ее.

Да она же видела этого человека несколько дней назад, в первых рядах ... рядом с Амаром, вторым после Вады человеком в Комитете Общественной Безопасности!

– Это вам, гражданка, – из-за спины показался красивый букет рубиново-красных роз, – я один из самых верных поклонников вашего таланта и вашей красоты.

Миндалевидные зеленые глаза смотрели тепло и мягко.

Улыбаясь, и подавляя необъяснимую тревогу, Жанна приняла букет:

– Прошу вас, проходите, гражданин.

Мужчина склонил голову:

– Лоран Лапьер, к вашим услугам.

И тут с языка девушки невольно сорвалось то, что гвоздем засело в мыслях:

– Комитет Общественной Безопасности?

На тонком умном лице Лапьера не отразилось ровно ничего:

– Вы совершенно правы.

Жанна автоматическим жестом поставила цветы в воду и села, с обреченным видом сложив на коленях изящные руки. Девушка подняла на агента большие, полные страха глаза:

– Что вам угодно? Вы меня арестуете? Но я же, ни в чем не виновата?!

Лапьер присел рядом с девушкой и поднес к губам ее маленькую руку:

– Вам не нужно бояться меня, побуждения, приведшие меня сюда самые искренние, я ваш друг и защитник, ... если защита понадобится вам...

Жанна слегка успокоилась и уже весьма кокетливым жестом отняла у него руку.

– Но дело к вам у меня действительно есть, – зеленые кошачьи глаза как-то быстро потемнели, и теплота взгляда испарилась, – сегодня к вам придут две женщины, девушка годом-двумя младше вас и ее мать, они придут сюда, в примерную и я намерен дождаться их.

– Ах да, это Анриэтта и ее мать, гражданка Клеман, они хотели, чтобы я свела их с моим бывшим соседом. Зачем он нужен им я не знаю, но обещала помочь...

– Фамилия этого бывшего соседа?

– Гражданин Лемуар. Но это и все, что я знаю..

Лапьер выразительно склонил голову, на его губах появилась холодная улыбка:

– Этого достаточно.

Успокоившись, Лапьер снова сделался любезным кавалером.

Он уже стал поглядывать на часы, когда в дверь примерной тихо постучали.

– Войдите, – мелодичный голосок Ланж прозвучал несколько хрипло от волнения. На пороге неуверенно застыли, закутанные в дорожные плащи две женские фигуры, девушке было лет 18, женщине лет 40.

Увидев Лапьера, они сделали испуганное движение и отступили к выходу, но за спиной у них возникли несколько темных мужских фигур, вооруженных, на шляпах красовались трёхцветные национальные кокарды. Против воли обеим пришлось вернуться в примерную.

Слабо и насмешливо улыбаясь, Лапьер поднялся им навстречу:

– Вы не можете представить, как я рад видеть вас, графиня, – и еще ниже склонил голову, – мадемуазель, – в сторону бледной темноволосой девушки.

– Вы ошибаетесь, гражданин, – его встретил отчаянно твердый взгляд старшей из женщин, – мое имя Жюстина Клеман, я вдова ювелира, а это моя дочь, это досадное недоразумение!

Иронически – любезно улыбаясь, Лапьер внимательно разглядывал ее:

– Вы графиня де Турнэ, мадемуазель действительно ваша дочь, а главное – вы еще не вдова... И скоро встретитесь с мужем, вас отведут в Ла-Форс, – и, решив проявить некоторое участие, заметил, – вы бы напрасно ждали гражданина Лемуара, комиссар вашей секции, этот торговец паспортами и свидетельствами о благонадежности ... 100 франков штука, арестован еще вчера вечером.

На секунды Лапьер поморщился от отвращения. Он слишком хорошо знал, как именно многие агенты Комитетов используют свою поистине огромную власть, для вымогательства, шантажа и личного обогащения при реквизициях.

Обстоятельства таковы, что их жертвы, явные аристократы и роялисты совершенно не расположены жаловаться и привлекать к себе внимание, чем затрудняется своевременное выявление должностных преступлений.

Сделал знак людям:

– Уведите их. Жюсом, возьми приказ об аресте, а я еще немного задержусь.

И снова обернувшись к замершей в напряжении Ланж:

– Мне стыдно за испорченный вечер, гражданка, честное слово, стыдно. Надеюсь, вы сумеете простить меня, – Лапьер поднес к губам полудетскую ручку юной актрисы.

В 1793 году Норбер нечасто выступал в Якобинском клубе, еще реже он появлялся на трибуне Конвента, основное время он проводил в командировках в провинции с различными миссиями в качестве комиссара.

В начале июля он ещё был в Орлеане и узнал только из письма Жюсома о жестоком убийстве Марата фанатичной, подосланной жирондистами дворянкой, сколько в этих строках было боли, гнева и растерянности, Норбер не знал, что ответить другу.

Высоко оценивая некоторые работы Друга Народа по социальным вопросам, Норбер всё же не особенно симпатизировал Марату лично, считал его взгляды чрезмерно экстремистскими, к тому же, импульсивные люди с южным темпераментом всегда отпугивали его.

В глубине души, как многие якобинцы, Куаньяр считал, что своей смертью в качестве «мученика Революции» Друг Народа принес немало пользы, хоть это и отдавало долей жестокости, если вспомнить искреннее горе Симоны Эврар.

Пьер так высоко ценил Марата, что любые слова теперь были бессильны и бессмысленны.

Состояние его души поймет он до конца только через год, но по счастью никто не знает своего будущего...

В сентябре 1793 года Норбер был направлен комиссаром Конвента в западный департамент Майенн.

За столом, обитым потертым зеленым сукном сидели трое агентов Общественной Безопасности, уже известный Лапьер, холодный и элегантный как всегда, коренастый брюнет в красном колпаке Жозеф Жером Лавале и русо-рыжеватый, гибкий как юноша Пьер Жюсом. Позади стола гордо красовался национальный триколор молодой Республики, на одной из стен висел плакат «Декларация Прав Человека и Гражданина, 1793».

Лампа тускло освещала хмурые, озабоченные лица патриотов.

– Ну, вот скажи мне, Пьер. Почему выбор пал на меня? Чем я похож на дворянчика? Какой из меня барон эмигрант?!

Жюсом небрежно смахнул пепел:

– Ну, мы годимся на эту роль еще меньше. У тебя университетское образование, большой опыт, ты умеешь невозмутимо и ловко выбираться из самых опасных ситуаций, манеры не в пример лучше наших, язык хорошо подвешен... Ну словом, так решили.

Лапьер продолжал возмущаться:

– Среди нас есть и настоящие «бывшие», но искренние и верные люди, их и учить не надо, я не о шкуре беспокоюсь, я боюсь провала!

Лавале поставил на стол бутылку бордо:

– Это придумали люди не глупее тебя, время подготовиться у тебя есть. Знаешь, кто поможет тебе приобрести больше лоска и не вызывать подозрений? Муж арестованной вчера аристократки, де Турнэ.

Лапьер резко опустил бокал:

– А с чего вы решили, что он станет помогать нам? Разве что...

– Точно. Мы сделаем ему предложение, от которого он не сможет отказаться! Либо он сам станет нашим агентом, уверен, ради семьи он пойдет и на это, либо всё-таки ехать тебе, есть и третий вариант, отправитесь в Лондон оба.

Лавале был откровенно доволен затеей:

– Жюсом, распорядись, отправь людей в Ла-Форс, пусть его приведут сюда. Нет, не поздно, в самый раз. Думаешь, в тюрьме в ожидании вызова в трибунал хорошо спится? Чем плоха моя идея? Нет-нет, Лапьер, *non non avouez que c, est charmant!* (фр. «нет-нет, признайтесь, что это прелесть!»)

Через полчаса национальные гвардейцы ввели в кабинет хорошо, но старомодно одетого мужчину неопределенного возраста, ему могло быть от 50 до 55 лет. С минуту они, молча, разглядывали друг друга. Лапьер сделал небрежный жест:

– Садитесь!

Де Турнэ наклонил голову:

– К чему?

– Вы можете выручить нас, а мы, со своей стороны, можем помочь вам и вашей семье...

– Если речь не идет о предательстве, о роли республиканского шпиона

Лапьер вскинул руки в знак протеста и насмешливо улыбнулся:

– Отнюдь нет. Мне нужен хороший консультант в области дворянских манер и этикета, словом все, что нужно знать, чтобы не выделяться в вашем обществе. Согласны ли вы, стать моим учителем на определенный срок?

Растерянность отразилась в глазах де Турнэ:

– И это действительно всё, что вам нужно? Допустим, что я согласен. Что вы со своей стороны можете нам гарантировать?

Лавале и Жюсом молчали, говорил с графом только Лапьер:

– Жизнь, свободу и даже возможность остаться с семьей в Англии.

Граф де Турнэ жестом изобразил недоверие.

– Вам придется научиться доверять мне. Это честная сделка. Лично мне нужна ваша помощь. Завтра утром вы все будете свободны, но на новом месте жительства вас будут охранять днем и ночью. До утра вы можете отдыхать, уведите.

В кабинет, стуча каблуками, вошли национальные гвардейцы...

Де Турнэ добросовестно отнесся к своим неожиданным обязанностям, тем более что гражданин Лапьер, он же новоиспеченный барон д ,Альбарэ оказался весьма способным учеником.

– Ну что, похож я хоть немного на человека вашего круга? – спросил как-то за обедом Лапьер.

– Кажется даже слишком, – невольно вырвалось у собеседника, он мрачно нахмурился, крутя в руке вилку, – как подумаю, для чего вам это нужно мне становится страшно...

Лапьер смерил его жестким взглядом:

– Это уже не ваша забота, любезный. Сегодня я вынужден сообщить вам одно новое условие

Граф де Турнэ возмутился и даже привстал, отбросив салфетку:

– Вы же дали слово?!

Лапьер сделал успокаивающий жест:

– Верно, лично я ни от чего не отказываюсь. Решение принято неожиданно и не мной. Мне нужна страховка, а у вас есть связи, мы вместе едем в Лондон, вместо одного «эмигранта» будет двое, вам не о чем беспокоиться...

– Что будет с моей семьей? – расширенные зрачки де Турнэ не отрывались от невозмутимого лица агента.

Лапьер на секунду отвел глаза в сторону, но тут же, снова вскинул голову и четко раздельно произнес:

– Ваша жена и дочь останутся у нас. После моего возвращения в Париж или после моего письма им будут выданы паспорта для выезда в Англию, в Лондоне вы и встретитесь. От вас не требуется в сущности ничего, важно другое, я буду появляться в обществе вместе с вами, как товарищ по несчастью, Антуан Мари Исидор д, Альбарэ, мы вместе бежали из Ла-Форс. Можете от души ругать революционное правительство, Конвент, якобинцев. Кто еще едет с нами? Это вас не должно беспокоить, мы всё время будем вдвоем.

И помолчав, добавил:

– А пока ваша жена и дочь гарантия того, что вы не сдадите меня в руки британской королевской тайной полиции, – и, не сводя глаз с окаменевшего лица де Турнэ, уронил вяло:

– Дней 5 можете провести с семьей, в день отъезда я сообщу вам еще некоторые детали. Надеюсь, вы уже осознали, что побег не в ваших интересах? Вот эти люди, – он указал на Лавале и Жюсома, застывших за стулом де Турнэ, – проводят вас... Не замышляйте хитростей, не пытайтесь обмануть меня, Турнэ... и тогда вам и вашим близким ничто более не угрожает.

В ночь на 19 сентября 1793 года карета мчится из Лондона в порт Дувр, корвет, готовый к отплытию, немедленно поднимает якорь. Казалось бы, что в этом такого? Но на борту корвета, взявшего курс на Кале, берега Англии покинул таинственный узник и люди с сопроводительным письмом и отчетом гражданина Лапьера.

Люди Лапьера успешно сорвали опасные для Французской Республики секретные переговоры роялистов с Лондоном, методом похищения и доставки в Париж посланника от графа д, Антрэга герцога де Шольм.

Хуже было другое, второй объект, считавшийся еще более опасным, дерзкий и неуловимый австрийский агент контрреволюционной группы Луккезини британец Джемс Луис Рис исчез как всегда...

Осознав до конца свою подлинную роль, де Турнэ возмутился:

– Вы всё-таки солгали мне, не без моего участия вы втерлись в общество наших эмигрантов... так кто же я в собственных глазах, как не республиканский шпион, возможно даже убийца неизвестного мне и очень высокопоставленного человека моей партии и моего сословия, и как я могу после этого доверять вам в главном?! Может на самом деле моя жена и дочь... уже давно... – этими словами он буквально подавился.

Гнев в глазах сменился отчаянием и безнадежностью. Прижав руку к сердцу и болезненно поморщившись, де Турнэ тяжело опустился на стул.

Лапьер встретил этот взгляд спокойно и холодно. Ему не в чем было винить себя.

– Этот человек был крайне опасен, пусть его смерть не мучает вас...

– Опасен для кого? Для вашей Республики?! Для революции?! Хотите, чтобы я обеспокоился ее судьбой?!

– Опасен для Франции, господин граф, если вы еще не забыли что тоже француз, а не только дворянин и роялист.

Но через секунды гнев графа перевесил отчаяние, де Турнэ вскочил и в бешенстве схватил республиканца за горло обеими руками:

– Убью! Богом клянусь, убью!

Лапьер огромным усилием оторвал от себя его руки и отступил в сторону двери, откашлялся, держась за горло.

– Где же... ваши аристократические манеры... господин граф? Успокойтесь. Вы правы... кое о чем... я предпочел умолчать. Не смотрите на меня как на палача... подумайте. Узнав все сразу, вы категорически отказались бы от сотрудничества. Я, конечно, мог выбрать себе в помощники и другого, менее принципиального аристократа, шанс на успешное завершение операции все же сохранялся. А вот вас и ваших близких ждал бы трибунал и гильотина. Но... –

вот тут Лапьер на секунды отвернулся, будто смутившись чего-то, – это был для всех вас единственный шанс остаться в живых и я... я... не желал вам смерти. Не верите? Ваше право. Господин граф, ваши близкие живы... Не знаю лишь, чем я могу сейчас это доказать.

Граф слушал его мрачно и недоверчиво, но не перебивал.

– Угроза им состоит только в вашем поведении и в моей смерти по вашей вине. Но я жив и операция успешно завершена. Сегодня же я отпишу в Париж о выдаче паспортов вашей жене и дочери. Больше того, я позволю вам даже убедиться, что это письмо существует.

Лапьер честно сдержал свое слово и отослал еще одно письмо в Париж, затребовав паспорта для жены и дочери своего невольного «сообщника» де Турнэ и уведомляя о скором возвращении.

Но когда стало ясно, что неуловимый Рис в ловушку не попал, Лапьер задумался о том, как его самого встретят в Париже.

Ему все же казалось, что срыв опасных переговоров и высадки англо-эмигрантского десанта на побережье Нормандии неизмеримо важнее, чем упущенный Рис, но что об этом думает революционное правительство и что изменилось за это время в Париже?

Арест Лапьера – «барона д, Альбарэ» был весьма неожиданным. В лондонском театре, на него, как на французского якобинца указал один из эмигрантов, арестованный недавно при непосредственном участии Лапьера, препровожденный в Париж, но сбежавший из Ла-Форс.

Вмешательство графа де Турнэ было более чем поразительным, ведь его семья уже была в Лондон, и он мог уже не бояться за их жизнь. Лапьер напротив, уже слегка опасался своего невольного «компаньона», считая, что граф мог затаить ненависть и желание отомстить за вынужденное содействие республиканцам...

Но произошло иное, решив выразить благодарность Лапьеру за спасение своей семьи, он, умело используя свои связи среди французских дворян-эмигрантов, принятых при английском дворе, он добился решения суда о высылке «персоны нон грата» с территории Великобритании в течение недели, в случае промедления Лапьеру грозит тюремное заключение. Но депортация была наилучшим решением для агента Общественной Безопасности, чья принадлежность к этой организации, впрочем, и не была доказана...

(«Monsieur Pitt comme traître a la nation et au droit des gens est condamné a... – фр. «Питт, как изменник нации и народному праву приговаривается к...»)

Хорошо, что агенты британской секретной службы не читали мыслей дерзкого вольнодумца, отплывающего в Кале...

Норбер Куаньяр – комиссар Конвента в Майенне. Шуанское гнездо

В сентябре 1793 года Норбер Куаньяр был откомандирован в департамент Майенн в качестве правительственного комиссара с самыми широкими полномочиями от Комитета Общественного Спасения. Даже продвижение по западным департаментам было небезопасно для республиканца.

Второй комиссар Конвента, его спутник Лоран Лапьер на пару дней задержался в Париже, сдавая дела. Он временно замещал переводчика с английского при Комитете Общественного Спасения.

На дорогах свирепствовали «белые» повстанцы – шуаны, возглавляемые офицерами из дворян, терроризируя слабую местную власть, убивали с особой жестокостью якобинцев и всех сочувствующих успехам молодой Республики. Местные власти, нередко из жирондистов, зачастую отнюдь и не способствовали укреплению новой власти, мстили за поражение своей партии в Париже..

Уезжая из столицы, молодой комиссар вполне отдавал себе отчет о тех трудностях и опасностях, которые ждут его на новом месте службы.

Так, департамент Верхней Соны отказался принять комиссаров Данжу и Мартена, задержал их и отправил этапом в Париж под конвоем жандармерии. Эти комиссары, по-видимому,

не успели совершить никаких злоупотреблений властью, так как Исполнительный Совет 5 октября приказал их освободить и потребовал объяснений от администрации.

А департамент Финистер задержал Гермера, которого Исполнительный Совет послал в Брест и Лориан, чтобы разыскать в арсеналах оружие, назначенное для вооружения волонтеров. При этом Гермер произносил речи, направленные против лидеров Жиронды – Ролана, Бриссо, Гюаде, восхвалял Робеспьера и распространял памфлеты Марата. Он был лишен свободы в течении нескольких месяцев. Потребовался особый декрет Конвента от 4 марта 1793 года, чтобы заставить власти Финистера освободить его...

Дорога, скверно содержимая не представляла собой того оживленного вида, какой имела еще несколько лет назад. Сельские жители выглядели недоверчивыми и мрачными. Куаньяр нечасто встречал поселян, да и те поглядывали на всадника испуганными глазами, а иной раз делали вид, что вовсе не замечают его. Некоторые же, наиболее смелые или напротив более осторожные и робкие приветствовали его поклоном.

Между тем внешний вид молодого всадника был весьма привлекательным и сам по себе не мог внушать ни ужаса, ни отвращения.

Только костюм его выдававший революционера внушал опасения и неприязнь жителям западных департаментов, известных своей крайней консервативностью и склонностью к роялизму.

Шляпа его с выгнутыми полями и национальной кокардой, длинные иссиня-чёрные волосы отдуваемые ветром падали на смуглое лицо и широкий белый галстук, очертания тела скрывал темный плащ, расходящийся на широкой груди, позволяя увидеть тёмно-синий сюртук и широкий трехцветный пояс-шарф, на ногах обуты высокие, но без шпор сапоги.

Всадник постоянно шпорил коня, как бы желая поскорее добраться до места. До Лавалья оставалось менее часа пути. Места и впрямь были беспокойные, и Куаньяр понимал опасения мирных жителей. Сегодня зверствуют шуаны, убивают за малейшее сочувствие республиканцам, а завтра рубят головы за ношение белых кокард и верность «старому режиму»...

Сам Друг Народа, изображаемый господами жирондистами «свирепым зверем», еще весной 1793 в споре с жирондистом Ланжюинэ высказался в Конvente против неразборчивых расправ со здешними жителями.

И то верно, карать следовало их вожakov и подстрекателей из дворянства и неприсягнувших конституции священников, убеждающих невежественную паству, что убийства и даже пытки революционеров «угодны Богу».

До какой крайности запугала их вражеская агитация Парижем и якобинцами, выдумывая мнимые «ужасы», будто-бы происходящие в столице, оболгав до неузнаваемости виднейших деятелей клуба и Конвента.

Нужно пресекать враждебные инсинуации и разъяснять людям ситуацию. Они должны правильно понять нас, и тогда перестанут бояться.

Мы не бессмысленные звери, лучшие из нас очень далеки от какой-либо намеренной жестокости. У нас есть серьезная программа глубоких реформ, для их осуществления мы пришли к власти, она для нас только средство, но не цель. Голос Власти...должен, наконец, стать и голосом Разума... революционное правительство опирается в своих действиях на священнейший закон общественного спасения и на самое бесспорное из всех оснований – необходимость..., как верно заметил гражданин Робеспьер в своем докладе...»

Глухой стук копыт на каменистой пыльной дороге заставил Куаньяра обернуться. К нему быстро приближались семеро всадников. Долгое время спустя, вспоминая всё, что случилось, он не мог понять, зачем придержал коня, поджидая случайных попутчиков..

Он узнал троих из этих молодых людей, они сидели за соседним столиком в трактире, откуда он выехал около часа назад.

Один из них неожиданно вскинул руку с пистолетом, и резкая боль свалила его с седла. Молодые люди спешили и обступили раненого Куаньяра, который с трудом пытался приподняться.

– Граждане, во имя Разума, за что?, – вырвалось со стоном, он попытался приподняться, но сильный удар сапогом повалил его на землю.

– Знал бы за что, содрал бы кожу живьем, одним якобинцем меньше, мир чище, – к Куаньяру склонилось бледное перекошенное ненавистью лицо. На раненого градом посыпались удары каблуков. Били методично и долго, выбирая наиболее болезненные точки и раненое плечо.

Норбер закричал от невыносимой боли, но уже вскоре лишь корчился, стонал и хрипел, откнувшись лицом в потемневшую от крови пыль. А сапог всё бил и бил в голову и дикая боль отдавалась в глубине черепа...

– Господин Желамбр, остановитесь или мерзавец сдохнет слишком быстро, – один из нападающих схватил товарища за рукав.

– Господин Ленонкур, вы хладнокровней всех нас. Я слишком ненавижу этих чудовищ Конвента, спущенных на наши головы с адских цепей!

Самый старший из четверки, изящный блондин лет 30 в темном костюме вылил на голову Куаньяра воду из фляги, послышался глухой стон, блондин присел рядом с ним и взял за подбородок, приподняв голову, и с видимым наслаждением заглянул в расширенные от боли темные глаза:

– Вот видите, он жив, эти простолюдины вообще потрясающе живучи, как черви. Сейчас наглядно покажу вам, господа, как на моей плантации в Сен-Доминго наказывают непокорных черномазых рабов! Французские плебеи ничуть не лучше негров...

Элегантный молодой аристократ наклонился к Норберу, красиво очерченные губы змеились жестокой улыбкой:

– Любезный друг, не думай, что для тебя всё закончилось. Видишь этот кнут, я недурной художник, сейчас я нарисую прямо на твоей якобинской шкуре «Закат над Луарой»...

Дальнейшее Куаньяр помнил плохо, его оттащили в сторону от дороги, раздели до пояса, связали руки.

Роль палача взял на себя блондин, бил вдумчиво, умело, с оттяжкой и с видимым удовольствием, вслушиваясь в каждый хрип и болезненный стон, вглядываясь в искаженное страданием разбитое лицо.

Тело превратилось в комок боли и ужаса. С каждым ударом из под кнута брызгала кровь, скатываясь рубиновыми ленточками по худым бокам. А «благородный» палач не унимался, веревки срезаны, пнув под ребра сапогом, его перевернули на спину, острое лезвие сабли коснулось груди, сделав один глубокий надрез за другим... Господи, придет ли этому конец! Остановитесь, мы же люди!

Неожиданно он услышал молодой женский голос, один из палачей оказался женщиной, одетой по-мужски:

– Это ждёт всех их... всех..., – в голосе девушки звучала холодная ненависть, – участь цареубийцы Дамьена. Ты меня слышишь, якобинец?! Этьен, я хочу, чтобы он страдал до последнего вздоха!

Она ткнула носком сапога израненное тело и глухо рассмеялась, услышав тихий болезненный стон...

Добровольный палач испытывал при этом явное зверское наслаждение, глаза блестели, тонкие ноздри раздувались, а его спутники наблюдали за жестокой пыткой, словно младшие жрецы за магическим ритуалом, торжественно и бесстрастно.

Много раз он терял сознание и столько же раз его приводили в чувство. Сознание покинуло истерзанное тело надолго, когда мучители принялись обсуждать, не следует ли напоследок

док вырезать ему глаза и отрубить руки. Он думал, что умирает и чувствовал облегчение, последнее, что он услышал, словно в тумане:

– Верный пёс революции сдох.. Якобинские выродки надолго запомнят нас в этих краях, клянусь честью, господи!

Окровавленного и полуживого, Куаньяра подобрал экипаж, в котором возвращались в Лаваль доктор Розели с сестрой. Сознание вернулось в измученное тело во время перевязки в доме Розели.

– Несчастный мученик! – услышал он мягкий женский голос, медленно открыв глаза, Норбер увидел склонившееся над ним миловидное личико девушки лет 28 с жемчужно-серыми, полными жалости глазами.

– Арман, он открыл глаза, подойди!

Изящно, но скромно одетый мужчина лет 40 приблизился к постели:

– Как вы себя чувствуете? Мы подобрали вас в жутком состоянии..

Куаньяр слабо улыбнулся вспухшими разбитыми губами:

– Я... жив и... жизнью обязан вам, ...гражданин...

– Меня зовут Арман Розели, я врач и вы в моем доме. А это моя сестра Анна-Мария.

– Мою лошадь не нашли? В седельной сумке мои документы... – он хотел еще добавить «я комиссар из Парижа», но осторожность удержала, почём знать, кто эти люди... и продолжать не стал, замолчал, прикрыв от боли глаза.

– Нет, видимо лошадь убежала. Потеря документов это конечно не шутка, но сейчас не об этом надо думать, вы ранены в плечо, жестоко избиты, а эти раны на спине, боках, на груди, – тонкие губы доктора Розели болезненно дёрнулись, – видимо, нет пределов человеческой жестокости. Вам нужен отдых и покой, пока мы оставим вас.

Норбер был очень слаб, он уже не слышал, как за братом и сестрой Розели закрылась дверь.

Шуаны

На пятый день после этих событий под покровом темноты на пороге двухэтажного дома доктора Розели появились двое, мужчина, в надвинутой на глаза шляпе, закутанный в плащ и высокая темноволосая девушка слегка за двадцать, она резко постучалась, с тревогой оглядываясь по сторонам. Но никого поблизости не было, улица была безлюдна в этот поздний час.

Появление младшей сестры с мужем застало хозяина врасплох, что было видно по бледности его лица и нервным жестам.

Молча, прошли они в гостиную и уселись в кресла, обитые зелёным утрехтским бархатом. Мария, разбуженная резким стуком, быстро оделась и сошла в гостиную. Ее тонкое лицо выражало и оживление и озабоченность.

– Как ты неосторожна, Элен, – упрекнул девушку Арман Розели, – тебя могли увидеть. И сдержанно обернувшись к молодому человеку:

– Чем мы обязаны столь позднему визитом, господин маркиз? Надеюсь, к теме, поднятой в прошлый раз, мы уже не вернемся, ибо я уже объяснял, при всей моей глубокой неприязни к революционной власти, к её идеям и к дьявольским санкюлотам, я не намерен становиться «под ружьё» и уходить в леса, я врач, врачом и останусь впредь.

Молодой человек выслушал Розели, изящно откинувшись в кресле, вытянув длинные ноги в высоких сапогах. На его красиво очерченных губах скользила ироническая усмешка, сунув голубые, острые как льдинки глаза он нервно постукивал стеком по голенищу сапога.

– Я и не намерен более убеждать вас, любезный. Всё проще, мы пришли как гости и при этом ненадолго, девочка скучает, вынужденная жить в стесненных условиях совсем неподходящих для утонченной женщины нашего круга.

Элен отличалась от старшей сестры не только более темным цветом волос и глаз, но и надменным взглядом и жестковатым выражением лица, что уменьшало впечатление от юной девичьей красоты.

Розели обеспокоенно прислушался, но было тихо. Налил коньяк себе и молча подвинул вторую рюмку д, Эспаньяку.

– Я заглядывала в его комнату, он спит, – успокоила брата Мария.

– У вас гость? Я могу узнать, кто он?, – Элен удобнее расположилась в глубоком кресле, отложив в сторону дорожный плащ и широкополую шляпу с яркими перьями, – было бы неплохо провести время в хорошем обществе, а то шуаны, которые нас окружают, хотя и союзники, но всё из той же черни...

Услышав историю Куаньяра, она мрачно нахмурилась, и безапелляционно заявила:

– Проклятые санкюлоты, варвары, им мало гильотины, нет такого скотства, до которого не опустились бы эти отбросы человечества!

Мари переглянулась с братом и поэтому оба не заметили, как напрягся д, Эспаньяк, как дёрнулись в нехорошей усмешке его губы, как стиснули стек холёные белые руки.

– Говори тише. Мы еще не знаем, кто это сделал и кто он сам, наш невольный гость.

Элен сделала нервный жест:

– Надеюсь, вы не считаете, что люди благородной крови из хорошего общества могут опуститься до побоев и пыток, просто застрелили бы и только! А впрочем, – девушка холодно сузила глаза, – между нами, нет таких адских мук, каких не заслужили бы эти царевубийцы!

Она обменялась с мужем понимающим взглядом, они словно вспомнили о чём-то.

Мария грустно покачала головой и недоверчиво улыбнулась, тряхнув русо-золотистыми волосами:

– Ты говоришь, как дикарка из племени людоедов, но ведь сердце же у тебя не каменное!

Элен холодно улыбнулась сестре и положила на стол пистолет:

– Я не расстаюсь с ним ни днем ни ночью, с тех пор, как я, маркиза д,Эспаньяк с мужем и другими благородными людьми разделили образ жизни шуанов. Эта игрушка мне не для красоты...

Мария смотрела на младшую сестру, широко открыв глаза:

– Нет, я не верю, ты же не сможешь.. Знаю, как ты ненавидишь якобинцев, но всё же, окажись один из этих несчастных под дулом твоего пистолета, ты же в него не выстрелишь? Не сможешь убить?

Розели грустно смотрел на сестру, словно не узнавая её, вчерашнего подростка, что-то чужое и жестокое в глубине красивых карих глаз отталкивало его.

Д, Эспаньяк, потягиваясь в кресле с ленивой грацией сытого хищника, слушал спор сестёр с явным удовлетворением и одобрительно улыбался молодой жене.

– Я стреляю в санкюлота как в бешеное животное, – яркие губы Элен сжались решительно и зло, – а тебе Арман недурно было бы точно узнать, кого ты спас и не привел ли ты врага в свой дом...

Маркиз поднял на хозяина светлые волчьи глаза с расширенными зрачками, его тонкое надменное лицо помрачнело, он брезгливо поморщился:

– Кажется, я знаю, кого вы могли подобрать на этом участке дороги. Так он не сдох? Санкюлоты поразительно живучи... Сударь, уверяю вас, этот негодяй стопроцентный якобинец и при высокой должности, на нем был трехцветный шарф ... А теперь сами решайте, как вам поступить с ним...

Побледнев, Розели поднялся с кресла и принялся мерить комнату неровными шагами. Заговорил он отрывисто и нервно:

– Из-за этого мы уже ссорились и не раз.. Я, прежде всего врач, и сказать честно, горжусь этой профессией. Я врач и для меня больной и раненый не роялист или якобинец, не дворянин или простолюдин, а человек, нуждающийся в милосердии и помощи.

Кто бы он ни был, сейчас он ранен и совершенно беззащитен, в любом случае я не бросил бы его умирать на дороге, будь он хоть членом их проклятого революционного правительства, хуже того, окажись он хоть самим Робеспьером или Сен-Жюстом!

Элен разочарованно, мрачно и чуть презрительно смотрела на старшего брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.